

проф Е.А.КОРОВИН

КАТОЛИЦИЗМ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

СОЦЭКГИЗ

1 9 3 1

ВВЕДЕНИЕ.

Извилист и сложен исторический путь католической церкви—путь, начатый христианством катакомб и завершившийся «католицизмом банков». Тому, кто захотел бы восстановить важнейшие вехи этого пути, пришлось бы, вооружившись скальпелем марксистского анализа, погрузиться в архивную пыль и плесень столетий. Он нашел бы там в стенах первобытной церковной общины проблему пауперизма, люмпен-пролетариата и связанную с ней организацию духовенства, как касты, заведующей накоплением и распределением материальных благ. Перед ним развернулась бы живописная историческая драма борьбы христианского плебса с империей языческих цезарей, закончившаяся в IV в. внешним «обращением» (капитуляцией) империи и внутренним «перерождением» церкви. В знаменитой истории христианских ересей он усмотрел бы форму своеобразной социально-политической борьбы отдельных групп в составе господствующего класса разлагающейся империи. На рубеже средневековья он встретил бы римское папство, умножающее свой земельный и политический капитал, лавируя среди варварских государств—преемников одряхлевшего Рима. С образованием Церковной области открылась бы перед ним двойная история папства—как крупнейшей из международных организаций правящего класса и как одного из могущественных итальянских государств. Церковь, как богатый аграрий средневековья, и церковь, как могучий рычаг нарождающегося торгового капитализма (крестовые походы, квасцовая монополия и пр.): папа, судящий именем Христа народы и королей, и папа, в качестве главы торгового предприятия, эксплуатирующий первых, торгуя поочередно индульгенциями, церковными должностями, католическими квасцами и медью, и договаривающийся со вторыми о разделе прибылей и расчищающий дорогу для ростовщического капитала и акционерных компаний. Отсюда понял бы он и яростный поход молодой буржуазии XVIII в. против «мертвой руки» церковного помещика и верхушечного блока дворянской олигархии с церковными князьями, понял бы пламенные строки «просветителей» и энциклопедистов и робес-

пьеровский культ «Разума», убедился бы в неизбежности поражения папства, и его исторического заката.

Из анналов последнего столетия почерпнул бы он поучительный урок, как, блокируясь поочередно и со всеми историческими врагами Италии и итальянского объединения (Франция, Австрия), заклиная «дух времени» анафемами Силлабуса и угрозой иноземных штыков, Ватикан делал тщетные попытки—спасти вместе с клочками своей территории остатки своего бывшего величия и власти.

Освобожденный, хотя бы против своей воли, от бремени государственных забот и внутренней политики, Ватикан, с наступлением эпохи монополистического капитализма, черпает в поддержке последнего новую силу, гальванизирующую его остывающий труп. «Папская мантия» оказывается весьма подходящим нарядом для финансового капитала, она своими широкими складками прикрывает и борьбу за передел колоний, и подготовку империалистических войн, и тщетные попытки капиталистической «стабилизации». И чем выше подымается вал революции, тем сильнее тянутся имущие классы к «алмазной плотине» церковного авторитета.

Настоящая работа ограничивается—во времени,—исключительно периодом империализма.

Со стороны содержания, она ограничена изучением роли католицизма, как фактора современной мировой политики, по трем соображениям: во-первых, потому, что именно на этом поприще монополистический капитал особенно интенсивно использует церковное оружие и маску; во-вторых, эта сторона церковной деятельности менее всего известна широким массам, не только за границей, но и в СССР; и, в-третьих, именно в этой области (от католического шпионажа и до подготовки «крестовых» интервенций включительно) Советскому Союзу пришлось и приходится ежедневно сталкиваться с международными организациями современного католицизма.

Сознавая возможную неполноту отдельных частей своего труда и объективную трудность их восполнить, поскольку католическая церковь не принадлежит к числу предприятий, обязанных публичной отчетностью, автор не счел возможным задерживать далее издание настоящей книги. Он видит в ней посильный «ответ римскому папе» советской науки и общественности, внося свою долю в оборону советской страны и осуществляемого ею социалистического строительства.

Глава I.

«КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА».

Срастание монополистического капитала с церковью. Если блок церкви и государства, как двух организаций господствующего класса, стар, как сама история, то спрашивается, что же нового вносит в эту проблему современная эпоха монополистического капитализма? «Гигантские размеры финансового капитала, концентрированного в немногих руках и создающего необыкновенно широко раскинутую и густую сеть отношений и связей, подчиняющую ему не только средних и мелких, но и мельчайших капиталистов и хозяйчиков... все это вызывает повальный переход всех имущих классов на сторону империализма» (Ленин, «Империализм, как новейшая стадия капитализма»). «Финансовая олигархия, налагающая густую сеть отношений зависимости на все без исключения экономические и политические учреждения современного буржуазного общества,—вот рельефнейшее проявление этой монополии» (там же). «Империализм есть эпоха финансового капитализма, монополий, которые всюду несут стремления к господству, а не к свободе». Отсюда—«реакция по всей линии при всяких политических порядках» (там же). Вывод из изложенного в достаточной мере ясен: та относительная свобода маневрирования в пределах правящего класса, которую имели церковные и всякие другие организации на более ранних ступенях капиталистического развития (компромиссы и блоки с аграриями, с торговым капиталом, с промышленным и с отдельными их прослойками), окончательно утрачивается с переходом к монополистическому капитализму. Отстаивание только его интересов и выполнение только его социального заказа становятся единственным и непреложным законом современного капиталистического общества. Отсюда—процесс неизбежного «срастания» между церковью и командной верхушкой империалистической олигархии, протекающий в различных формах и осуществляемый различными методами в разных странах.

Договоры государства с церковью. Одна из типичных форм подобного срастания—«конкордаты» или договоры, заключаемые буржуазными правительствами с Ватиканом, как международным центром, объединяющим наиболее мощное из современных церковных образований—организованный католицизм. Франция, Италия, Испания, Португалия, южно-американские республики, Югославия, Чехо-Словакия, германские государства, лимитрофы СССР, Польша—таковы сегодняшние контрагенты Рима. Содержание этих договоров и соглашений весьма разнообразно, начиная с соглашений о литургических почестях (каждение во время богослужения, почетное место в церкви и проводы до паперти), обеспечиваемых представителям французской дипломатии в странах колониального Востока, и кончая польским конкордатом, по которому служители католического культа полностью приравняются к государственным чиновникам польского государства. Однако целевая установка всех этих договоров остается неизменно тождественной. Правящая капиталистическая группа, хозяин соответствующей государственной машины, предоставляет церковной организации основную материальную базу, финансовую и часто земельную (остальное церковь извлечет уже сама собственной агитпропработой), обеспечивает ей необходимые кадры (монашеские ордена, конгрегации, клир) и соответствующие правовые гарантии. Некоторые договоры этим и ограничиваются, полагаясь в остальном на «самодетельность» церковников.

Другие договоры (например, итальянский конкордат), не довольствуясь этим, особо обеспечивают за церковью командные высоты и в школе (закон божий) и в семье (церковный брак). Со своей стороны, церковные организации выполняют «социальный заказ» как капитала в целом, так и его отдельных национальных групп, благословляя в буквальном и переносном смысле правящую династию, господствующую партию, ее оружие и ее агентов, от премьер-министра (ср. награждение папским орденом Муссолини) и до городского, включительно.

Внедоговорные формы срастания. В несколько отличных формах складываются отношения церкви и государства в некаатолических странах, отчего не меняется, впрочем, ни в какой мере сущность этих отношений. Английская государственная церковь, теоретически возглавляемая английским королем, практически же—лидером господствующей в парламенте партии, имеет епископов, назначаемых правительством и по должности заседающих в верхней палате; духовенство, оплачиваемое британской казной, пользуется молитвенниками, утверждаемыми пар-

ламентским голосованием (хотя бы большинством голосов индверцев и атеистов); православная церковь в Турции служила открытой агентурой иностранного (греческого) правительства; в Румынии церковь возглавляет румынский фашизм и боярскую олигархию (патриарх Мирон). В дореволюционной России церковь руководилась «крепостниками в рясах», петербургскими графинями (салон Игнатьевой) и их распутными фаворитами (Распутин и К°). Не нарушает общего стиля и сионистская организация, эта поразительная попытка величайшего исторического обмана, бессовестной спекуляции крупной буржуазии на невежестве и мелкобуржуазной романтике («обетованная земля»), служащая поочередно шахматной фигурой в руках различных империалистических правительств (декларация Бальфура и Палестинский «очаг»). Не блещет после этого особой оригинальностью попытка белогвардейского барона Унгерна—объявить себя в степях Монголии живым «буддой», и запоздалое обращение к покровительству последнего его достойного соратника—небезызвестного дальневосточного бандита—атамана Семенова (воззвание к бурятскому народу).

Чрезвычайно красочно запечатлелась религиозно-политическая методика современного империализма в исторической фигуре последнего Гогенцоллерна—германского императора Вильгельма II, набожного лютеранина и почитателя «старого немецкого бога», проводившего в рейхстаге при помощи католиков и папы свой военный бюджет, громогласно рекомендовавшего себя другом Турции и защитником ислама и одновременно призывавшего православную Россию к спасению христианской цивилизации от азиатов (читай—от англо-японского союза).

Социальный заказ монополистического капитала церкви. Можно сказать почти априорно, что выполняемый церковью империалистический «заказ» должен в первую очередь коснуться именно тех вопросов и проблем, которые для монополистического капитала, на данной стадии его развития, являются наиболее актуальными. На первое место здесь естественно придется поставить проблему борьбы за рынки и передел колоний, на которую церковь отвечает своей миссионерской деятельностью.

Церковные миссии, как орудие борьбы за колониальный передел. Прежде всего, несколько цифр, характеризующих современный масштаб миссионерской работы. В 1925 г. организована была в садах Ватикана всемирная миссионерская выставка. Опубликованные по этому случаю материалы (касающиеся только католических миссий) дают нижеследующую картину: в миссиях занято 12 712 священников,

4 095 инструкторов, 24 162 монахини, 65 641 учитель-катехизатор; миссии имеют в своем распоряжении 66 397 станций, 44 535 церквей, свыше 40 000 низших школ с 1 700 000 чел. учащихся, 462 профшколы, 875—высших школ, 144—средних, 8 университетов и 1 560 «разных учреждений», как то: детские приюты, фермы, фабрики, мастерские, аптеки, больницы, типографии¹.

Роль миссий, как форпостов европейской «культуры» и колониальных захватов, коммивояжеров, капитала и его политических агентов, которые, говоря языком Ленина «лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства», достаточно общеизвестна, чтобы нужно было о ней подробно распространяться. Так недавно без тени малейшей иронии г. Мид-Эрл, давая на страницах полуофициозного американского журнала «Eoreign Affairs» (апрель 1929 г.) обзор деятельности американских миссионеров, указывал, что район деятельности миссий «является коммерческим Hinterland'ом для христианства», что миссии оказывают «моральную поддержку торговле», и доходил до наименования новообращенных язычников «клиентами» (customers) миссий.

Не менее поучительный материал находим мы и во французских парламентских отчетах. Весной 1929 г. комиссия по иностранным делам палаты депутатов, по докладу г. Эро, обсуждает вопрос о государственной субсидии 9 миссионерским организациям, работающим во славу господина и «прекрасной Франции» в Малой Азии, Японии, Корее, Манчжурии, Китае, Сиаме, Индии, в Южной и Центральной Африке и в Америке. При этом делается несколько любопытных констатаций². Так оказывается, что в то время как все французские светские школы за границей сумели завербовать всего 10 000 учеников, французские церковные миссии имеют таковых свыше 500 000. Вместе с тем отмечается тревожный для Франции симптом—падение численности французской прослойки в миссионерских организациях за последние 30 лет, спустившейся до 40% и менее, несмотря на то, что, как справедливо отметил Феликс де Вогюэ, все сменявшие друг друга во Франции правительства «и даже самые передовые» неизменно поддерживали, за счет государственной казны, французских миссионеров, расценивая их поддержку как «проблему французской пропаганды»...

¹ См. J. Ageorges, L'exposition des missions au Vatican, «Correspondant». 1925, № 1507.

² См. «Europe Nouvelle», 1929, № 581, стр. 424.

Убежденная этими аргументами палата вотировала соответствующую дотацию миссиям и их школам (подготовка кадров во Франции), доказавши тем самым лишний раз, по образному выражению г-на Бриана, «всему миру, что французская республика не поставит под угрозу такие лучезарные центры, каковыми являются наши французские миссии за границей» (из речи 20 марта 1929 г.)

Наибольшее беспокойство французскому правительству причиняет миссионерская конкуренция итальянцев, бельгийцев и особенно немцев¹. Последние еще накануне мировой войны развили весьма интенсивную миссионерскую деятельность (Шмидлин, Дитштейд и др.), направленную не столько на обращение новых языческих душ, сколько на овладение позициями, ранее уже захваченными другими миссионерскими организациями (проблема «передела»). Мировая и колониальная политика Германии, писал д-р Дитштейд, «может и должна идти бок о бок с религией: христианские миссии являются наиболее действительными проводниками германского влияния за границей».

1912-м годом датируется образование германских миссионерских центров (на Венском евхаристическом конгрессе) и проект открытия в Китае немецкого католического университета (миссионерская конференция в Тьзинаньфу, 2-миллионное пожертвование германского императора и т. д.). Следующий этап — попытка захвата в Турции во время мировой империалистической войны (1916 г.) всех французских миссионерских учреждений, подлежавших ликвидации, в связи с франко-турецкой войной (см. мемуары Эрцбергера). Дальнейший маневр франко-германской миссионерской борьбы — передача в 1922 г., по совместному требованию германских и американских католиков, управления одним из важнейших миссионерских центров (ассоциация «пропаганды веры») из французских рук в итальянские («нейтральные»). Наконец, в 1925 г. Германия добивается открытия в Пекине немецко-американского католического университета, конкурирующего с французским в Шанхае и наделенного к тому же особой церковно-административной экстерриториальностью (свобода от подчинения пекинской католической епархии, руководимой французами). Французское правительство, разумеется, не остается в долгу и компенсирует свои потери в другом месте, получив от Ватикана, после сложных дипломатических перипетий, назначение французского епископа (вместо немецкого), в Са-

---

¹ См. «Europe Nouvelle», 1926, № 420. «La politique missionnaire de l'Allemagne», стр. 310.

арскую и Рейнскую области, французского архиепископа (вместо английского)—в Багдад и французского викария (взамен испанского)—в Марокко.

А в то же самое время с «наивностью», граничащей с цинизмом, французские капиталисты учреждали через Академию наук денежные премии (Делаж и др.) «за лучшее ознакомление с Францией и евангелием—вне пределов Европы»¹.

Даже мертвые миссионеры служат делу империализма не хуже, чем живые. В 1897 г. после убийства двух миссионеров в Китае—Вильгельм II писал своему канцлеру фон-Бюлову: «Вчера я получил официальное сообщение о нападении, убийстве и ограблении немецкой миссионерской станции в Шандуне. Итак, наконец, китайцы дали нам давно желанное основание и случай...». 2 года тому назад, начиная подготовку «крестового похода» против СССР, Пий XI обнаружил во всех покушениях на католических миссионеров в Китае «зловредное влияние» соседней державы (т. е. СССР). А империалистические правительства не замедлили сделать из этого соответствующие «выводы», введя свои дредноуты в китайские порты и высадив свои десанты для спасения угрожаемых миссий...

Церковь, как орудие национального гнета. Столь же успешно выполняет церковь и другой социальный заказ империализма—борьбу с национально-освободительным движением как в полуколониях, так и в самой Европе. Кто не помнит из недавнего прошлого роль церкви на службе российского самодержавия, начиная с организации погромных союзов «Двуглавого орла» и «Михаила-архангела» и кончая принудительной руссификацией Холмщины (епископ Евлогий и III Гос. дума)? Не служили ли еще вчера ислам и его муллы послушным орудием в руках виртуоза английской контрразведки полковника Лоуренса для низвержения Амманулы, как символа опасных для Великобритании национально-освободительных течений в Афганистане, и для возведения на его место Баче-Сакао, наемного бандита, купленного агентами «Интеллиженс Сервис» по сходной цене. И сегодня на наших глазах, взывая ко всему миру о большевистских гонениях на церковь, католическое духовенство в Польше планомерно и систематически сотнями ликвидирует православные храмы на предмет укрепления польской «культуры» и «государственности» в восточных кресах (окраинах). В это же время на другом конце Европы их французские коллеги столь же охотно расправляются с эльзасскими автономии-

---

¹ «Temps» от 12/IV 1930 г.

стами (сторонники автономии Эльзаса, «освобожденного» Францией по Версальскому договору от «германского ига»). Не отстают от последних и испанские прелаты по части удушения каталонского национального движения.

Остановимся на последнем, как на одной из типичных иллюстраций. Экономическая мощь каталонской буржуазии, особенно возросшая за время мировой войны, не соответствует ее политическому влиянию в современном испанском правительственном механизме¹. Отсюда—длительная борьба «каталанистов» (*Liga regionalista*, *Accio Catala* и др. и др.) за государственную децентрализацию, за автономную Каталонию. Тесно связанное с каталонской буржуазией местное католическое духовенство является естественным проводником в массы ее влияния и политических устремлений. Мадридские диктаторы (Примо-де-Ривера) просят и требуют помощи Ватикана—для ликвидации церковной агентуры каталонского движения. В 1928 г., в результате переговоров испанского правительства с папским нунцием (Тедешини) и «инспекционной» поездки последнего по Каталонии, следуют одна за другой три директивы курии, обращенные к каталонскому духовенству. Первая предписывает не прибегать на исповеди к каталонскому наречию, а пользоваться кастильским, во второй осуждается «каталанизм», как движение революционное и мятежное, а потому вредное для религии, и предлагается вести с ним борьбу в духовных учебных заведениях, бойкотировать его литературу, газеты и т. п. Согласно третьего предписания (январь 1929 г.), каталонскому духовенству воспрещается всякое участие в политической жизни, устанавливается предварительная духовная цензура для всех печатных его работ и предписывается обязательное употребление испанского языка для проповедей, надгробных слов и пр. Словом, мадридский «заказ» выполнен на все сто процентов.

Церковь в подготовке империалистических войн. Поскольку «при капитализме невозможны иные средства восстановления время от времени нарушенного равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике» (Ленин) и поскольку, с другой стороны, массовый характер современной войны требует таковой же и идеологической к ней подготовки, постольку здесь открывается исключительно благодарное поприще для сотрудничества империалистического государства и церковных его организаций. Неоценимые услуги оказала церковь вообще, и

---

¹ L. Rollin, *Le problème catalan*, «Europe Nouvelle», 1929, № 612, стр. 1462—1465; см. также, «Europe Nouvelle», 1925, № 373, стр. 486.

католическая, в частности, государству во время последней империалистической войны. Действительно, кто лучше церкви и ее служителей мог доказать многомиллионной «серой скотинке» — многоголовому «пушечному мясу», посылаемому на чудовищную бойню современной империалистической войны, что жизнь и здоровье людей — не кровавый дивидент по акциям международных банкиров, «королей» железа и стали, нефти и хлопка, но «священная», «искупительная» жертва «последней» «освободительной» войны, войны за угнетаемых «братьев», за насилуемую «совесть», за «гонимую веру»? Кто лучше церковного проповедника успокоит и утешит в глубоком тылу высокими словами о «жертве», «Голгофе» и «всепрощении» горе обездоленных жен и матерей и клочущее негодование сыновей и братьев? Дирекция не останавливается ни перед какими затратами: «светская республика» во Франции прикрепляет к ротам, полкам и эскадронам священников-духовников, за счет британской казны брамины и муллы сопровождают колониальные армии в Европу, католические, православные, протестанские институты, братства, проповедники, листки и газеты соперничают друг с другом в ненависти и лжи, деля и монополизировав отечество и бога, дисциплину и рай...

Крах католического универсализма — церковь на службе воюющих. Что касается национального католического духовенства, то оно без лишних сомнений и колебаний обратило все свои способности и силу на обслуживание соответствующих правительств, организаторов и участников всемирной бойни. Достаточно вспомнить деятельность таких организаций, как «Католический комитет французской пропаганды за границей», с его печатными «трудами»¹ о «германской культуре и католицизме» и альбомами «фотографических документов, иллюстрирующих соответствующее поведение германской и французской армии в отношении католической церкви», достаточно напомнить «патриотические» выступления отдельных прелатов, в роде письма парижского кардинала Аметта, епископов Бодрильера, Туринау, Лоббедей, Миньо², пастырского послания бельгийского кардинала Мерсье³ и произведений, принадлежащих перу различных священнослужителей (например французских), в роде («Да здравствует Франция», «Около наших мертвецов», «С поля битвы — в небо», «Как они умирают», «Душа их бессмертна», «Военные впечатления священников-солдат», «Духовенство,

¹ «La Guerre allemande et le catholicisme», P. 1915.

² Там же, стр. V, 191, 242, 253, 266.

³ Об его значении в антигерманской пропаганде см. «Figaro» от 14/I 1915 г.; см. также сб. «La presse et la guerre», P. 1915.

католики и война») ¹, чтобы убедиться, что пресловутое католическое (вселенское) «единство» — не более как исторический миф ². Но не менее, если не более, поучительна политика международного центра католицизма — Ватикана в период последней империалистической войны.

Не касаясь еще достаточно темного вопроса о позиции Ватикана в момент, непосредственно предшествовавший войне (ср., например, мемуарные разоблачения об одобрении курией австрийского ультиматума Сербии), ограничимся выступлениями Ватикана в период самой мировой войны.

Контрреволюционный пацифизм Ватикана и его бесплодность. Первым откликом курии на войну является послание «к католикам всего мира» папы Пия X от 2 августа 1914 г. ³. В нем папа рекомендует духовенству и верующим усиленные молитвы «дабы милосердный господь как можно скорее потушил бы факел войны» и внушил бы «руководителям народов питать мысли о мире, а не о взаимной гибели». Преемник Пия — Бенедикт XV в первом же своем послании от 8 сентября 1914 г. ⁴ повторил слова своего предшественника, придав им более поэтическую форму («уже слишком много пришло горя и печали, чтобы умножать его, достаточно уже создано развалин, достаточно пролито человеческой крови и т. д.»).

18 октября 1914 г. папа обратился с письмом к фон Гартману (кельнскому кардиналу) ⁵, где выражает благодарность за облегчение режима, которого он добился от германского правительства для священников военнопленных (приравнение их к офицерам) и настаивает на необходимости развернуть широкую церковную кампанию по оказанию помощи пленным, раненым, больным. Этим письмом открывается количественно достаточно обширная католическая «гуманитарная» военная акция (вопросы обмена тяжелоранеными, инвалидами и т. п.) ⁶ краснокрестного

---

¹ M-r Rozier, *Vive la France*, P. 1915; Thellier de Porcheville, *Près de nos morts*, P. 1915; Coubé, *Du champ de bataille au ciel*, P. 1916; Sertillanges, *Comment ils meurent*, P. 1915; Lelièvre, «*Leur âme est immortelle*», P. 1916; De Grandemaison, *Impressions de guerre de prêtres-soldats*, P. 1916; Langlois, *Le clergé, les catholiques et la guerre*, P. 1915.

² См. Imbart de la Tour, *L'Opinion catholique et la guerre*, P. 1915.

³ См. текст в «*Die Friedensvermittlungen und Schiedssprüche des Vatikans bis zum Weltkrieg 1917*», B. 1927, т. 1, № 169.

⁴ Там же, № 170.

⁵ Там же, № 171.

⁶ См. напр., постановление конгрегации чрезвычайных церковных дел

«филантропического» типа, которая велась совместно с Международным комитетом красного креста и питалась теми социальными корнями, которые вообще характерны для современной буржуазной филантропии.

Следующим по времени политическим актом курии было папское окружное послание 1 ноября 1914 г.¹ Мы находим в нем, помимо общих ламентаций об ужасах войны, интересное размышление о той опасности, с которой сопряжено «для основ государственного порядка» дальнейшее продолжение войны: о «неповиновении властям», возрастающей «борьбе классов» и т. д. Послание заканчивается напоминанием о том ненормальном, особенно ощутительном в условиях военного времени, международноправовом положении, в котором находится глава католической церкви на территории итальянского государства (см. ниже гл. VII).

8 декабря 1914 г. папа обращается с письмом к кардиналу Мерсье (примасу Бельгии)², оплакивая в нем страдания «столь близкой для нас Бельгии», «бельгийского короля, его высокого семейства, первых людей страны, епископов, священников и всего народа». Весьма осторожное и сдержанное в выражениях письмо избегает всякого упоминания о германских оккупантах Бельгии, говорит о заслугах «нашего возлюбленного сына—кардинала фон-Гартмана» (см. выше) и милостиво разрешает на время войны не пересылать в Рим «динарий св. Петра» (отчисление в пользу курии от всех церковных сборов).

24 декабря 1914 г. папа сообщает на собрании кардиналов³ о сделанном им предложении воюющим государствам заключить на время рождественских праздников перемирие, не встретившем, однако, с их стороны сочувствия и «не увенчавшемся счастливым концом».

22 января 1915 г., выступая в консистории (совете кардиналов)⁴, папа определяет позицию церкви в мировой войне, как «нейтралитет», отказываясь ради высших интересов церкви («не подобает и не полезно») от вмешательства «в споры воюющих», поскольку таковое неминуемо привело бы к «великим потрясениям внутреннего спокойствия и согласия церкви».

от 21/XII 1914 г. — там же, 174, обмен телеграммами между папой и германским императором 1/I 1915 г. — № 176, обмен письмами с Международным комитетом красного креста, № 179 и др.

¹ Там же, № 172.

² Там же, № 173.

³ Там же, № 175.

⁴ Там же, № 177.

23 апреля 1915 г. статс-секретарь курии, кардинал Гаспарри ¹, в письме к парижскому кардиналу Аметту передал пожертвование папы в 40 000 фр. для пострадавшего французского населения прифронтовой полосы, указавши в качестве мотива на испытанную преданность французов католицизму и «в особенности на миссионерскую их работу». Аналогичная помощь была оказана курией также и полякам ².

28 июля 1915 г. по случаю годовщины войны, папа обратился с новым призывом к воюющим народам и их правительствам ³, приглашая их удовлетворить «права и законные требования народов», приступив «к прямому или косвенному обмену мнений» об условиях мира и призывая «всех друзей мира» «подать руку» Ватикану и помочь ему в его мирных условиях. С другой стороны, в письме к швейцарским епископам папа рассыпался в комплиментах ⁴ по адресу «благоразумных властей» швейцарского народа, сумевших сохранить нейтральную позицию в мировом конфликте.

6 декабря 1915 г. папа счел необходимым (попутно оплакав на этот раз печальную участь Армении) пояснить свое июльское выступление, указав, что основной его мыслью является ⁵ компромиссный мир, без победителей и побежденных («мир справедливый, длительный, а не приносящий пользы лишь одной части воюющих»).

Вторая годовщина войны не ознаменовалась новым выступлением курии, ограничившейся на этот раз, вместо мирных предложений, организацией массового причащения детей обоего пола. Комментируя этот акт, швейцарский орган «Международное бюро мира» ⁶ поясняет, что Ватикан опасался, как бы его повторное выступление не было понято, благодаря тогдашней конъюнктуре военных действий, как содействие державам германского блока. к чему Ватикан имел тем большие основания, что переселившийся, по случаю войны, в Швейцарию генерал иезуитского ордена Ледоховский, по прямому свидетельству бывшего германского канцлера фон Бюлова (в его «Мемуарах»), превратил свою мощную организацию—в штаб германской дипломатической акции.

2 декабря 1916 г. германское правительство, с опозданием

---

¹ Там же, № 180.

² Там же, № 188.

³ Там же, № 183.

⁴ Там же, № 185.

⁵ Там же, № 189.

⁶ «Le Mouvement Pacifiste», № 5/76.

достаточно преднамеренным, заявило о полном своем сочувствии прошлогодней папской мирной инициативе ¹.

4 декабря 1916 г. ² папа выступил с осуждением различных нарушений права войны и, в частности, германской практики «гражданского плена» и экспорта рабочих рук из оккупированных местностей («среди слез матерей, супруг и детей, отрывают многочисленные мирных граждан, даже самого юного возраста, от их очагов и т. д.»).

Продемонстрировав таким образом публично свою «объективность», 1 августа 1917 г. папа обратился с посланием к главам всех воюющих стран ³. В нем, подчеркнув свое «беспристрастие», обрисовав ужасы войны и напомним свои прежние мирные попытки, папа сделал несколько конкретных предложений «в качестве необходимых оснований для справедливого и длительного мира». Предложения эти сводились к сокращению вооружений, установлению системы обязательного арбитража для решения международных споров, с применением к ее нарушителям международных санкций, обеспечению «настоящей свободы морей и общего ими пользования», взаимному отказу от возмещения расходов и убытков войны, восстановлению Бельгии с гарантией ее независимости, возврату Франции ее районов оккупированных германскими войсками и возврату Германии ее колоний. Далее предлагалось урегулировать, согласно «духу справедливости и права», все остальные спорные вопросы (от итало-австрийского и до польского включительно), «учитывая стремления народов в меру справедливого и возможного». Послание заканчивалось обращением к совести руководителей правительств и к божьей помощи.

На папское послание отозвались в официальной форме обе враждебные коалиции: со стороны Антанты—правительства САСШ и Англии, со стороны центрально-европейского блока—германское и австрийское.

В своем ответе правительство САСШ (от 27 августа 1917 г. ⁴), солидаризируясь с папскими предложениями о принципах будущей организации международного общения и развивая их, доказывает, что при наличии «безответственного правительства» в Германии никакое мирное сожительство народов невозможно.

Ответ германского правительства (от 19 сентября 1917 г.) ⁵, помимо рассказа об исключительном миролюбии императора

¹ «Das Friedenswerk der Kirche», № 191—1916.

² Там же, № 192.

³ Там же, № 195.

⁴ «Jahrbuch des Völkerrechts», VI B., 1920, № 2030.

⁵ «Jahrbuch» № 2031.

Вильгельма II (в виде ответа САСШ), содержал согласие с предлагаемыми принципами международной организации и обходился молчанием все территориальные проекты папской ноты.

Наиболее сочувственным, как и следовало ожидать, был австрийский ответ ¹, начиная с панегирика папе и кончая согласием со всеми его предложениями. Несмотря на условную его сдержанность, трагизм положения Австро-Венгрии ² наглядно обнаружился в последней части ноты, высказывавшейся, прежде всего и независимо от всего прочего, за открытие мирных переговоров, во что бы то ни стало.

В своем ответе, переданном курии через гр. де Салис (английского посла при Ватикане), британское правительство заявляло ³, что всякие мирные переговоры бесполезны, пока германская коалиция не выскажется в категорической форме по трем вопросам: 1) на какие возмещения согласны пойти центральные державы, 2) какие способы предлагают они для предотвращения войны в будущем и 3) согласны ли они восстановить независимую Бельгию, с возмещением причиненного ей ущерба.

Германское правительство усомнилось (канцлер Михаэлис) в «серьезности» английских требований и от ответа на них воздержалось.

8 января 1918 г. президент САСШ Вильсон выступает с посланием к конгрессу (пресловутые «14 пунктов»), формулирующим мирную программу САСШ, и соответственно этому начинание курии отходит на второй план.

Послевоенная политика католицизма. Условия Версальского мирного договора не встретили сочувствия со стороны курии. «Неверно,—писал папский официоз ⁴,—что папа когда-либо добивался участия в мирной конференции», поскольку он решил еще в первой половине войны «не принимать участия в насильственном мире победителей с побежденными». «Св. престол до сего времени считает,—писал в 1919 г. бывший представитель российского временного правительства при курии—Лысаковский ⁵,—что положение мира еще очень неопределенно, но что во всяком случае война и ее последствия изменили все взаимоотношения между св. престолом и почти всеми государ-

¹ «Jahrbuch» № 2032.

² См. например, мемуары О. Черрина, В дни мировой войны, М. 1923, гл. VI.

³ Von L a m a, «Papst und kurie in ihrer Politik nach dem Weltkrieg» 1925 стр. 34 и сл.

⁴ «Osservatore Romano» от 15/III 1919 г.

⁵ Б. Кандидов, Религиозная контрреволюция 1918—1920 гг. и интервенция. М. 1930, стр. 61.

ствами и что последние должны идти по новым путям. Каковы должны быть эти пути—Ватикан еще не выяснил окончательно, но, по его мнению, основанием их должны быть демократизм, сближение с народами (в отличие от прежней концепции близости к правительству), борьба с большевиками и участие в этой борьбе совместно со всеми антибольшевистскими элементами.

Резюмируя «военную» политику Ватикана, мы приходим к нижеследующим выводам. Ранее многих других организаций господствующего класса Ватикан понял и осознал тот тягчайший удар, который нанесла мировая империалистическая война самому существованию капиталистического строя, и развил соответственно большую активность как в направлении локализации войны, так и скорейшего ее окончания. Однако всякая попытка самостоятельной Ватиканской акции (вроде проекта рождественского перемирия) неизбежно оказывалась обреченной на провал.

Ватикан на службе Германии и САСШ. Относительно большее значение имели те выступления курии, где последняя объективно выступала в роли агентуры одного из борющихся империалистических блоков; так, например, августовское мирное предложение (1917 г.) является не чем иным, как переработанным изложением германо-австрийской мирной платформы (последнего периода войны). Сознвая, в основном, про-германскую установку своей мирной акции, Ватикан старался смягчить таковую вежливыми жестами (письмо к Мерсье, подачки французам, полякам) в сторону государств Антанты. Недаром поэтому германские католические писатели (фон Лама и др.) единодушно подчеркивают внимание папства к интересам «германского народа», в то время как церковные литераторы во Франции (Ив де ля Бриэр и пр.), оправдывая с французской «патриотической» точки зрения поведение папы, вынуждены признать, что «современники не пожелали его понять», но «история его рас судит»¹.

Весьма также характерно, что венцом политической мудрости курии являлась программа восстановления в мировом масштабе довоенного status quo—с обеспечением его сохранения путем коренной «сверхимпериалистической» перестройки существующих форм международной организации. В этой проповеди капиталистической стабилизации папа переводил на язык религии стремления гегемонов послевоенного капитализма (ср. программу Вильсона и др.) и расчищал дорогу для нового «американского» периода в истории католицизма.

¹ Ives de la Brière, L'organisation internationale du monde contemporain et la papauté souveraine, 1924, т. I. стр. 47.

Послевоенная ревизия методов церковной пропаганды. Сложность современной войны и послевоенной мировой обстановки потребовала соответствующей ревизии и самых методов католической агитпропработы, в смысле повышения и качества ее и количества. Так, в Италии и Франции после войны 1920 г. основывается новое католическое братство св. Павла, весьма схожее со старым, но уже слишком скомпрометированным, иезуитским орденом. Доступ в братство открыт только лицам с высшим образованием (борьба за качество и классовый отбор); члены его дают монашеские обеты, но не на всю жизнь, а всего лишь на 3 года; они не уходят от «мира», но остаются каждый на своем светском посту. Братство подчинено непосредственно папе и получило от последнего повсеместное руководство всей католической прессой («отдел печати»), начиная с папского официоза «Osservatore Romano». Достижение первой «пятилетки» работы братства—накопление капитала, превысившего 100 млн. фр. Не менее характерна в своем роде работа католических организаций в САСШ, в максимальной степени рационализировавших свою деятельность и построивших ее на принципах крупного коммерческого предприятия (см. ниже гл. VIII).

Ватикан и Лига наций. В настоящее время одним из важнейших орудий подготовки будущих войн и рычагов международного империализма является, как известно, детище Версаля—Лига наций, с ее системой санкций, саботажем разоружения и дымовой завесой пацифистских фраз. Отсюда—исключительное внимание самых разнообразных церковных организаций к Женевской лиге, начиная с длительного 10-летнего романа между папой и Ватиканом (см. об этом нашу статью «Католицизм и современная мировая политика», «Правда» от 25 марта 1930 г.) и кончая поздравительным посланием главы шведской протестантской церкви архиепископа Упсальского к А. Бриану по случаю заключения локарнских договоров.

Взаимоотношения Ватикана с Лигой наций начались с попытки различных католических организаций и политических деятелей добиться организационного привлечения римской курии в состав Лиги (ср., например, ряд резолюций различных католических объединений¹, выступление бразильского министра иностранных дел Пачеко², английского министра лорда Пармура³ и др.). В значительной мере кампания эта стимулировалась актами самого Ватикана, избегавшего ставить вопрос ребром, но

¹ Von Latta, стр. 160 и сл.

² Там же, стр. 169.

³ Там же, стр. 168.

достаточно прозрачно намекавшего на совпадение целей Лиги с задачами католицизма. Так, в энциклике «*Rerum, Dei minus pulcherrimum*» от 23 мая 1920 г., Ватикан заявляет, что «всем вдохновляемым справедливостью и милостями нациям, объединенным в Лигу, основанную на христианском законе, церковь неизменно окажет свое содействие, активное и благожелательное. Тем более, что она сама является наиболее совершенным образцом всемирной лиги и располагает, благодаря своей организации и учреждениям, чудесным влиянием—для сближения людей, ввиду не только их вечного спасения, но даже материального их благополучия»¹. В другой энциклике «*Ubi arcano Dei*» от 24 декабря 1922 г. папа, оплакивая «ничтожный или чрезвычайно скромный» результат миротворческих попыток Лиги наций, вместе с тем напоминает, что «существует божественное установление, которое в состоянии защитить неприкосновенность международного права... это церковь Христова». Однако оппозиция итальянского и других правительств (выплоть до формального запрета Латеранского договора—см. ниже гл. VI) заставила курию отказаться от своих «жениевских претензий», что, разумеется, было истолковано католической печатью², как нежелание папы заниматься человеческими «слишком человеческими» делами и подчинять свой небесный авторитет человеческому ареопагу.

Зато с большой готовностью (и на этот раз—уже взаимной) стремится католицизм к установлению повседневной связи с различными органами и комиссиями Лиги, начиная с ее Бюро труда (см. ниже) и кончая Институтом интеллектуального сотрудничества³: не видя никакой нужды тесниться ради нового сочлена, дирижеры Лиги всегда и охотно готовы использовать католицизм для своей популяризации, пропаганды и других «служебных целей».

Церковь в борьбе с международным рабочим движением. Но католическая церковь не выполнила бы главного требования своего «заказчика», если бы не приняла непосредственного участия, на стороне капитала, в борьбе с международным революционным движением пролетариата, разлагая его, в меру своих сил и возможностей, при помощи так наз. «христианского социализма».

Происхождение христианского социализма. Современный христианский социализм датирует свое происхождение второй половиной прошлого столетия.

¹ Jves de la Brière, т. I, стр. 48.

² Jves de la Brière, т. II, стр. 265.

³ См. ст. Mgr Beaupin в «Europe Nouvelle», 1926 г., № 413, стр. 86.

Уже революционная волна 1848 г. поставила церковные организации перед необходимостью задуматься над социальной проблемой и старую тактику сплошного ее отрицания и анафематствования—сменить на более гибкую. Юэ выступил в 1853 г. с заявлением, что «церковь и революция не исключают, а, напротив, дополняют друг друга и не могут отныне господствовать одна без другой»¹, Гратри, требовал борьбы церкви с «злоупотреблениями капитализма», Ж. Буржуа, Ле-Пле² и его школа,—таковы первые теоретические попытки своеобразной «ревизии» традиционного подхода церкви к социальным вопросам. Трудно сказать, чем бы кончились эти скромные теоретические опыты, если бы события 1871 г. (Парижская коммуна) не послужили бы грозным предметным уроком для правящих классов и не заставили бы их руководителей обратить свои надежды и внимание на религию, как на испытанное средство социального «умиротворения».

Консервативное большинство Французского Национального собрания недвусмысленно апеллировало к духовенству³, и последнее ответило ему—в лице протестантов—докладом пастора Абе-лу на Национальной евангелической конференции 1872 г., в лице католиков—кампанией проповедей Феликса и организацией двумя офицерами—участниками «Кровавой недели» и подавления Коммуны (де Мен и де ла Тур)—«католических рабочих кружков» (декабрь 1871 г.)⁴. Программа этих кружков весьма отчетливо была сформулирована в одной из речей де Мена (22/V 1875 г.). «Во всем, что нами было написано, вы найдете раньше всего призыв к борьбе с революцией», как выражением духа сатаны. Последней должна быть противопоставлена христианская социальная деятельность, покоящаяся на нижеследующих принципах: «здравый смысл наблюдения над действительностью показал мне, что одни классы стоят выше других, и что само это неравенство является необходимым условием социального порядка; но религия учит меня, что превосходство одних создает им особые обязанности по отношению к другим, что те, которые стоят наверху, обязаны заботиться о стоящих внизу, заботиться об их душе, об их уме, об их теле». Целью общества является

---

¹ Huet, *Le règne social du christianisme*, 1853, стр. 4,6.

² См. Вейль, *История социального движения во Франции*, 1906, гл. VIII. § 3.

³ См. Вейль, стр. 176, 179.

⁴ De Grand maison, *La cinquantaine de l'oeuvre des cercles catholiques d'ouvriers*, «Correspondant», 1931, № 1422.

«забота господствующего класса о рабочем классе»¹. В отношении организационном эти кружки должны были послужить ядром для образования христианских рабочих союзов, построенных по смешанному принципу, т. е. охватывающих предпринимателей, вместе с рабочими (прототип будущих фашистских корпораций). В том же 1871 г. организуется «Союз католических рабочих ассоциаций, созывающий ежегодные конгрессы «руководителей и покровителей католических рабочих ассоциаций», самое название которых достаточно определяет их характер. Активизация деятельности католических рабочих организаций (за первые 5 лет число «кружков» в одной Франции увеличилось до 200) и создание собственных органов печати (Association catholique и др.) не замедлило привести христианские рабочие организации к глубокому внутреннему кризису. Раньше и острее этот кризис обнаружился во Франции². Значительная часть руководителей движения, принадлежа по своим социальным связям к землевладельческому дворянству в лице наиболее реакционного его крыла (монархические группировки), пыталась направить в это русло и новообразованные «рабочие кружки», что естественно не могло не вызвать глубокой компрометации католических «кружков» среди не только рабочей массы, но и среди широких кругов мелкой буржуазии. С другой стороны, среди самих руководителей движений не было единства взглядов по вопросу об его методах: так, Перен и бельгийские католики отстаивали принцип «свободной ассоциации», Ле Пле защищал систему «патроната» господствующих классов, а Кеттлер и немецкая школа искали спасения в государственном вмешательстве. Наконец, наметилось и левое крыло (мелкая городская буржуазия, низшее духовенство), стремившееся систему «патроната» и опеки высших классов заменить организацией под руководством церкви самих рабочих кадров («христианские рабочие союзы») на определенной платформе эволюционного социализма и глубочайшей демагогии (борьба с капиталом под видом антисемитизма и т. п.).

Различные формы христианского социализма. Таким образом постепенно сложились три типичные для современности формы «социального христианства» или «христианского социализма». Христианские капиталисты в роли «патронов» и покровителей рабочих, после неудачной попытки возглавить наиболее отсталые прослойки в рабочем классе, перешли на путь открытой или полуприкрытой филантропии, долженствующей де-

---

¹ Discours du comte de Mun, т. I, стр. 90.

² См. Вейль, гл. XVI.

монстрировать «низшим классам» неусыпную заботу о них со стороны высших. Премированная на Парижской всемирной выставке 1900 г. эта христианская «благотворительность» осуществляется в самых различных формах, начиная с устройства народных садов и игр—«для заполнения досуга рабочих» и для отвлечения их от нежелательных размышлений¹, и кончая так называемой «социальной помощью». Показательна в этом отношении практика церковных организаций в Германии и в САСШ.

Христианская филантропия и ее социальный обман. В 1890 г. в Кельне организуется католический «Volksverein» (народный кружок) весьма своеобразной «четверкой» — Виндгорст (идеолог), М. Брандтс (губернатор), Фрелих (монах-капуцин) и Ф. Брандтс (фабрикант). В 1894 г. свящ. Вертманом открываются курсы для подготовки инструкторов для Volksverein'ов; в 1895 г. основывается журнал «Caritas» (Милосердие). В 1897 г. образуется общегерманский «Союз милосердия» (Caritasverband), постепенно расширяющий свою деятельность путем организации новых секций: например, для попечения о душевно-больных (1905 г.), для подготовки сиделок (1906 г.), для духовной помощи в больницах (1909 г.), для беспризорных (1911 г.), для эмигрантов (1912 г.) и т. д.

Главный штаб организации—Центральное бюро во Фрейбурге (с 12 отделами, с аппаратом в 80 человек, с собственной типографией, книжным складом, курсами). В Берлине организация имеет свое постоянное «представительство» для поддержания связи с правительством и с аналогичными благотворительными организациями (еврейской и протестантской). Представительство участвует в проработке всех законов по вопросам социальной помощи, в подборе кадров государственных служащих для соответствующих «гуманитарных» учреждений². Периферийная сеть организации строится по епархиям и приходам.

В 1921 г. образована экономическая федерация «Wirtschaftsbund» всех религиозно-филантропических организаций, обеспечившая им централизованное снабжение, организацию собственного банка, собственной автомобильной службы и т. д. К 1928 г. организация располагала 3 380 учреждениями и 600 000 членов, и ген. секретарь ее отмечал с удовлетворением в отчете, что «в наши дни, когда стремятся все коммунизировать», организация является могучим оплотом «свободной филантропии», что в переводе на

¹ Droule rs, Pour occuper les loisirs de l'ouvrier, jardins et des lux, «Correspondant», 1923, № 145.

² Delattre, L'organisation de la charité chez les catholiques allemands, «Correspondant», 1928, № 1580.

простой язык обозначает свободу христианских филантропов даже от буржуазно-демократического общественного контроля...

Подобный же, в общем, характер носит католическая церковно-филантропическая деятельность и в Америке, отличаясь от Европы «американскими» масштабами и американскими материальными ресурсами¹. Так, расход одного из многих благотворительных братств—св. Винцента, выразился в 1922 г. суммой около 21½ млн. руб.

Основные же направления их деятельности видны хотя бы из программы занятий Филадельфийского католического конгресса, обсуждавшего: детский и женский труд в семье, пособия матерям, детскую преступность и суды для детей, положение девушки в школе, в семье и на фабрике, девушки-матери, устройство развлечений в больших городах, ясли, больницы, помощь иммигрантам, сотрудничество с некатолическими организациями и т. д.

Неизбежное перерождение первоначально «корпоративных» (рабочие, служащие и предприниматели) организаций в чисто предпринимательские—организации филантропических подачек капиталистической благотворительности,—побуждает их руководителей делать безнадежные попытки «пролетаризировать» аппарат своих организаций. Так, в 1912 г. на совещании французских католических организаций принимается решение о «выдвижении» на руководящие посты рабочих, ибо возглавление этих организаций благочестивыми фабрикантами и заводчиками отнюдь не содействует укреплению их влияния в рабочей массе. Однако и подобное «выдвижение» не оправдало возлагавшихся на него надежд, и вожди французского «социального католицизма» вынуждены были в 1926 г. констатировать² неуспех христианских рабочих организаций из-за классовой непримиримости взрослых рабочих. Выход из положения был усмотрен в необходимости сосредоточить главное внимание на церковной обработке рабочей молодежи, чтобы из ее рядов подготовить будущих руководителей для христианских рабочих организаций. Отсюда—усиленное формирование христианских юношеских организаций (в 1926 г. их насчитывалось во Франции около 4000) и программное декларирование новых «христианских лозунгов», как то: запрещение ночных работ, обязательный воскресный отдых и т. п. Кроме того в 1925 г. в Риме основывается Международный центр

¹ Lewandowski, "Les oeuvres catholiques de charité aux États-Unis, «Correspondant» 1924, № 1481.

² Flor y, L'association catholique de la jeunesse française, «Correspondant», 1926, № 1525.

католических союзов молодежи (католический «КИМ»), на первом же своем конгрессе в Лурде (1926 г.) принимающий резолюцию о проникновении в рабочую толщу, как о ближайшей задаче католической молодежи.

Христианские профсоюзы как орудие разложения классовой борьбы пролетариата. Значительно шире развернуло свою работу левое крыло «христианского социализма», пошедшее по линии «христианских профсоюзов» и христианско-социалистических партий.

Программную установку для этой стадии развития христианского социализма дала известная энциклика папы Льва XIII «*Rei munus poenitent*»¹ от 15 мая 1891 г. Обрисовав возрастающие противоречия классов и их борьбу, энциклика, во имя религии, призывает эксплуататоров и эксплуатируемых к идеальной «солидарности» (членов единого тела) через признание взаимных обязанностей. Обязанности трудящихся по энциклике: добросовестное исполнение договора, заключенного с предпринимателем, непричинение последнему вреда, ни имущественного ни личного, воздержание от насилия при защите своих прав и отказ от общения с дурными людьми, подающими им «обманчивые надежды» и ведущими рабочих «к горькому разочарованию и разорению». Обязанности предпринимателей: уважать человеческую личность в рабочем, не смотреть на него как на неодушевленное орудие в производстве, не обременять его непосильной работой, заботиться об его религиозных потребностях и почитать его частную собственность, «заслуживающую тем большего уважения, чем она незначительней». Обосновывая незыблемость частной собственности естественным правом и им же—социальное неравенство, папа призывает церковь и государство к совместной работе над социальным вопросом (законодательное обеспечение воскресного отдыха и т. д.), высказываясь вместе с тем за организацию постоянных рабочих объединений, кладущих в основу своей деятельности религию и ведущих свою борьбу мирными средствами.

Едва ли социальный смысл энциклики нуждается в пояснениях. Он был весьма точно охарактеризован на страницах русского реакционного журнала («Русский вестник»), указавшего², что «христианский социализм»—учение, признающее существование социального зла в современном общественном строе и стремящееся исправить его при помощи подъема религиозно-нрав-

¹ См. Baur und Rieder, Pöpstliche Enzyklicken und ihre Stellung zur Politik, 1923, стр. 44 и сл.

² В. Тенлов, Перемена на римской кафедре. 1903.

ственных начал в различных слоях народа, «не выходя из рамок нынешних государственных форм и сохраняя господство частной собственности».

Независимо от своей чисто местной (французской) цели: примирения французских католиков с Третьей республикой, энциклика 1891 г. послужила официальной платформой «христианского социализма». Традиционная политика церкви в социальных вопросах сводилась, говоря языком Ж. Гуайо, к тому, что церковники «посылали рабочих к богу, так, как они послали бы их к чорту; разница заключалась только в адресе». Напротив, христианские социалисты считали, что церковь должна именем религии и справедливости вмешаться активно в борьбу классов, «организовать их отдельно, поставив между ними посредников для предупреждения войны», обеспечив тем самым «параллельный подъем церкви и униженных»¹.

Не касаясь деятельности отдельных организаторов христианского социализма, в роде аббата Лемира (с его проповедью «террианизма» — мелкой земельной собственности), отметим образование в 1894—1895 гг. католических рабочих союзов Северного департамента, департамента Арденн, федерации христианских рабочих Центра и Запада и «демократического союза» в Париже. В 1896 г. из этих союзов образуется христианско-демократическая партия, политическая деятельность которой оттесняет на второй план работу христианских союзов, получающую за то широкое развитие в Германии.

В 1894 г., по прямому предложению германского императорского правительства², католическая партия «центра» приступает для отпора усиливающейся социал-демократии (имевшей 119 836 голосов на выборах в 1871 г. и 1 780 989 голосов в 1893 г.) к организации христианских рабочих союзов. Эти союзы, к великому ужасу своих церковных пастырей, с первых же шагов обнаружили стремление пойти по пути своих социал-демократических собратьев, проводя за первые годы своего существования свыше тысячи забастовок и израсходовав миллионы марок на стачечный фонд³.

Отсюда — естественное выветривание «христианских» лозунгов рабочего движения («деклериализация»), превращение «католи-

¹ Gouau, Le pape, les catholiques et la question sociale, P. 1895, стр. 117, 276.

² R. Johannet, La conversion d'un catholique germanophile, 1915, стр. 149 и сл.

³ E. Bloud, Le nouveau centre et le catholicisme, сб. «L'Allemagne et les alliés devant la conscience chrétienne» P. 1915, стр. 304 и сл.

ческих» союзов сначала в «христианские» вообще, а затем (с 1912 г.) и просто в «национальные», ничем почти не отличающиеся от обычных социал-реформистских рабочих организаций. Отсюда—отчаянные попытки князей церкви (начиная с Фульдского послания епископов 1900 г.), пытавшихся сохранить в своих руках руководство движением (так наз. борьба Берлина с Кёльном) и резкий отпор, ими полученный со стороны союзов, в роде знаменитой декларации Фишера, обращенной к епископам на Международном конгрессе в Цюрихе (1906 г.)—«bis hierher und nicht weiter!» (до сих пор—и не дальше). В результате—обращение к супер-арбитражу Ватикана, ответившего в весьма двусмысленной форме энцикликой «Singulari quadam» в том смысле, что католические союзы лучше, конечно, чем не католические, но «терпимы» и другие союзы, лишь бы они оставались на христианской почве... Не совсем обычная сдержанность Ватикана объяснялась тревожной «перебежкой» рабочих из католических союзов в социал-демократические, достигшей за 6 лет (1905—1911) цифры в 485 000 человек, что составляло в среднем до 10% «перебежек» в год¹.

Христианские партии, их разложение и фашизация. Третьей и последней формой христианского социализма является образование на его платформе особых «христианско-социалистических», «христианско-демократических», «христианско-народных» политических партий, пытающихся непосредственно воздействовать на государственную машину буржуазного парламентаризма.

Расцвет «христианско-демократической» партии во Франции—процесс Дрейфуса, давший партии возможность широко развернуть знамя демагогической борьбы с капитализмом, якобы еврейским по преимуществу (антисемитизм как «социализм дураков»).

Но с провалом «дрейфусаров» ближайшие союзники и политические соседи христианских демократов начинают находить небезопасной их демагогическую фразеологию, и папа Лев XIII, в 1898 г. уверявший французских рабочих, что христианская демократия «даст вашей родине будущность мира, благоденствия и счастья», в 1901 г. энциклике «Gravis de communi» выступил с суровым порицанием «крайностей» христианского социализма, предпочитая испытанный путь блока с крупным капиталом сомнительному авантюризму церковной «зубатовщины». С тех пор христианский социализм во Франции не играет заметной поли-

¹ См. Petrus, Blätter. 1914 г., №115, стр. 179.

тической роли, оставшись, по выражению католического экономиста Рамбо, «не более как историческим воспоминанием, которому суждено скоро исчезнуть в вихре идей и событий». После восстановления сношений между Францией и Ватиканом (1921 г.) и установления прочного сотрудничества правящей капиталистической олигархии с Римом христианско-демократическое движение потеряло во Франции под собою почву, и попытка отдельных его представителей на последних выборах 1928 г. выступить под старым знаменем встретила единодушный отпор, как со стороны французских правительственных кругов, так и епископата¹.

Столь же печальной оказалась судьба «народно-католической» партии в Италии («пополари»), объединявшей низшее духовенство и довольно многочисленные круги мелких деревенских собственников².

Одно время партия возглавляла антифашистскую оппозицию, вела расследование об убийстве Маттеоти и т. д. Но стоило наметиться примирению фашизма с католицизмом, и дон-Стурцо, признанный вождь партии, оказался в изгнании, а партия его — в состоянии глубокого внутреннего разложения.

Христианско-демократическая партия в Польше («ха-деки») имеет целью объединение «всех слоев города и деревни на основе христианской морали, любви к родине и классового сотрудничества». Под этим знаменем группа умеренно-клерикальной интеллигенции объединяет мелких ремесленников и отсталые слои рабочих, преимущественно Верхней Силезии³. От оппозиции к перевороту Пилсудского «хадеки» постепенно перешли сначала на платформу «благожелательного нейтралитета» к польскому фашизму, а затем «к открытому содействию ему» на выборах 1930 г. В руководимых ими «христианских профсоюзах», по данным 1926 г., насчитывалось около 150 000 членов.

Чешская «христианско-социалистическая» партия, со времени образования Чехо-Словацкой республики, объединилась в одной партии (чешская народная партия) с прежней консервативной клерикальной партией и, участвуя в правительстве (лидер партии Шрабек и др.), шла неуклонно по пути уступок своему правому крылу (вопрос о признании СССР и др.).

Классической страной господства христианских социалистов,

---

¹ См. R. Guilloûn, *Rome et les élections françaises*, «Europe Nouvelle», 1928, № 538.

² См. Сандомирский, Италия наших дней, гл. VII.

³ См. Петров, Польша — в сб. «Буржуазные партии всего мира», под редакцией Ф. А. Ротштейна, 1929, стр. 89.

является Австрия, где христианско-социалистическая партия господствует и в парламенте и в правительстве. Возникнув в прошлом (в довоенной Австрии), как организация мелкобуржуазного сопротивления наступлению крупного капитала (задача партии — «устранение давления господствующей крупнокапиталистической системы хозяйства, которая одинаково угнетает и крестьянина, и ремесленника, и чиновника, и учителя, и рабочего»), партия, в условиях послевоенной Австрии, с ее исключительным обострением социальной борьбы классов, взяла на себя бок о бок с пангерманской партией и «хеймвером» (фашистско-кулацкой организацией) руководящую роль в борьбе с революционным пролетариатом. Соответственно была пересмотрена в 1926 г. и программа партии, в последнюю редакцию этой программы, включены: принципиальное отрицание классовой борьбы, защита семьи и церковного брака, клерикализация школы, сохранение частной собственности, защита рабочих «от террора профсоюзов и от эгоистической эксплуатации», социальное законодательство «без нарушения интересов промышленности», «борьба с разлагающим еврейским духом» и т. д.

Практика партии не отстает от теории: кровавое подавление венского рабочего восстания в 1927 г., фашизация государственной конституции в 1929 г. и закон «против террора», или что то же — против компартии в 1930 г., — таковы важнейшие достижения «десятилетки» христианского социализма.

Не приходится подробно останавливаться на германской католической партии центра (см. ниже гл. IV), объединявшей в своих рядах угольных магнатов, рейнских промышленников, баварских зажиточных крестьян и католические рабочие профсоюзы. Сознательно избегая отчетливой постановки социальной проблемы и постоянно лавируя между своими двумя флангами, партия, преодолев левую оппозицию, переживает в настоящее время (правительство Брюнинга) столь характерный для современной буржуазной государственности процесс фашистского перерождения. Идеологическая борьба церкви с революционным коммунизмом. Соответственно этой общей тенденции во всех новейших выступлениях церковных руководителей, начиная с римского папы, мы находим все большую заостренность, направленную против революционного социализма¹. В первой же энциклике Пия XI от 23 декабря 1922 г.², перечисляя «бедствия современного человечества», папа предлагает «поставить

¹ См. von L a m a, Papst und Kurie in ihrer Politik nach dem Weltkriege, В. 1925, стр. 518 и сл.

² «Osservatore Romano» от 24/XII 1922 г.

здесь на первое место борьбу классов, которая, как смертельная язва, вливается в сердце народов и поражает труд, ремесла, торговлю, равно как и все элементы частного и общественного благосостояния».

18 декабря 1924 г. в речи, произнесенной в консистории, в связи с возвращением папской миссии из СССР, папа призывал¹ правительства «предохранять себя и своих сограждан от величайших опасностей, которые несет с собою социализм и коммунизм».

В 1925 г. папа отметил праздник Успения особым обращением к рабочим², призывая последних следовать примеру мучеников и быть готовыми «пострадать в борьбе с лжеучениями социализма и коммунизма».

И наконец, как известно, 2 февраля 1930 г. письмом к кардиналу Помпили папа открыл «в мировом масштабе» «крестовый поход» и «моральную интервенцию» против единственного в мире государства строящегося социализма.

Союз христианского социализма с социал-фашизмом. Превращаясь сам в надежнейшую агентуру монополистического капитала и международного фашизма, новейший социал-реформизм и социал-фашизм не могли, естественно, не встретиться и не сомкнуться в дружественном союзе с современным христианским социализмом.

Еще в период мировой империалистической войны наметилась соответствующая переоценка ценностей, и в 1919 г. в социал-демократическом издательстве выходит работа Э. Фельдена³, доказывающая бесспорное право социал-демократа на религиозность (§ 4, 12 и др.), поскольку религия, которая не расслабляет, «как опиум», но укрепляет и ободряет борцов,—«не враг, но союзник социализма». Затем разворачивается десятилетний флирт между католической церковью и II Интернационалом. Этот флирт выражается: 1) в тесном взаимном сотрудничестве в органах Лиги нации (Бюро труда, женевское Бюро социальных изысканий, Институт интеллектуального сотрудничества), причем дело доходит до таких утонченных любезностей, как делегирование на католическую «социальную неделю» в Гавре (1926 г.) в качестве представителей Лиги наций и ее Бюро труда—ветеранов воинствующего католицизма (барон де Монтенак) и чистокровных иезуитов (Арну)⁴; 2) в заключении международного соглашения

¹ Там же от 18/XII 1924 г.

² Там же от 17/18 августа 1925 г.

³ E. Felden, Kirche, Religion und Sozialdemokratie, 1919 г.

⁴ Jves de la Brière, т. II, стр. 15.

между социал-демократическим правительством Пруссии и Ватиканом¹; 3) в неоднократных публичных выступлениях вождей международной социал-демократии (Мюллер, Браун, Зеверинг и др.), призывающих ликвидировать «старые предрассудки» и «проложить мост» между церковью и социализмом² (см. ниже гл. IV).

«Через мир религиозный—к миру социальному!» Обобщая все вышеизложенное, мы должны констатировать, что «христианский социализм» во всех его разновидностях и оттенках служил и служит средством разложения революционного движения пролетариата путем внушения наиболее отсталым элементам последнего принципов «мирного», «эволюционного» социализма, возможности классовой гармонии в пределах капиталистического общества и братского сотрудничества труда и капитала («через мир религиозный—к миру социальному»³). В этом смысле, действительно, нет никакого принципиального различия между деятельностью христианских социалистов и современных социал-реформистов: те и другие выполняют один и тот же «социальный заказ».

Разница только в подлежащем обработке человеческом материале: социально-христианская проповедь рассчитана на крестьянство, на мелкую буржуазию в капиталистическом городе, с особенным акцентом—на женщин и подростков, на более отсталые слои рабочего класса; социал-демократическая «проповедь» обращена к более квалифицированному слушателю, требующему уже не только дешевой демагогии, но и экономического анализа и марксизма, хотя бы фальсифицированного. Отсюда—относительно большая роль и значение социал-реформизма в условиях наших дней, чем христианского социализма, и относительно большая социальная опасность первого по сравнению со вторым. Это, однако, никоим образом не значит, что христианско-социалистические соблазны, эти, говоря языком русской революционной истории, международная «зубатовщина» и «гапоновщина», уже полностью сданы в архив прошлого и не представляют сейчас никакой угрозы для дела мировой революции. Напротив, не подлежит сомнению, что чем ближе и чем реальнее будет становиться революционная ситуация в той или другой стране, тем чаще правящие классы будут обращаться к испытанному ору-

¹ См. Е. Коровин, Религия на службе капитала, журн. «Варнитсо», 1930, № 3—4.

² И. Эльвин, Клерикализация социал-демократии и воинствующее безбожие на Западе, «Революция и культура», 1930, № 5—6.

³ См. например, Sagot du Vaurout, Paix religieuse — paix sociale, «Correspondant», 1924, № 1476.

дию—обману социальными векселями и контрреволюционным действием, к церковной реакции под социалистической маской (ср., например, организацию в 1928 г. «Католического рабочего интернационала») ¹.

Борьба за церковный «единый фронт», попытки соединения церквей и их крах. Единство социальной цели, объединяющее в настоящее время все исторически многообразные вероисповедные организации, приводит их руководителей к попыткам оформления организационного единства, осуществляемого в виде целевых соглашений и временных блоков, например американский договор «Трех сестер» (католические, протестантские и еврейские религиозные организации) о сборе пожертвований и о разделе церковных военных фондов (во время империалистической войны), или «моральная интервенция» церковников в защиту «религиозной свободы» в СССР. Не довольствуясь этим, церковные круги за последние годы развивают значительную активность, выдвигая лозунг «соединения церквей», т. е. образования своеобразной церковной Лиги наций (две Международные конференции в Стокгольме в 1925 г. и Лозанне в 1927 г. и четыре сессии Исполнительного комитета в Берне 1926 г., в Винчестере 1927 г., в Праге 1928 г. и в Эйзенахе 1929 г.), как способа создания всемирного церковного «единого фронта», для начала—только христианских вероисповеданий, а затем и остальных (ср. всемирные конгрессы—от Чикагского 1893 г. до Парижского 1914 г. и Женевского 1928 г.).

Однако глубочайшие национально-антагонистические тенденции отдельных церковных организаций—отражение соответствующих взаимоотношений национальных капиталистических групп, осложненные рядом промежуточных факторов (ср., например, ирландский вопрос и католицизм в Англии, католицизм и проблема романской эмиграции в САСШ и т. д.), делают чрезвычайно сомнительной возможность сколько-нибудь прочного и длительного объединения отдельных отрядов церковной армии вообще, и с католицизмом в первую очередь, как наиболее из них мощным и претендующим поэтому на первенствующую роль (ср. категорический запрет папой участия католиков в Междущерковных объединениях—энциклика 6/1 1928 г.) ². Но если бы даже в конечном итоге подобное объединение и осуществилось, оно не могло бы, по самой природе капиталистического мира, быть бо-

¹ См. В. Зельцер, Христианский социализм на Западе, М. 1930 стр. 54 и др.

² См. «Europe Nouvelle», 1929, № 675, стр. 1566—1570; см. там же R. P u a n x, Le mouvement pour l'union des eglises, стр. 1561.

лее реальным, чем всякая другая попытка «сверхимпериалистической» надстройки, т. е. было бы только «временным соглашением между капиталистами и между державами» (Ленин, «О лозунге Соединенных штатов Европы»).

Однако как в свое время оказалось возможным временное объединение капиталистических государств для экспедиции в Китай, как возможны объединения их для борьбы с государством строящегося социализма (см. об этом постановления VII расширенного пленума ИККИ и VI его конгресса), так же возможны и временные церковные блоки, а тем более для такой цели, как наступление на СССР. Очевидцами попыток подобного рода блока являлись мы все за последний год.

Глава II.

«ПОЛИТИКА ПАПСТВА ВО ФРАНЦИИ»

Перерождение революционной Франции и блок бонапартизма с церковью. Один из историков французского католицизма, академик де ля Горс¹, в своей работе, посвященной религиозному вопросу во Франции после 18 брюмера, дает чрезвычайно любопытный очерк эволюции церковной политики бонапартизма, начавшего с открытой вражды к католицизму (Фуше, Лаплас и др.) и закончившего предложением об использовании в административном аппарате «конституционных» священников и подписанием знаменитого конкордата с Римом (1801 г.). Конечно, наиболее существенный момент этой эволюции, естественно, выпал из поля зрения буржуазного историка, проглядевшего контрреволюционное перерождение самого бонапартизма, как основную предпосылку его сближения с Римом, поскольку, по образному выражению Маркса, «ипотека на небесные блага, которыми владеет крестьянин, гарантирует ипотеку на крестьянские имущества, которыми владеет буржуа»². Но, разумеется, во много раз поучительней тот исторический процесс, в результате которого на протяжении полутора десятка лет (1905—1920) французская буржуазия Третьей республики отреклась от своего собственного антиклерикального прошлого—энциклопедистов, Гамбетты и Комба, примирилась с Римом и установила с последним настолько тесную связь, что на протяжении нескольких лет страна революций и «родина франкмасонства» превратилась в «старейшую дочь церкви». Вместо того чтобы подробно излагать здесь причины этой эволюции, ограничимся языком голых фактов, характеризующих последовательные ее этапы и красноречиво вскрывающих явные и скрытые ее пружины³.

¹ P. de la Corce, *La France religieuse après le 18 brumaire* «Correspondant», 1923, № 1454, 1455.

² К. Маркс, *Собр. соч.*, т. III, Гиз, 1921 г. — «Борьба классов во Франции 1847—1850 гг.», стр. 73—78.

³ См. von Lamsa, стр. 171—199.

Подготовка примирения государства и церкви в современной Франции. Еще в период подготовки мировой империалистической войны 1912 г., во время балканской их прелюдии, глава французского правительства, символизировавший в своем лице Францию агрессивного империализма магнатов металлургии («Comité des Forges») и финансового капитала, Раймонд Пуанкаре, после возвращения из Петербурга высказался в пользу восстановления сношений с Римом в нижеследующих высоких выражениях: «это сохранит и подымет на высшую ступень коллективное самосознание и единство национального чувства, составляющие славу и бессмертие народов»¹.

Империалистическая война еще более стимулировала развитие этого процесса. По компетентному свидетельству одного из французских прелатов (Саго дю Вору), война 1914 г. потребовала от людей таких «подвигов самоотвержения и мученичества», на которые многие из них были бы неспособны без соответствующего религиозно-психологического воздействия; последствия же войны потребовали теснейшего сотрудничества всех элементов социального «порядка» для отпора надвигающейся революционной волне². Отсюда—«священное единство» (union sacrée), участие клерикалов в правительстве (Дени Кошен), фактическая приостановка применения антицерковного законодательства и разнообразные формы мобилизации (см. гл. I) французских католических организаций. Переоценка ценностей захватила не только правый сектор французской буржуазии, всегда, как известно, тяготившийся разрывом с Ватиканом, но и так называемые радикальные ее круги.

Весьма показательны в этом смысле рассуждения Ж. Деэрм, автора известной книги «Живая демократия», украшенной предисловием Ж. Клемансо, о путях послевоенного развития французского общества и о том, что «живой силе конгрегаций ничего не сумели противопоставить кроме полицейских и противного страха»³.

Если прибавить к этому, что французская буржуазия в это же время весьма кстати вспомнила в статье Р. Пуанкаре об услугах, оказанных ей католическими миссиями в колониях⁴,

---

¹ См. Morton Ferton, Les grands problèmes de la politique mondiale, P. 1915, стр. 115.

² Mgr Sagot du Vauroux, Les nouveaux aspects de la question religieuse en France, «Correspondant», 1923, № 1451, стр. 776, 777.

³ Ж. Деэрм, Живая демократия, пер. Е. Тотомианц, М. 1918, стр. 40.

⁴ См. «Revue des Deux Mondes» от 1/IX 1920 г.

то фон для предстоящего франко-ватиканского примирения получается достаточно выдержанный.

Наконец, необходимо отметить, что помимо ряда причин общего характера, побуждающих французскую буржуазию искать опору в церкви, для отдельных ее групп имеется своя особая заинтересованность в церковных делах: так, например, все отрасли промышленности, обслуживающие потребности культа (ювелирное дело, колокольно-литейное, музыкально-инструментальное, строительное и др.), являются естественными сторонниками церкви. Еще в 1905 г. один из французских сенаторов (Пиу) подсчитал, что связанные с различными нуждами культа производства располагали во Франции капиталом в 257 млн. и занимали 65 400 человек рабочей силы¹. Задержка была только за формой, которая позволила бы жонглерам французского парламентаризма преподнести блок с Римом как новый триумф демократии, а не как сделку с черными силами международной реакции.

В 1918 и 1919 гг. имели место два выступления²: епископа орлеанского Туше, доказывавшего для успокоения французского «общественного мнения», что не только Франция нуждается в папе, «но также и папа нуждается во Франции», и сенатора, известного политического деятеля де Монзи³, огласившего неизвестные широкой публике факты, вроде просьбы, обращенной со стороны французского правительства (Вивиани) к Англии (29 декабря 1914) об организации английского посольства при Ватикане «для защиты там союзных интересов», и факт содержания самим французским правительством в течение 4 лет полуофициального представительства при Ватикане (Ш. Луазо).

В том же 1919 г. папа (Бенедикт XV), принимая французского аббата Лемира, высказался в том смысле, что достаточно «французскому правительству проявить немного доброй воли и готовности, чтобы проблема могла легко быть разрешенной к удовлетворению обеих сторон. Для этого не требуется никому идти в Каноссу и т. д.». Неудавшееся покушение Коттинса на Клемансо (французского премьера) дало Ватикану новый повод проявить внимание к французскому правительству: на поздравление папы, переданное через кардинала Аммет, Клемансо ответил «выражением живейшей признательности»⁴.

¹ G. Weckmann, Die Trennung von Kirche und Staat in Frankreich vom volkswirtschaftlichen Standpunkte aus 1914, S. 236 и сл.

² См. von Lama, стр. 172 и сл.

³ De Monsie, Rome sans Canosse ou la Diplomatie de la présence P. 1918.

⁴ «Osservatore Romano» от 2/III 1919 г.

Присоединение Метца и Страсбурга (Эльзас-Лотарингии) к Франции выдвинуло вопрос о замене в обоих городах немецких епископов французскими. Кардинал Аметт (архиепископ парижский) отправился в Рим с личным письмом от Клемансо к папе. В результате этого визита оказалось, что папа «удовлетворил просьбы епископов Фритца и Бенцлера об освобождении их от занимаемых должностей» и назначил на их места французов—Руша и Пельта, «на основании,—как гласило сообщение агентства «Гавас» от 25 апреля 1919 г.,—попрежнему действующего в Эльзас-Лотарингии конкордата 1801 г.».

Пойдя таким образом навстречу пожеланиям французского правительства, Ватикан вместе с тем выразил свое неудовольствие той двусмысленной «полуофициальной» формой сношений, к которой прибегало по отношению к нему французское правительство, и кардинал Гаспарри (статс-секретарь курии) напомнил по этому случаю афоризм своего предшественника (Мерри дель Валь): «Франция—слишком видная дама, чтобы ей пристало ходить в Ватикан по черной лестнице».

Прославление, в качестве святой, Орлеанской девы (Жанны д'Арк) явилось следующим жестом курии в сторону Франции.

6 апреля 1919 г. последовал папский декрет о признании «чудес», сотворенных по молитвам легендарной героини из Дом-реми. По этому случаю французские епископы и папа обменялись речами. Первые призывали папу благословить Францию, «столь прекрасную в своем единении, в своем идеализме, в своем героизме и т. д.». В ответ на это папа, отрекомендовавшись «французом по сердцу» пожелал Франции «увеличения славы ее и счастья» и охотно благословил «тех добрых французов, для которых Жанна д'Арк является подлинно связующим звеном между земным отечеством и небом»¹; означенное выступление папы дало повод германским националистам (ген. Людендорф и К^о) сделать кислое замечание, что французская слава все же «умножилась—за немецкий счет».

В июле 1919 г. кардинал Гаспарри снова подтвердил готовность курии вступить в непосредственные переговоры с Францией, поскольку итальянский правительственный официоз («Giornale d'Italia») усиленно советовал Франции—«на пути в Рим сделать остановку в Консульте» (т. е. в итальянском правительстве).

2 июля развернулась дискуссия во французском парламенте между Ж. Бон, доказывавшим, что папство в империалистическую войну являлось агентом центрально-европейского блока, и

---

¹ «Osservatore Romano» от 7/IV 1919 г.

де Монзи, утверждавшим, что систематическая отправка полуофициальных французских миссий в Ватикан является наилучшим доказательством необходимости иметь при нем постоянное посольство.

Министр иностранных дел С. Пишон тщетно пытался отрицать официальный характер французских миссий, утверждая, что если при их посредстве Франция смогла добиться от Ватикана того, что для нее было важно, то нет оснований идти на большее. После сенсационного заявления де Монзи о том, что Франция содержит при Ватикане не только одно полуофициальное представительство (Луазо), но целых два, заседание закрылось в обстановке крупного парламентского скандала.

На дискуссию в парламенте папа ответил командированием во Францию кардинала Вико для освящения новой церкви в Париже (церковь сердца Иисуса на Монмартре), выступившего там с многозначительной речью об «обязанностях к богу» со стороны французского народа. Затем последовали торжественные открытия новых французских храмов в Лурде и в Иерусалиме, использованных одновременно в качестве памятников мировой империалистической войны и победы Антанты.

Решающим годом был 1920-й. В марте 1920 г. Поль Дешанель, избранный президентом французской республики, известил о своем избрании папу. Последний в своем ответе выразил надежду, что президенту удастся обеспечить «своей стране религиозный мир, являющийся одним из важнейших факторов подъема и умиротворения народов». Любопытно отметить в качестве курьеза, что в разгоревшейся затем на страницах французской печати полемике (Вейлер против Анатоля Франса) сторонники сближения с Римом приводили нижеследующие аргументы: «Все современные народы прокладывают дорогу в Рим—протестантская Англия, позитивистическая Бразилия, республиканская Германия, социалистическая Чехо-Словакия послали своих представителей в галереи Ватикана, где они встретятся с уполномоченным православной Сербии, а завтра, быть может, и с представителем Советов...» (Л. Вейлер).

Папа не остался в долгу и ответил на полемику массовой канонизацией новооткрытых французских святых: за Жанной д'Арк последовали Мария Алакок, Магдалина Фонтен, Мария-Клотильда и др. Весьма характерно, что все новоявленные святые оказались либо французской, либо английской, либо итальянской национальности, и ни одного—из граждан побежденных в мировой войне государств.

За этим последовало исключительное по своей пышности тор-

жество прославления в Риме памяти Орлеанской девы, на которое французское правительство делегировало в качестве своего чрезвычайного представителя сенатора и бывш. министра Ганото.

12 марта 1920 г. правительство внесло в палату кредит в 236 812 500 фр. на восстановление посольства при Ватикане, с нижеследующей мотивировкой: в Ватикане обсуждаются вопросы, имеющие непосредственный интерес для Франции, поскольку изменения государственных границ, смешение рас и конфликты национальностей связаны с вопросами религиозного порядка; в качестве примеров были указаны: Сирия, Палестина, Константинополь, Эльзас-Лотарингия, германские колонии и Марокко.

Несмотря на то что вожди французского «радикализма» (Марсель, Семба и др.), поддерживая традицию своего «свободомыслия», высказывались официально против возобновления сношений с Римом, сопротивление их не носило серьезного характера и служило в значительной мере декларативно-агитационным маневром: так, например, «независимый социалист» (будущий губернатор Индо-Китая) Варен доказывал, что главное препятствие для сношений с Римом—личные качества папы Бенедикта XV («со всяким другим папой завязать сношения было бы ошибкой, а с этим папой—просто преступление»); другие («Libre Parole» и пр.) уверяли, что дружба с папой неминуемо испортит отношения с Италией и т. д. Со своей стороны, Ватикан, не довольствуясь предположенным приемом у себя французского посольства, настаивал на полной взаимности, т. е. на организации в Париже своей нунциатуры,—положение, особенно щекотливое для французских радикалов в связи с обстоятельствами высылки в 1907 г. правительством Клемансо—Пишона последнего папского представителя Монтаньини¹.

Для урегулирования этого вопроса французское правительство отправило своим особоуполномоченным в Рим г. Дульсэ, и, в конечном итоге, согласилось на назначение папского нунция в Париж.

При обсуждении вопроса о кредитах на ватиканское посольство финансовая комиссия палаты депутатов (Кольрат—против Эррио) большинством в 3 голоса (20 против 17) отклонило ассигнование. После новой кампании в печати (Луазо, Ле Флош и др.) и повторного выступления в комиссии Мильерана, комиссия большинством в 4 голоса (19 против 15) кредиты приняла (июнь 1920 г.), причем Мильеран обязался в первом же заседании палаты (в октябрьскую сессию) поставить вопрос на окончательное ее ут-

¹ См. «Назад к Ватикану», Вестник НКВД, 1921, № 3—4, стр. 10—17.

верждение, заявив вместе с тем, что правительство поставит одновременно и вопрос о доверии.

Вследствие избрания на президентский пост А. Мильерана последовал уже ставший обычным обмен приветствиями¹ между президентом и папой, в связи с чем последний призвал «благословение божие» на президента, на его семью и на всю Францию.

С 16 по 30 ноября 1920 г., в продолжение пяти заседаний, палата депутатов дискутировала ватиканский вопрос, причем как сторонники, так и противники Рима ставили вопрос в чисто политической плоскости—выиграет ли Франция и что именно от возобновления сношений с курией.

Из речей «противников» курии заслуживает быть отмеченным выступление небезызвестного «социалистического» лидера П. Бонкура, доказывавшего, что гораздо будет выгоднее для французского правительства за пределами страны опираться не на католиков, а на социал-демократов. Сам кардинал Ришелье, заверял «вождь» французского парламентского социализма, если бы он был жив, предпочел бы теперь социал-демократов католикам... Из выступлений сторонников римской ориентации наиболее яркой была речь премьер-министра Лейга, аргументировавшего ссылками на практику других государств и закончившего следующим признанием: «Речь идет не о том—будет или нет Франция представлена при Ватикане, ибо она была там всегда представлена, но только о том—будет ли Франция иметь там явного представителя или же тайного: наши принципы, наша безопасность и наше достоинство требуют первого». Одобренная правительством формула перехода собрала 397 голосов против 209.

В марте 1921 г. А. Бриан, при поддержке Вейлера, защищал в верхней палате (сенат) возобновление сношений с Римом. Не собравши там необходимого числа голосов, он добился отсрочки обсуждения вопроса (26 апреля), предпочитая действовать внепарламентскими методами².

Возобновление дипломатических сношений с Ватиканом. 8 мая 1921 г. на орлеанских торжествах выступали уже бок о бок французский министр юстиции и папский легат. Несколько дней спустя, последний (Гранито ди Бельмонте) наносит официальный визит Бриану, сменившему тем временем

---

¹ «Osservatore Romano» от 26/IX 1920 г.

² Одно из многих доказательств гнили и лжи современного буржуазного парламентаризма: всецело сочувствуя определенному мероприятию (в данном случае курсу на Рим), представители правящего класса на парламентской трибуне разыгрывают комедию «свободомыслия» и «оппозиционности».

Лейга во главе правительства, и еще несколькими днями позже г. Жоннар (бывш. ген.-губернатор Алжира, бывш. министр иностранных дел и общественных работ, бывш. комиссар держав Антанты в Греции во время мировой войны) назначается послом Франции при Ватикане и 28 мая 1921 г. вручает папе свои верительные грамоты. При этом, согласно донесению Жоннара, «папа ответил на его речь в весьма сердечных выражениях, особенно остановился на двух ее значительных пунктах относительно задачи умиротворения народов и роли французских миссий на Ближнем и Дальнем Востоке»¹.

По любопытному капризу истории, отъезд Жоннара в Рим хронологически совпал со смертью Э. Комба, известного родоначальника французских законов об отделении церкви от государства.

6 августа 1921 г. архиепископ Черетти, в качестве папского нунция, представился французскому президенту², и взаимоотношения Третьей республики и римской курии окончательно вступили в фазу «нормального» повседневного сотрудничества.

Надо, впрочем, отметить, что первые годы новоявленной «гармонии», не лишены были некоторых шероховатостей, объясняемых тем, что значительная часть кадров высшего французского духовенства, по социальным своим связям, близкая французской землевладельческой аристократии и получившая политическую закалку в период ожесточенных боев вокруг «светских законов», не умела найти общего языка с правительством и его местными агентами; с другой стороны, и последним далеко не всегда была ясна польза от прямого сотрудничества с католическими организациями, на борьбе с которыми еще совсем недавно многие из них составили свою политическую карьеру³.

В 1922 г. на собрании французских епископов возобладало примирительное течение, настаивавшее на необходимости борьбы против «светских законов» (законы о положении церковных общин и конгрегаций, законы о школе, законы о браке и разводе), однако, «при всемерном поддержании священного единения (пресловутая «*union sacrée*») и национального согласия»⁴, против чего не замедлила выступить оппозиция справа, в лице бордос-

---

¹ «Action Française» от 22/VI 1921 г.

² О личности Черетти и его деятельности см. Jves de la Brière, т. II, гл. XI.

³ См. об этом «Europe Nouvelle», номера от 1/III 1924 г. 18/X 1924 г. 31/I 1925 г. и 28/III 1925 г.

⁴ «Croix» от 16/III 1922 г.

ского архиепископа кардинала Андрие, призывавшего¹ к борьбе с теми, кто «под предлогом священного единения и религиозного мира стремится примирить католиков с законами, справедливо осужденными папскими энцикликами, как посягающими на права бога и на божественное устройство церкви».

К архипастьерскому съезду 1923 г. вышла из печати анонимная брошюра полуофициозного характера «Религиозная политика во Франции и выборы в 1924 г.», усиленно рекомендовавшая католикам путь компромисса, фактического признания светского законодательства—для обеспечения возможно более либерального, с католической точки зрения, его применения на практике.

Съезд 1924 г. ознаменовался победой правого крыла. В текст пастьерского послания вставлена была нижеследующая характеристика французского правительства: «Оно нарушает основные законы семьи законом о разводе и школьным законом; оно нарушает основной закон гражданского общества законом 1905 г., посягающим на собственность и авторитет бессмертной церкви, супруги христовой, и законом 1901 г., наделяющим светскую власть правом, принадлежащим исключительно власти церковной, разрешать образование конгрегаций и принуждать их к роспуску».

Понадобилось телеграфное распоряжение папы, чтобы выбросить из окончательной редакции послания эту характеристику, все же успевшую стать достоянием гласности.

Выборы 1924 г., завершившиеся победой левого блока («эра демократического пацифизма»), послужили к новому обострению церковных страстей.

Съезд 1925 г., не рискуя сам дать категорическую директиву католикам «отказывать в своих голосах кандидатам, которые не будут в теории и на практике противниками светских законов», тем не менее указал, что подобный образ действий «рекомендуется мужами серьезными» и «особами, заслуживающими уважения».

Но этот успех был последней пирровой победой правого крыла (епископы Бордо, Тура, Камбрэ и др.).

Не успело пройти недели после опубликования послания, как кардинал парижский Дюбуа выступил в соборе богоматери², заявив, что считает необходимым «в целях уточнения вопроса» сделать к пастьерскому посланию «пост-скрипtum» (послесловие) нижеследующего содержания:

¹ «Croix» от 24/IV 1922 г.

² Текст послания и речи кардинала Дюбуа см. «Europe Nouvelle», 1925, № 371, стр. 422—425.

1) «Св. престол совершенно чужд означенной декларации, и апостолический нунций ознакомился с нею только из печати»; 2) «декларация не является объявлением войны,—никто больше нас не желает мира и, в особенности, мира религиозного»; декларация не является также актом политического порядка; 3) «декларация на самом деле—простой урок катехизиса, развитие темы нравственного богословия, о законах, вообще, и о светских законах, в частности».

Поспешность отступления вызвана была столько же «миролюбивыми» директивами Рима, сколько и ответными мероприятиями на католическую «фронду» со стороны правительства левого блока¹. 2 февраля 1925 г. правительство Эррио получило согласие палаты депутатов на изменение формы сношений с Ватиканом, в смысле ликвидации при нем французского посольства (314 голосов за и 250 против). Антиватиканская резолюция, однако, задержалась при прохождении в Сенате. А за это время кабинет Эррио успел пасть; сменившее же его министерство Пенлеве—Бриана—Кайо сняло вопрос с «порядка дня».

Урок не прошел, однако, бесследно: обе стороны наглядно почувствовали недостаточность старых форм сотрудничества церкви и государства в условиях современной послевоенной Франции, и вопрос об «активизации» такового был поставлен на очередь.

Церковь помогает правительству в ликвидации оппозиции справа. Из вопросов внутренней политики Франции наибольший отклик как внутри страны, так и за границей получил процесс так называемой «Action Française», знаменовавший собой открытый и полный разрыв между Ватиканом и правым (монархическим) крылом французского национализма, той самой «Action Française», которая в период боев церкви и государства во Франции считалась, и не без основания, наиболее ревностной защитницей интересов католической церкви.

Начнем с фактической канвы событий². 27 августа 1926 г. кардинал бордосский Андрие напечатал в местной католической газете («Aquitaine») «Ответ группе молодых католиков по вопросу об «Action Française».

В этом ответе кардинал, оставляя в стороне политическую сторону деятельности организации, подверг критическому разбору морально-философские воззрения руководителей «Action Française» и, в частности, небезызвестного писателя и журналиста

¹ Jves de la Brière, т. II, стр. 214 и сл.

² Текст поименованных ниже документов см. сб. «L'Action Française et le Vatican», P. 1927.

водители, так и рядовые участники, не должны отступать перед открытым осуждением ложных учений этой школы».

Почти в тот же день¹, на приеме в Ватикане французских монахов, папа сообщил последним «для самого широкого распространения», что выступление его против «Action Française», вопреки распускаемым слухам, лишено «каких бы то ни было задних мыслей, дипломатических или политических», но имеет единственной целью «славу Божию и спасение душ».

2 октября 1926 г. кардинал Гаспарри² переслал кардиналу парижскому ответ папы на адрес католических студентов, рекомендуя им «удаляться от опасностей религиозных и моральных (т. е. от «Action Française») как можно дальше».

На XIII своем съезде «Action Française» сделала последнюю попытку умиловить Ватикан³, обратившись к парижскому кардиналу с просьбой назначить в политическую школу, содержащую «Action Française» («Институт»), церковных преподавателей по интересующим церковь предметам, а организации «Action Française» на местах, «по собственной инициативе» обратились с просьбой об аналогичном «руководстве» к своим местным «духовным пастырям»; однако по прямой директиве Рима, в подобном руководстве им было отказано.

20 декабря 1926 г. папа выступил с речью в консистории⁴, где, дав обзор положения католицизма в отдельных странах, остановился особо на Франции, заявив: «Не позволительно католикам участвовать каким бы то ни было образом в предприятиях и в школах, которые ставят интересы партий выше религии и заставляют последнюю служить первым... не позволительно для католиков поддерживать, поощрять и читать журналы, издаваемые людьми, писания которых, уклоняясь от нашей догмы и нашей морали, подлежат осуждению и т. д.».

29 декабря 1926 г. последовал папский декрет, с ссылкой на постановление св. коллегии Индекса (ведущей реестр запрещенных для католиков книг) от 29 января 1914 г., задержанное в свое время папами Пием X и Бенедиктом XV, согласно которому объявлены «отныне и впредь запрещенными» четыре книги Ш. Морраса и дополнительно газета «Action Française»⁵.

Поскольку все глубоко политическое значение этого акта не было ясно даже для многих представителей французского духо-

¹ Там же, стр. 66—67.

² Там же, стр. 68—69.

³ Там же, стр. 73 и сл.

⁴ Там же, стр. 103 и сл.

⁵ Там же, стр. 134—137.

Шарля Морраса (своеобразного последователя доктрин Огюста Конта), доказав, без особого труда, несоответствие их в ряде пунктов католической догме. Конечный отсюда вывод—вредность «Action Française», как организации «антихристианской», «аморальной», направленной к восстановлению язычества»¹. На это послание ответственные руководители «Action Française», католики по вероисповеданию (Л. Додэ и др.), не замедлили ответить «криком своей совести», заверяя о своей сугубой католической ортодоксальности, напоминая о своих заслугах перед церковью и о привлечении к делу ее политической защиты под знаменами «Action Française» даже многих атеистов по убеждению². Несколько позже вступил в полемику главный объект католического обстрела—сам Ш. Моррас, довольно остроумно напомнивший³, что инкриминируемые ему сочинения—труды его юности, имеют уже многолетнюю давность, и что, напротив, вся его политическая деятельность встречала в прошлом неизменное одобрение и поддержку со стороны виднейших католических прелатов, до папы Пия X включительно и, в частности, самого кардинала Андрие. При чем Моррас совершенно недвусмысленно обвинял кардинала в измене своим прежним воззрениям—по мотивам избирательной кампании и под воздействием германофильской печати (Моррас и Додэ известны как самые фанатичные «немцееды»).

5 сентября 1926 г. на сцену выступил сам папа (Пий XI), обратившийся с личным письмом к кардиналу, Андрие⁴. В нем Пий XI всецело солидаризировался с кардиналом, повторил важнейшие из его критических замечаний по адресу «руководителей» «Action Française» и подчеркнул особое значение этого предостережения, будучи одержим «постоянной тревогой при виде опасностей, со всех сторон угрожающих дорогой молодежи».

Повторные почтительные и «сыновние» заверения, обращенные к папе католическими студентами, и таковое же обращение самого председателя «Action Française» остались бесплодными⁵: Ватикан невозмутимо продолжал разыгрывать свою инсценировку. Кардинал Андрие поблагодарил папу⁶ за его «великолепное письмо» и, снова изругавши (при помощи цитат из изданий 1912 г.) «Action Française», кончил многозначительным заявлением: «Итак, надо сделать выбор, и члены «Action Française», как руко-

---

¹ См. сб. «L'Action Française et le Vatican», стр. 21—26.

² Там же, стр. 26—32.

³ Там же, стр. 38—57.

⁴ Там же, стр. 58—60.

⁵ Там же, стр. 60—62.

⁶ Там же, стр. 63—65.

венства¹, не говоря уже о широких католических кругах, постольку курии потребовалось приложить еще не мало усилий для популяризации своего запретительного декрета.

5 января 1927 г. папа снова обратился с письмом к кардиналу Андрие, чтобы, во-первых, отметить его особые заслуги в разоблачении «Action Française» (сознательно тем самым преуменьшая роль и значение ватиканской интервенции) и, во-вторых, чтобы доказать тезис, по меньшей мере спорный, чтобы не сказать более,—об отсутствии в данном вопросе какого бы то ни было различия в политике Пия XI и его предшественников.

18 февраля 1927 г. католические епископы Франции обратились к папе с коллективным адресом и к пастве своей с декларацией². Помимо выражения полной своей солидарности с папой, документы эти, с одной стороны, детализируют критику «Action Française» (ср., например, осуждение «интегрального национализма», как языческой концепции и пр.); затем они усиленно подчеркивают абсолютную аполитичность папского акта, протестуют против попытки «Action Française» монополизировать французский «патриотизм» и т. д.

28 февраля 1927 г. кардинал Гаспарри передал французскому епископату о живейшем удовлетворении, испытанном папой в результате ознакомления его с произведением французских епископов.

8 марта 1927 г. последовало подробное разъяснение «великого исповедника»—кардинала Фрувирта о тех мерах церковного и дисциплинарного воздействия, которые следует применять к католикам, продолжающим упорствовать в своей приверженности к «Action Française»³, а 15 марта кардинал-архиепископ парижский поставил в известность своих коллег, что «по благоволению своему и для подтверждения своего доверия» Пий XI разрешил французским епископам давать разрешение на чтение «Action Française»—«но в случаях весьма редких и по важным мотивам»,—оставляя тем самым некоторую лазейку, разумеется, «для избранных».

Адресованная папе «жалоба» католических членов президиума «Action Française» возвращена была папским нунцием обратно ее подателям⁴; столь же плачевная судьба постигла и личное

---

¹ Ср., например, инцидент с епископом Марти, там же стр. 70.

² См. текст обоих документов, «Europe Nouvelle», 1927, № 479, стр. 523 и сл.

³ Там же, стр. 525.

⁴ Сб. «L'Action Française et le Vatican», стр. 175 и сл.

письмо Ш. Морраса к папе¹. Отдающие пылью веков церковные запреты и кары вступили, таким образом, в действие. Нам остается теперь обратиться к тому, что гораздо важнее всей этой средневековой казуистики,—к выяснению политической подоплеки поведения Рима и к раскрытию реального политического значения его жеста.

Налицо имеется шесть различных объяснений как того, так и другого. Первое, исходящее от курии, с которым мы уже ознакомились, и которое можно назвать официальной католической доктриной, сводится к отрицанию какого-либо политического значения этого инцидента и к толкованию его, как чисто теоретического философского разногласия, интересующего Ватикан лишь постольку, поскольку он отражается на моральном воспитании юношества. Всю искусственность и фальшь подобного рассуждения ловко вскрывает Моррас (в статье «Non possumus»)², задаваясь недоуменным вопросом—неужели во всей современной французской литературе и среди современных французских политических деятелей есть только два (Моррас и Додэ), заслуживающие громов и обличений Ватикана, и неужели из всех французских газет и журналов только одна «Action Française» больше, чем кто бы то ни было, грозит развращением молодежи?

Спрашивается—чем же объясняют сама «Action Française» и ее вожди постигнутую их немилость Ватикана. Оставляя в стороне неизбежные в устах Морраса и К⁰ ссылки на немецкие и масонские интриги, мы имеем двойной ответ: 1) Ватикан стремится «обезглавить «Action Française»³, чтобы заставить католиков объединиться на республиканской почве» и изменить оппозиционно-монархическому знамени. 2) Ватикан солидаризируется с внешней политикой той группы французской буржуазии (Бриан и др.), которая ориентируется на франко-германский блок (политика Туари—Локарно) и стремится поэтому разложить и уничтожить противников этой ориентации.

Умеренно-республиканская пресса (см., например, статьи известного специалиста по вопросам внешней политики В. д'Ормессона и др.⁴ в большинстве своем отнеслась весьма сочувственно к папской акции, доказывая, что Пий XI, являясь сам «папой мира» и убежденным сторонником пацифизма (ср. новогодние речи папских нунциев в Париже, Черетти и Маглионе в 1926

¹ Там же, стр. 226 и с.

² Там же, стр. 113—123.

³ Там же, стр. 118.

⁴ W. d'Ormesson, La doctrine positiviste de «L'Action Française», «Europe Nouvelle», 1927 г., № 474, стр. 336—339.

ти 1927 гг.), естественно не может сочувствовать организации, идущей в день разжигающей франко-германский антагонизм, особенно в тот момент, когда католические круги прилагают все усилия к примирению Франции с Германией и Германии с Польшей, имея в виду грандиозную задачу создания «христианского» общеевропейского блока против врагов церкви и «цивилизации». Кроме того, открыто разрывая с «Action Française», Ватикан ликвидирует тем самым старый и пагубный предрассудок—о несовместимости республиканской формы правления с интересами церкви, доказывая, что «Республике нечего бояться церкви с того момента, когда церкви не приходится бояться республики» (д'Ормессон). Весьма также характерно, что в полемике между католической печатью и «Action Française» по поводу пацифизма французские социалисты оказались всецело на стороне католиков. «Как это ни странно,—писал, например, Фроссар¹,—мы в этом вопросе находимся в полном согласии с епископом Маглионе и заявляем об этом без малейшего стеснения: речь идет о мире, самом драгоценном из благ; для его обеспечения мы не отказываемся ни от чьей помощи и не отступим ни перед каким союзом».

Те же, в основном, мотивы, что и у д'Ормессона, развиты были подробнее в брошюре А. Шарпантье². Помимо истории возникновения «Action Française» (в период дела Дрейфуса) и любопытных биографических сведений об ее руководителях, мы находим у Шарпантье интересную попытку объяснения природы католического «пацифизма». Автор сочувственно цитирует католического публициста Р. Жоанно, утверждающего, что «сейчас всякая внутриевропейская (СССР, как известно, авторы Пан-Европы причисляют к Азии!) война будет глупостью и разорением денежным, моральным, культурным, материальным». Отсюда Шарпантье приходит к выводу, что «если бы консерваторы имели крупицу рассудка, то вместо продолжения прежней политики милитаризма и шовинизма они служили бы делу пацифизма, ибо будущая война неминуемо подаст сигнал к такой революции, по сравнению с которой русская революция покажется детской забавой». «Весьма немногочисленны католики, сознающие эту истину. Более благоразумное, папство поняло, что духовное могущество церкви рухнет в пучинах нового конфликта. Опыт недавней войны был для папства уроком, которого оно не позабыло...».

Однако некоторые из буржуазных публицистов, разделяя полностью ватиканскую установку в отношении «Action Française»,

---

¹ «Soir» от 2/1 1927 г.

² A. Charpentier, La Papauté et «l'Action Française», P. 1927.

позволяют себе усомниться в целесообразности, с точки зрения интересов французской политики, примененных Ватиканом в конфликте с «Action Française» методов. Так, один из специалистов по вопросам религиозной политики—Рене Жиллуэн¹, начавши с доказательств того, что Ш. Моррас был, собственно говоря, всегда врагом христианских принципов, и что нужно удивляться не факту его осуждения Римом, а тому, что это осуждение не последовало раньше, кончает меланхолическими размышлениями о бестактности, как курии, так и самого французского правительства, не только допускающего, но и «поощряющего» такие вмешательства Рима во внутреннюю политику Франции, против которых неизменно протестовали все прежние правительства Франции. Если сегодня папа и организованный католицизм любезно помогают французскому правительству разделаться с его противниками справа, то кто поручится, тревожно вопрошает Жиллуэн, что завтра католицизм с таким же рвением не станет помогать врагам французского правительства. Ведь из отвлеченных принципов христианской морали, предостерегает христианский публицист, можно вывести очень много неожиданного, вроде например, полного разоружения без гарантий безопасности, отрицания современной колониальной политики, признания равенства рас и прочих тому подобных опасных «утопий и химер».

Полагаем, что в этом калейдоскопе мнений, яркие образчики которого нами только что были приведены, советский читатель без особого труда сможет установить правильную перспективу и надлежащую оценку фактов.

Не подлежит никакому сомнению, с точки зрения действительного соотношения государства и церкви в эпоху монополистического капитализма, что в процессе «Action Française» католические организации от начала и до конца выполняли «заказ» командной верхушки современного французского правящего класса. Если, по изречению Льва XIII, «из трупов церковь привязана только к одному—пригвожденному к кресту», то нельзя не признать, что в послевоенный период, в связи с мобилизацией земельной собственности и окончательной ликвидацией социальной базы старого аграрного капитала во Франции, «Action Française» с ее запоздалыми трубадурами королевской власти и хулиганствующим «камело» является уже не только

---

¹ R. Gilloin, Rome et «L'Action Française», «Europe Nouvelle» 1927, № 465. «Eclaircissement sur la querelle de «L'Action Française», там же, № 469. «Le nouveau cours de la politique romaine, № 505. A propos de «L'Action Française» № 474. «Nouvelles réflexions sur la politique romaine et l'intérêt française» № 479.

историческим трупом, но поистине—трупом «смердящим». Если 25 лет тому назад «Action Française» являлась еще одним из отрядов господствующего класса, то сейчас она—деклассированный сброд, сотрудничество с которым не сулит ничего кроме компрометации. Говорить в области внутренней политики о каком бы то ни было удельном весе «Action Française» не приходится. И если тем не менее ее вожди способны по временам причинять неприятности современным вершителям французских политических судеб, то разве только в силу поразительной неразборчивости в средствах, исключительной даже при современной разнузданности нравов буржуазной прессы: так, например, ожесточенно критикуя внешнюю политику Бриана, Ш. Моррас для характеристики общественного облика французского министра иностранных дел не находит ничего лучшего, как повторно обвинять Бриана в том, что в дни своей молодости он якобы предавался разным противоестественным поржкам¹.

В достаточной мере бессильная и безвредная внутри страны «Action Française» способна в области политики внешней причинить французскому правительству затруднения более ощутительного свойства: во-первых, в силу более чувствительного резонанса (иностранная печать и пр.), присущего вообще этой сфере деятельности, а, во-вторых, потому, что защищаемые «Action Française» воинственные принципы внешней политики, до классического немцеедства включительно, имеют значительный отклик далеко за пределами самой этой организации. Предмет политической спекуляции в течение войны и в ближайший после нее период (пресловутый «реванш», «бош за все заплатит», репарации, Рур и пр.) в руках самых различных буржуазных групп, эти лозунги политического авантюризма и дешевой демагогии приобрели настолько широкое распространение среди мелкой буржуазии и французского крестьянства, что резкий с ними разрыв, диктуемый сейчас жизненными интересами магнатов финансового капитала и тяжелой индустрии (от плана Лушер—Стиннеса и до бриановской пан-Европы)—задача для французского правительства отнюдь не легкая. И вот почему политика Локарно и пан-Европы потребовала, в качестве одного из подготовительных мероприятий, скорейшего разгрома «Action Française», каковой при невозможности его осуществления мерами полицейско-административного порядка (ведь нельзя же посадить за тюремную решетку представителей «лучших» французских семейств и испытанных друзей «порядка», готовых в любой момент к безвоз-

---

¹ См., например, сб. «L'Action Française et le Vatican», стр. 129.

междному и добровольному избиению рабочих и всяких «бунтовщиков»!) был проведен в виде идеологического маневра, в тесном содружестве и совместными усилиями Аристиды Бриана и Пия XI.

Церковь пропагандирует политику Локарно. На фоне разыгравшейся вокруг «Action Française» бури, «барка св. Петра», под двойным флагом Франции и Рима, постепенно выходила в широкое международное плавание. Первые его этапы ознаменовались двумя новогодними речами, произнесенными папскими нунциями в Париже в качестве старейшин дипломатического корпуса на новогоднем приеме у президента республики¹. 1 января 1926 г. кардинал Черетти с удовлетворением отметил, что дело мира за истекший год вышло из области надежд и претворяется в действительность; что в 1925 г. была написана одна «из самых прекрасных глав истории» (заклучение Локарнских договоров), что «великолепное древо Локарно должно принести свои плоды»; что Франция больше всех других государств потрудились над делом мира, и что среди французов нашелся человек (читай—А. Бриан), «к которому несутся наши единодушные чувства восхищения и признательности» и т. д. и т. п.

Год спустя (1 января 1927 г.) Мальоне, сменивший Черетти на парижском посту, воспевал те же дифирамбы «миротворческим усилиям» Франции и ее доброму гению, министру иностранных дел (опять неувядаемому Бриану), речи которого «столь красноречивые и столь глубоко прочувствованные» нельзя слушать без волнения, ибо «они выражают стремление народов к сближению и к духовному братству, которые дадут возможность залечить раны народов и направят народы, путём глубоко мирного соревнования к непрерывно возрастающему прогрессу моральному, экономическому и социальному.

В своем чрезмерном усердии представители Ватикана взяли настолько высокую ноту, что президенту Думергу в ответном слове пришлось намекнуть, что наступление возвещенного нунциями золотого века—мира и процветания—зависит не только от испытанных талантов французских министров, но и от многих других, совершенно от них не зависящих причин...

Церковь возобновляет молитвы за правительство. Прошло едва полгода со времени последних боев вокруг «Action Française», и 16 октября 1927 г. кардинал парижский Дюбуа выступил с пасторским посланием², в котором «признал

¹ См. текст послания, «Europe Nouvelle», 1927, № 508, стр. 479.

² Там же.

целесообразным возобновить с этого года в несколько новой форме традицию, которую обстоятельства более или менее прервали».

Принимая во внимание, что ни один из изданных во Франции законов, «не освободил и не мог освободить французов от обязанности обращаться к богу с общественными молитвами, с призывом его помощи в работе законодательных собраний и всех государственных органов»; принимая также во внимание, что действующие законы «не лишили церковных властей права предписывать общественные молитвы о благе государства, регулировать их порядок и приглашать к ним французский народ», кардинал-архиепископ предписывает:

«По случаю открытия сессии палат, судов, факультетов и школ назначается на 6 ноября особая месса св. духа» (ст. 1); во время нее (ст. 2) будет читаться молитва «Господи, спаси республику»; специальные места должны быть оставлены в церкви «для членов и представителей власти исполнительной, судебной и других государственных органов» (ст. 3). «Эти общественные молитвы будут иметь место каждый год в соборе богородицы—в воскресенье, следующее за открытием палат» (ст. 4). «Настоящее послание и предписание будут прочтены во всех церквях и часовнях».

Полагаю, что политическое значение подобного акта, восстанавливающего после 44-летнего перерыва практику молитв за республику, настолько ясно, что в комментариях не нуждается. Пикантно только отметить, что тот же самый кардинал Дюбуа, выступающий в 1927 г. в роли ангела-хранителя французской республики, в 1913 г. выступил с воззванием, не менее шумевшим в свое время, но совершенно в другом роде. Там он предлагал правоверным католикам не оказывать никакой поддержки республиканскому режиму во Франции, служащему орудием или маской «антихристианской секты»¹.

Церковь помогает правительству проводить избирательную кампанию. 4 марта 1928 г. во французском католическом офицioso «La Croix» было напечатано письмо статс-секретаря курии кардинала Гаспарри, содержащее директивные указания Ватикана французским католикам, в связи с предстоящей избирательной кампанией².

Оставляя в стороне его исторические погрешности, вроде заведомо неверного утверждения, что позиция всех пап в отно-

¹ R. Gilloin, Les dicretions pontificales aux catholiques de France pour les élections législatives, «Europe Nouvelle», 1928, № 528, стр. 411.

² См. текст письма в «Europe Nouvelle», 1928, № 528, стр. 412—413.

шении республиканского режима во Франции была неизменно благожелательной, ограничимся его «нормативной» стороной. Католикам, в первую очередь, предлагается признать Третью республику как существующую и, следовательно, богом установленную власть. В пределах существующего государственного порядка католики могут и должны бороться за усовершенствование и исправление законов—в желательную для церкви сторону. Католикам разрешается в теории предпочитать ту или иную политическую форму, но бороться за нее на практике можно лишь «при условии пользования законными и честными средствами» и признания установленной власти». Оплакивая распыленность католиков по различным политическим партиям, письмо напоминает о необходимости уметь поступаться личными политическими симпатиями и убеждениями ради блага церкви, иначе говоря—о необходимости в любой момент быть готовыми к голосованию против собственной совести, но по авторитетному указанию ближайшего епископа.

Письмо Гаспарри не встретило особого сочувствия во французской буржуазной печати. Так, некоторые органы, в том числе даже такие близкие к правительству, как «Temps», выразили опасение—удобно ли вообще «иностранному суверену» (папе) открыто давать императивные директивы французским гражданам, тем более по вопросам внутренней французской политики. Другие («Europe Nouvelle») на это возражали, что если такие директивы дают своим единомышленникам II и III Интернационал, то почему же оспаривать это право за интернационалом, ясы и сутаны. Правда, дешифрируя указания Рима, некоторые публицисты (Р. Жилуэн) с горечью констатируют, что венец политической мудрости Рима сводится к возведению в принцип оппортунизма, во имя которого католики должны «поддерживать не только существующий режим, но и стоящее у власти министерство», выторговывая у него этой ценой различные мелочные уступки в области церковного законодательства. Наконец, возражая католикам всякое применение «нелегальных» методов политической борьбы, Ватикан преднамеренно обрекает католиков на полную политическую пассивность, оставляя им незавидную роль спутников «колесницы любого победителя», всегда и неизменно плетущихся в хвосте событий. Отметая в этом политическом диагнозе долю субъективного лиризма, мы не можем, в основном, не признать его правильным, ибо ничего другого кроме оппортунизма и сервилизма, явного или полуприкрытого, хозяева современного империализма и их приказчики не ищут в церковных организациях и ничего другого от них и не требуют.

Церковь пропагандирует франко-германское сближение. Для полноты картины нам надлежит коснуться в нескольких словах разыгравшегося в том же 1928 г. среди французских католиков конфликта, проливающего новый свет как на письмо Гаспарри, так и на другие аналогичные маневры курии.

В январе 1928 г. германский министр (бывш. канцлер и один из вождей партии католического центра) Вирт посетил с политической миссией Париж. В связи с его приездом Ватикан дал указания французским католическим организациям¹ встретить Вирта самым дружественным образом и сделать все от них зависящее для облегчения его «миротворческой» миссии. Однако наиболее крупная из французских католических организаций, «Национальная католическая федерация», руководимая генералом Кастельно, отказалась из «патриотических» соображений работать в указанном папой направлении, громогласно заявив об этом в печати². За это Кастельно, несмотря на признанный в католических кругах авторитет его, был немедленно осыпан градом упреков со стороны Пажеса, редактора «Ouest Eclair», органа христианско-демократической партии. Генерал ответил Пажесу в иронических тонах³, утверждая, что вопрос о безопасности французских границ находится вне компетенции курии до тех пор, пока последняя не обзаведется «священной конгрегацией стратегических проблем». Намечавшееся третье выступление генерала Кастельно в печати было последним приостановлено по требованию парижского кардинала. Кардинал, снесшись с Ватиканом, передал генералу 1) осуждение его острот, как «недостаточно почтительных» по адресу церкви, и 2) собственные слова Пия XI следующего содержания: «Если бы славный генерал Кастельно был бы около нас, мы попросили бы его, как нашего возлюбленного сына, полемику прекратить». Сознывая, что за отцовскими чувствами папы скрывалась недвусмысленная угроза—смены руководства «Национальной федерации», генерал счел за благо отступить, и 1 марта 1928 г. в «Echo de Paris» и в «Ouest Eclair» появились заметки тождественного содержания, под характерным заголовком «Инцидент исчерпан», и дорога Вирту была очищена, а за ним—и другим «паладинам» партии «центра», особенно из числа ревностных защитников «европейской культуры»... от СССР (ср. визит германских парламентариев в Париж в начале 1931 г.).

¹ R. Gilloin, Rome et les élections françaises, «Europe Nouvelle», 1928, № 538, стр. 754—758.

² «Echo de Paris» от 28/I 1928 г.

³ «Echo de Paris» от 10/II 1928 г.

Поскольку вопрос о «заслугах» церкви в борьбе с французским рабочим движением был нами освещен в гл. I, мы обратимся теперь к ознакомлению с ролью католицизма при разрешении национальной проблемы в современной Франции.

Церковь помогает удушению национального движения в Эльзасе. В течение ряда лет правители Франции гордились отсутствием в самой Франции (колонии, разумеется, не в счет) «национального вопроса». Утверждение не совсем точное, не говоря уже о местных наречиях (провансальское и др.), имея в виду хотя бы пиринейских басков. Однако немногочисленность и особенно культурная отсталость, в значительной степени искусственная, французских нацменьшинств, действительно до поры до времени избавляла французскую буржуазию от тревог «национальной проблемы». Положение резко изменилось после того, как в результате Версальского мира победоносная Франция «освободила» от германского ига Эльзас-Лотарингию, подавляющее большинство населения которой, как известно, немецкое.

В нашу задачу не входит освещение эльзасского вопроса во всей его широте, начиная с политических векселей, щедро выдававшихся французским правительством (Жоффе, Мильтеран) во время войны, чтобы быть забытыми на другой же день после ее окончания, и вплоть до непрекращающейся борьбы «Heimattbunda» и эльзасских «автономистов» против повторных попыток французских министерств—облагодетельствовать «воссоединенные» провинции благами французского бюрократического централизма. Рамки нашего изложения мы ограничим ролью католической церкви в условиях борьбы за эльзас-лотарингскую автономию.

Правовое положение католической церкви в обеих областях к моменту присоединения их к Франции (1919 г.) было нижеследующее¹.

Ко времени перехода Эльзас-Лотарингии к Германии, по Франкфуртскому миру 1871 г., в них, как и во всей остальной Франции, положение церкви определялось договором Франции с папой от 26 мессидора IX г. (т. е. конкордатом 15 июля 1801 г.). Германский закон 9 июня 1871 г. оставил в силе этот режим. Как согласно провозглашенному французскими юристами принципу «реинтеграции» (обратного воссоединения), так и по букве французского закона 17 октября 1919 г. ст. 3 «тер-

¹ См. M. Hugué, Le concordat en Alsace-Lorraine, «Revue Politique et parlementaire» от 10/II 1925, стр. 239 и сл.; также F. de Visscher, Le maintien du Concordat Alsace-Lorraine, «Revue de Droit Internationale et de Législ. comp. 1925 № 3, стр. 280.

ситории Эльзаса и Лотарингии до введения в них французских законов продолжают управляться на основании законодательных и административных положений, в них действующих». Наконец и в плоскости международноправовой вопрос разрешился в пользу сохранения конкордата: еще в апреле 1919 г. французское правительство на основе конкордата провело назначение двух новых епископов в Мец и Страсбург (см. выше), 1 августа получивших утверждение папы. Не приходится поэтому удивляться, что и Французский государственный совет на вопрос французского правительства высказался 3 февраля 1925 г. в том смысле, что «режим конкордата остается в действии в департаменте Верхнего Рейна, Нижнего Рейна и Мааса»¹. Поэтому когда в 1921 г. сенатор Коулен выступил в печати с указанием, что «уничтожение конкордата является неизбежным последствием политического положения, его неизбежным развитием, которое мы не в состоянии остановить», и когда в период господства «левого блока» в палату внесено было предложение ввести в Эльзас-Лотарингии «со специальными мероприятиями переходного характера» закон об отделении церкви от государства 1905 г. и о начальном обучении 1882 г., то бурная оппозиция со стороны «автономистов», вообще, и эльзасского католического духовенства, в особенности, не заставила себя ждать.

Чтобы понять активную роль последнего в автономистском движении, надо обратиться как к истории, так и к экономике². В период германского владычества Эльзас являлся одной из цитаделей ($\frac{4}{5}$ избирательных голосов) германской католической партии центра (ср. такие организации, как Augustinus Verein, таких лидеров, как Мартин Шпан и др.). С другой стороны, германское правительство, главным образом по мотивам своей антифранцузской пропаганды, шло широко им навстречу: от организации в Страсбурге (1902 г.) католического богословского факультета и до предоставления местной автономии с собственным ландтагом (1911 г.). Затем необходимо иметь в виду, что в эльзасской деревне католическое духовенство имеет гораздо более глубокие экономические корни, чем французские его собратья. Частью непосредственно, через подставных лиц, оно сосредоточило в своих руках местную торговлю произведениями печати, типографское дело и часто даже хлеботорговлю. Наконец через местные сберегательные кассы и кассы взаимопомощи

¹ «Journal des Débats» от 20/IV 1921 г.

² A. Gilloin, En Alsace l'autonomisme peint par lui-même, «Europe Nouvelle», 1927, № 511, стр. 1569—1572 и его же, Le malaise alsacien, «Europe Nouvelle», 1927, № 514, стр. 1667—1670.

(рейффейзеновские, введенные в Эльзасе в 1883 г.) духовенство держит фактически в своих руках и местный кредит. Если добавить к этому, что приходский священник является «законоучителем» в школе и идейным руководителем различных католических кружков и «ферейнов» (спортивных, женских, юношеских), чрезвычайно многочисленных в немецких бытовых условиях, если вспомнить, что в Эльзасе безвозбранно процветают монашеские конгрегации, братства и ордены, то мы получим приблизительное представление об удельном весе католического духовенства в общественной жизни Эльзас-Лотарингии. Угроза выбить из-под ног духовенства некоторые из важнейших его опорных пунктов (вроде школы и др.) не могла, естественно, не вызвать с его стороны соответствующего отпора. Но едва ли это сопротивление приняло бы столь ожесточенный характер, если бы французский капитализм, искусственно разорвавший длительную экономическую связь эльзас-лотарингского хозяйства с германской экономикой, не принес для местной буржуазии вместо обещанного «процветания» экономический регресс и оскудение. Отсюда тот исключительный успех и резонанс, которые получило автономистское движение в Эльзасе, и соответственная тревога французских правящих кругов, и усиленная с их стороны работа, направленная на разложение автономистского движения изнутри.

Из изложенного выше в достаточной мере ясно, почему католические организации и деятели оказались в первых рядах «автономистов». Действительно, еще в 1927 г., в беседе с Р. Жиллуэном¹, один из признанных вождей этого движения сделал весьма характерную декларацию: «Мы глубочайшим образом убеждены, что наши традиции и, в особенности, наши религиозные установления, не могут быть сохранены надолго в светском и унитарном французском государстве, без конституционной гарантии широкой местной автономии нашей провинции... Мы имели те три основных закона религиозной жизни, которые во Франции не только исчезли, но исчезновение которых является самым принципом политической жизни французского светского государства».

Отсюда естественный, с точки зрения французского правительства, вывод о необходимости сломить, в первую очередь, церковный фронт эльзасского сопротивления, что, в свою очередь, требует активного содействия со стороны руководителей организованного католицизма.

Положение последних оказалось в достаточной мере щекотли-

---

¹ R. Gilloin, En Alsace l'autonomisme peint par lui-même, «Europe Nouvelle», 1927, № 511, стр. 1569.

вое: с одной стороны, с точки зрения интересов католического духовенства, сохранение эльзасского партикуляризма являлось несомненным плюсом, однако, с другой стороны, всякое раздувание эльзасского «недомогания» (*malaise*) грозило скомпрометировать только что наладившееся сотрудничество церкви и государства во Франции, не говоря уже об угрозе всей политике франко-германского сближения.

Отсюда—интенсивная борьба католических прелатов против автономизма, ведущаяся по следующей своеобразной диалектической схеме: положение католической церкви во Франции хуже, чем в Эльзасе; а потому эльзасские католики должны добиваться не сохранения своего привилегированного положения, но бороться за улучшение режима церкви в общепольском масштабе; если при этом придется поступиться некоторыми преимуществами Эльзаса, то, с точки зрения общих интересов католицизма, это все же будет выигрышем¹.

Ярким олицетворением церковных методов борьбы с автономизмом является деятельность епископа страсбургского Руша. Приведем несколько типичных для нее иллюстраций.

16 сентября 1926 г. непосредственно после так называемого «кольмарского дня» (попытка массового выступления автономистов 22 августа 1926 г.) епископ Руш выступает в том же самом Кольмаре с речью, в которой осуждает, разумеется, «с чисто религиозной» точки зрения, и самое движение автономистов и их печатный орган «Zukunft», запрещает аббату Фашуэру (одному из активнейших автономистов) выступать в печати и перемещает в глухие приходы двух других священников за участие в автономистских выступлениях.

1 декабря 1926 г. на страницах «Церковного вестника Страсбургской епархии» епископ повторяет свое осуждение в печатной форме. Организовав, в противовес католикам-автономистам «Лигу католиков Эльзаса» (во главе с Ж. Вейдеманом) и «Ассоциацию католической молодежи», под руководством иезуита Гайфеле, Руш 20 февраля 1927 г. выступает с новой речью в Кольмаре и новыми перемещениями (аббата Земба и др.). 15 июня 1927 г. следует епископское «предостережение» эльзасскому органу «Action Française» («Nationale d'Alsace») и «запрещение» католикам чтения всех периодических изданий автономистов («Zukunft», «Wahrheit», Schliffstaar»), чтение которых, по словам епископа,

---

¹ De Pouydraguin, Le mouvement autonomiste en Alsace, «Correspondant», 1926, № 1525, стр. 84; также De Quirielle, La situation en Alsace et en Lorraine, там же, 1927 г., № 1559, стр. 641—660.

«подвергает опасности единство католиков, католическую дисциплину и католическое дело», причем он напоминает, что «священники должны подавать верующим пример повиновения церковным законам», в противном же случае рискуют подвергнуться воздействию всех «мер, предусмотренных каноническим правом и запретами церкви». Попытка «National d'Alsace» противопоставить епископу политику самой курии не увенчалась успехом: вернувшись из Рима, Руш объявил, «что папа знает, что делает», и не замедлил 15 июля 1927 г. запретить и «National d'Alsace». В том же самом номере «Церковного вестника» напечатано строжайшее запрещение епископа всем духовным лицам читать или рекомендовать запрещенные журналы и «в какой бы то ни было форме» в них сотрудничать.

Кольмарские и другие судебные процессы, провокация (инцидент Рилля), клевета и травля (д-ра Риклина—руководителя Heimatbund) и вся многострунная гамма административного воздействия—таковы те приемы, которыми правящий класс Франции восполняет «духовные работы» своих агентов в Эльзасе.

Церковь защищает «французские интересы» в колониях. Нам надлежит теперь остановиться на различных формах использования католицизма для защиты интересов французского империализма в колониях.

29 июня 1917 г. статс-секретарь курии кардинал Гаспарри в письме к французскому уполномоченному Дени Кошену¹ дал нижеследующую оценку создавшегося после мировой войны для Франции положения на Востоке: «Вы должны согласиться со мной, что перед лицом могучей конкуренции других наций Франция с большим трудом может сохранить на востоке свое почетное место без поддержки св. престола, как и сам св. престол, по различным мотивам, которые было бы слишком долго перечислять, должен опираться на Францию. Исчезнувший протекторат нужно заменить чем-то другим. И я спешу добавить, что св. престол в этом случае не преминул бы уделить этому вопросу все свое благожелательное внимание. Важность этого вопроса, конечно, не ускользнет от высокой «проницательности вашего превосходительства»... Впрочем, если бы даже «его превосходительство» и его коллеги не уделили бы этому вопросу должного внимания, сама жизнь напомнила бы о нем французскому правительству рядом предметных уроков (см., например, гл. V), наглядно демонстрировавших вытеснение Франции Англией и частично Италией из ее экономических и политических форпостов в Малой Азии.

¹ Ives de la Brière, т. II, стр. 248.

Из многочисленных примеров напомним хотя бы события 1924 г. в Палестине, когда по требованию английских властей французский генеральный консул в Иерусалиме был лишен так называемых «литургических почестей»¹.

Соглашения о литургических почестях. 15 января 1927 г. в папском офицье были напечатаны два соглашения, подписанные 4 декабря 1926 г. в Париже папским нунцием Мальоне, с одной стороны, и А. Брианом, с другой². Первое из них касается «литургических почестей в странах, где осуществляется французский религиозный протекторат», а второе—государств, «где капитуляции отменены или не применяются». Под первыми подразумеваются Болгария, Египет, Персия, под вторыми—Турция, арабские государства, Сирия, Палестина, Ирак. Существо соглашений сводится к тому, что в дни важнейших христианских праздников официальным представителям Франции в местных католических церквях должны оказываться во время богослужения особые почести (ст. 2 обоих соглашений): специальное приглашение к обедне, почетное место в церкви, встреча на паперти, каждение в первую очередь, проводы до паперти и т. п. Соглашения предусматривают (ст. 3—первого и ст. 2—второго) тот случай, когда представитель Франции не принадлежит к католическому вероисповеданию или «открыто выражает чувства, несовместимые с католической религией». При наличии подобных обстоятельств глава французской миссии делегирует одного из своих сотрудников, «из числа удовлетворяющих вышеуказанным требованиям». Оказание «литургических почестей» может быть приостановлено в двух случаях: 1) при наличии возражения к тому со стороны местной власти (ср. протест английского комиссара в Палестине) и 2) в случае прекращения дипломатических сношений между Францией и Ватиканом. Согласно ст. 4 второго соглашения, в мандатных французских областях (Сирия, Ливан) еженедельно будет читаться в церквях молитва о республике с одновременным «запрещением других песнопений, несовместимых с властью и конституционной формой державы-мандатария». Наконец, курия признает дополнительно за Францией ее «специальные права» в отношении церквей, содержимых французскими организациями и при различных французских учреждениях (больницы, приюты и пр.). Оценивая соглашения 1926 г., можно сказать, что в них французский империализм делает попытку при помощи церкви вернуть себе хотя бы часть

¹ О литургических почестях см. Ives de la Brière, т. II, гл. XIII.

² Текст соглашений см. «Europe Nouvelle», 1927, № 472, стр. 285—286

утраченных им на Ближнем Востоке позиций. Было бы, конечно, наивной иллюзией думать, что при помощи кадил и встреч на лаперти может быть в наши дни произведено перераспределение объектов колониальной эксплуатации, но роль католической церкви, как одного из многих орудий, содействующих подобному перераспределению, остается все же в достаточной мере недвусмысленной. Завет Гамбетты о том, что «антиклерикализм не есть предмет экспорта», был глубоко усвоен руководителями французской республики, продолжавшими в разгар самых ожесточенных боев с церковью осуществлять свое «покровительство» католическим миссиям в колониях и полуколониях Франции, всемерно поощряя там «гуманитарную» их работу.

Выше (см. гл. I) мы имели уже случай говорить о политическом значении католической миссионерской акции вообще и французской в частности, равно как и о том содействии, которое оказывается последней со стороны французского правительства¹, вплоть до законов 1929 г. Ограничимся поэтому здесь анализом современного состояния французских миссий и некоторыми дополнительными фактическими данными, характеризующими ведущуюся вокруг них и через них политическую борьбу. В материалах, представленных французскому парламенту при обсуждении вопроса о государственной дотации миссиям в 1929 г., были приведены любопытные данные об изменениях, происшедших в районах деятельности и в личном составе миссий за время с 1900 г. Так, работающие в Китае французские миссии частично вытеснены германскими и итальянскими, в Манчжурии—канадскими и швейцарскими, в Японии—германскими, канадскими и испанскими, в Корее—северо-американскими, в Сиаме и в Индии—итальянскими и т. д. С 1905 по 1928 г. процент французов среди работающих в Китае миссий снизился с 67,82 до 37,24. Даже на принадлежащем Франции о. Мадагаскаре американцы, канадцы и итальянцы вытесняют французских миссионеров.

Аналогичная картина наблюдается и в Сирии (несмотря на французский мандат)—снижение на 25% и в Африке, где французским миссионерам приходится отступать даже перед голландцами и бельгийцами. Не менее тревожны с французской точки зрения и цифры возрастного состава французских миссий. Ока-

---

¹ Ср., например, донесение французского посла в Турции Констана (1901 г.), требовавшего от французского правительства такого «истолкования» принципов французского законодательства о миссиях, при котором французские дипломаты могли бы защищать за границей даже запрещенные в самой Франции церковные организации — «Eugene Nouvelles», 1929, № 639, стр. 746.

зывается, что средний возраст французских миссионеров, в 1906 г. составлявший 33 года, в 1928 г. повысился до 44 лет, иначе говоря, обновление французских миссионерских кадров почти отсутствует вовсе¹. А между тем, за мелкими успехами и провалами миссий скрывается весьма крупная игра империалистических appetits и интересов, и недаром, на другой же день после подписания Латеранского договора (см. гл. VII), официоз Муссолини публично декламировал, что «с сегодняшнего дня Италия сознает ту религиозную миссию, которая на нее возлагается как на единственную великую католическую державу в мире...». И отнюдь не случайно в 1930 г. чрезвычайный посол Ватикана явился на Всемирный евхаристический конгресс, происходивший во французском Тунисе (Тунис—многолетнее яблоко раздора двух «латинских сестер») на пароходе под итальянским флагом, также не случайно, по «совету» французского правительства, ассигновал Тунисский бей 2 млн. фр. конгрессу, как «международному культурному начинанию» (слова Бриана)², а итальянская фашистская «общественность» воспылала неожиданно «культурным интересом» к Востоку (организация общества «Pro Oriente» и др.) и т. д. и т. п.

Правительство обеспечивает церкви материальную базу и кадры. Таким образом вопрос о развитии церковно-миссионерской работы за границей на службе французского империализма упирается в вопрос о кадрах для нее, не отделимый от вопроса о соответствующей материальной базе. Последний в свою очередь распадается на вопрос о материальной поддержке церковных организаций в самой Франции и на вопрос об обеспечении миссионерской их работы за границей.

Как известно, закон 1905 г. об отделении церкви от государства предусматривал передачу принадлежавшего ранее церквям и церковным организациям движимого и недвижимого имущества «ассоциациям культа» (приходского масштаба), имеющим быть образованными на основании этого закона. Однако ультимативный запрет Ватикана (Пий X) не дал в свое время возможности французским католикам его использовать, следствием чего была ликвидация (распродажа) церковных имуществ, протекавшая в весьма скандальной обстановке (хищения, скупка за бесценок и пр.) и принесшая казне в итоге 450 млн. фр., из которых 425 млн. было передано различным благотворительным учреждениям. В

¹ Les missions catholiques françaises en 1900—1928 rr. «Europe Nouvelle», 1929, № 581, стр. 424—429.

² «Journal des Débates» от 19/IV 1930 г. и «Temps» от того же числа.

1924 г. между Францией и курией (Черетти) достигнуто было соглашение, в силу которого папа энцикликой *Maximan Gravis-simam que* (от 18 января 1924 г.) разрешил образование «епархиальных ассоциаций культа», руководимых, таким образом, не священниками, не епископами, которым, согласно ст. 70 финансового законопроекта 1929 г., должна быть передана оставшаяся еще нераспределенной часть (25 млн.) церковных имуществ.

Значительно сложнее было прохождение через французский законодательный аппарат вопроса о миссионерских кадрах. Ст. 71 первоначального проекта поручала правительству предоставлять в административном порядке отдельным миссионерским конгрегациям право на пребывание во Франции, на открытие своих подготовительных курсов, убежищ, домов отдыха и т. д. Статья эта вызвала резкую оппозицию левобуржуазного сектора, усматривавшего в ней 1) умаление прав парламента и 2) лазейку для законного обоснования во Франции всех без исключения церковных организаций, поскольку любая из них может в любой день заняться дополнительно и миссионерской подготовкой¹. Правительство пошло на «уступки» (ст. 33—42 нового проекта), предоставив разрешение допуска конгрегаций парламенту и сохраняя за правительством лишь определение условий их деятельности. Затем, дан был ограничительный перечень допускаемых конгрегаций (всего 9). Наконец, парламентская комиссия (председатель Эро) внесла от себя несколько ограничительных пунктов: например запрещение миссионерам в пределах Франции всякого рода другого преподавания «кроме того, которое необходимо для подготовки будущих миссионеров», 16-летний возраст для поступления в миссионерские школы и т. п. Нельзя, однако, не признать, что вся оппозиционная критика была сплошным лицемерием и маневром политической демагогии, поскольку на самом деле, с ведома и разрешения французского правительства и вопреки всем запретительным законам, «все конгрегации, существовавшие во Франции в 1901 г. и которые, либо вследствие отказа подчиняться законам, либо вследствие отклонения их ходатайства о разрешении, должны были распуститься или экспатрироваться, к настоящему времени возвратились на французскую территорию» (Жиллуэн).

Если вспомнить, что число подобных конгрегаций превышает 500 (не считая водворившихся в гостеприимной Франции ис-

---

¹ R. Gilloin, *La politique religieuse de la France «Europe Nouvelle»* 1928, № 561, стр. 1542—1546; см. также «Le sort des congrégations missionnaires», «Europe Nouvelle», 1929, № 580, стр. 370—371.

панских и итальянских организаций), то станет ясно, что горячая дискуссия о 9 (1) конгрегациях предназначалась исключительно для политической галерки... Поэтому, по-своему, был прав П. Бонкур, упорно доказывавший в парламенте, что к проблеме конгрегаций надо подходить теперь, прежде всего, как к проблеме внешней политики, а не внутренней.

Заканчивая наш очерк современного положения католической церкви во Франции, мы должны отметить два момента, сугубо активизирующие внимание французского правящего класса к религиозному орудию внутренней и мировой политики. Непрерывно обостряющийся антагонизм между империалистическими державами и, в частности, франко-итальянское соперничество придают особое значение церковной политике Франции, с того момента, когда итальянский фашизм латеранскими договорами 1929 г. поставил католицизм себе на службу. С другой стороны, продолжающийся процесс фашистского перерождения французского парламентаризма (правительство Тардые и др.) диктует последнему и в области внутренней—всемерное и активное использование церковной организации.

Отсюда —достаточная прочность церковно - правительственного блока, как прогноз на ближайшее будущее (ср. речь секретаря французской компартии Торреса—август 1930 г. или горячую защиту со стороны папского официоза бриановских планов «пан-Европы»), с неизбежной, разумеется, общей поправкой на нарастание классового самосознания трудящихся и на неизбежный подъем революционной волны.

ГЛАВА III.

«ПОЛИТИКА ПАПСТВА В АНГЛИИ».

Как известно, за вычетом Ирландии—этой исконной цитадели английского католицизма, католицизм имеет в самой Англии весьма незначительное число последователей, и вопрос о взаимоотношениях Ватикана с Англией складывается главным образом из трех внешних проблем—ирландской, канадской и палестинской, восполняемых внутренним кризисом господствующей (англиканской) церкви.

Правительственно-церковный блок в Ирландии и XIX в. Исторически искусственно поддерживаемая англо-ирландская религиозно-национальная рознь была оружием в руках английского господствующего класса (агровладельцев). Еще основоположники марксизма указывали в половине прошлого столетия, что «в этом антагонизме тайна бессилия английского рабочего класса, несмотря на его организацию. В нем тайна могущества капиталистического класса. Последний это ясно сознает»¹. С другой стороны, «английская государственная церковь в Ирландии является религиозной твердыней английского лэндлордизма в Ирландии и в то же время передовым укреплением государственной церкви в самой Англии»². Отсюда естественная связь между национально-освободительным (буржуазным) движением в Ирландии и местными католическими организациями. И столь же понятное стремление английского правительства к подкупу и привлечению на свою сторону как верхушки ирландской буржуазии, так и католических церковников (политика Пальмерстона и др.).

«Между лордом Пальмерстоном и ирландским духовенством царит полное взаимное понимание,—жалобно восклицает одна протестантско-торийская газета.—Если Пальмерстон отдает Ирлан-

¹ См. письма К. Маркса и Ф. Энгельса к Зорге и др., 1908; «Новые материалы для биографии К. Маркса и Ф. Энгельса» (сгруппированные Фр. Мерингом), стр. 516—519.

² Письма К. Маркса к Кугельману, Москва 1920, стр. 57.

дию священникам, последние будут избирать в парламент депутатов, которые отдадут Англию Пальмерстону... католическое духовенство позволяет одним покупать, а другим продавать себя при условии, что его влияние будет признано, закреплено и расширено обеими сторонами»¹. Этапы англо-католического флирта—так называемая эмансипация католиков, признание духовных титулов в Ирландии и в колониях и восстановление католической церковной иерархии в Англии (назначение кардинала Вайзмана архиепископом вестминстерским)². Типичная форма сотрудничества—предписание английского правительства³ «наместникам графств при назначении как на самые высшие, так и вообще на старшие должности в ирландской милиции отдавать предпочтение лицам, рекомендованным ирландским духовенством». Со стороны последнего—обязательная поддержка правительственных кандидатов на выборах: «Где только низшее католическое духовенство принимает всерьез «ирландский патриотизм» и оказывает оппозицию... оно получает нагоняй от своих епископов, посвященных во все дипломатические тайны».

Обстановка мировой империалистической войны, попытка восстановления синн-фейнеров, германские маневры и пр. еще в большей степени, чем в XIX в., делали ценным для английского правительства «сотрудничество» с католическими церковными организациями⁴. Ближайшим отсюда выводом явилась организация британского посольства при Ватикане (между прочим, составленного сплошь из английских католиков), что, однако, не мешало тому же британскому правительству, для привлечения Италии к антантовскому блоку, секретным договором от 26 апреля 1915 г. гарантировать совместно с Францией и Россией поддержку Италии в ее возражениях «против всякого предложения, направленного к привлечению представителя св. престола к мирным переговорам и к разрешению вопросов, поднятых настоящей войною». В 1917 г. британское правительство (см. выше гл. I) оказывает весьма неблагоприятный прием папской мирной акции (оглашение сообщенной «доверительно» папской нюты и т. д.) и в то же время в 1918 г. английский наследный принц отправляется к папе с официальным визитом. Слегка омраченные разногласиями из-за назначения католического епископа на ос. в Мальту, англо-римские отношения получили новое подкрепление в 1920 г. в выступлении британского премьера (речь Ллойд-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. XI, стр. 211.

² Там же, стр. 382—385.

³ Там же, стр. 210.

⁴ См. подробности von L a m a, цит. соч., стр. 213—224.

Джорджа от 11 ноября 1920 г.) о необходимости сохранения британского представительства при Ватикане и в соответствующем голосовании парламента. Деликатный вопрос о судьбе германских католических миссий, их персонала и имущества (в смысле ст. 122 и 438 Версальского договора—см. об этом ниже гл. IV) вызвал также необходимость в длительных взаимных переговорах. В 1923 г. английская королевская чета посетила «ватиканского узника», и на запрос в парламенте на этот раз уже лидер консервативной партии Бонар Лоу авторитетно разъяснил, что Георг V, идя по стопам Эдуарда VII, должен ради своих католических подданных поддерживать необходимые личные сношения с папой.

Церковь как орудие разложения ирландского национального движения. Британская правительственная декларация 22 мая 1917 г. об ирландском самоуправлении явилась одним из важнейших этапов компромисса между английской буржуазией и ирландскими националистами. 17 марта, т. е. когда контуры предстоящего политического компромисса англо-ирландских господствующих классов были уже достаточно ясны, папа Бенедикт XV выступил с прославлением памяти Оливера Планкетта, ирландского епископа XVII в., павшего жертвой английского религиозного террора, прославляя в его лице «мученический подвиг целой нации»¹. После этого последовали два папских послания ирландских епископов, в которых, с одной стороны, осуждались насильственные действия ирландских повстанцев в отношении английских властей и чиновников и в то же время подвергалась суровому осуждению английская политика в отношении Ирландии («насильственное угнетение», питающее «раздоры и волнения», до тех пор, «пока Ирландия сама не будет устанавливать своего правительства»). Этими манифестациями ирландские церковники давали недвусмысленно понять обеим сторонам, какую помощь и какого рода услуги «примиренческого» порядка в состоянии они были оказать. Однако, как известно, значительная часть ирландских националистов (мелкобуржуазное крыло) не удовлетворилась английскими уступками и начала борьбу за полное отделение Ирландии. Параллельно с этим повышается и тон ирландских католических выступлений. Епископы начинают в образных выражениях сравнивать английских усмирителей с турками и, конечно, с большевиками, а архиепископ кэшельский в своем послании убедительно доказывает, что действия английской администрации «прину-

---

¹ «Osservatore Romano» от 13/V 1918.

ждает народ к революции». Но этих декларативных выступлений было, очевидно, недостаточно для укрепления авторитета князей церкви в самой Ирландии. Поэтому ирландские прелаты (кардинал Лодж и др.) выступают с требованием международной следственной комиссии для обследования положения дел в Ирландии. Их поддерживает бельгийское и итальянское духовенство (кардинал Мерсье и пр.). Глава английских католиков кардинал Бурн обращается с соответствующим письмом к Ллойд-Джорджу. Наконец, сам папа пишет послание кардиналу Лоджу (от 25/IV 1921 г.), призывая обе борющиеся стороны заменить методы военного насилия мирными переговорами и взаимными уступками. В связи с осложнениями, возникшими в ходе англо-ирландских переговоров, папа обращается с телеграммой к английскому королю, где «радуется возобновлению англо-ирландских переговоров и от всего сердца просит господа благословить переговоры и доставить вашему величеству великую радость и неувыдаемую славу—окончить столетнюю распрю»¹. Дружественный по тону и по содержанию ответ короля явно контрастирует с резким откликом на ту же телеграмму вождя ирландских националистов (Де Валера). Опубликовав все три телеграммы, Ватикан ясно определил свою позицию в послании ирландских епископов, выразивших надежду на установление «состояния длительной дружбы между обеими странами» и в назначении на сей предмет особого богослужения.

В январе 1922 г. Дайл-Эрин (ирландский парламент) одобрил англо-ирландское соглашение. «Католики всего мира,—писал папский официоз²,—приветствуют это событие как важнейшее и счастливейшее в истории нашего времени», а папа обменялся приличествующими случаю телеграммами с английским королем, ирландским парламентом и кардиналом Лоджем.

10 сентября 1923 г. Косгрэв, премьер «Свободного Ирландского государства» вступает в Лигу наций (на IV ее собрании) и «во имя божества, желает собранию Лиги наций долгой жизни и процветания». «Мы молимся,—продолжает оратор,—чтобы мир и дружба были прочны между нами», ибо отныне, по словам Косгрэва, «Ирландия не имеет больше врагов». В заключение глава «Свободного государства» воздаст, говоря языком католического историка Ив де-ля-Бриэр, «деликатную и уместную хвалу великому ирландцу—св. Колумбану, 1300-летняя память которого сегодня прославляется...»³.

¹ «Avenire d'Italia» от 24/X 1920.

² «Osservatore Romano» от 12/I 1922.

³ Ives de la Brière, op. cit. т. II, стр. 137—138.

Смеем, с своей стороны, думать, что столь счастливое совпадение во времени таких событий, как принятие Ирландии в лоно Лиги наций, прием английского короля в ватиканском дворце и чествование памяти св. Колумбана, отнюдь не были игрою каприза истории.

Католическая церковь в Канаде. В заокеанских владениях Англии католический вопрос является наиболее актуальным для канадского доминиона. Согласно французской исторической традиции (см., например, Гарна «История Канады») испанцы пришли в Америку в поисках золота, англичане—свободы, а французы... для обращения в христианство неверных¹. Оставляя это открытие всецело на совести французских историков, нельзя вместе с тем не признать большой активности, проявленной французскими миссионерами в Канаде. Любопытно также отметить, что именно иезуиты выступили во Франции одними из первых поборников колонизации Америки и выставили в Канаде требование (вопреки местной администрации) приучения туземцев «для облагораживания душ» к земледельческому труду (проблема аграризации колоний)². Отсюда наличие в современной Канаде значительного католического контингента (27%), наиболее к тому же связанного (культурные связи, церковные и т. п.) с французскими католиками³. Значительные услуги оказаны были канадскими католиками метрополии (Э. Монпети и др.) и в последнюю империалистическую войну. Если также принять во внимание общезвестный факт постепенного перехода Канады из английского экономического фарватера в североамериканский и попутно вспомнить рост, консолидацию и агрессивность североамериканского католицизма, то станет достаточно ясно, что и канадская конъюнктура побуждает великобританское правительство к поддержанию надлежащего контакта с Ватиканом, поскольку католицизм, в канадских условиях, имеет все основания оказаться орудием либо французского либо (что еще опасней для Англии) североамериканского «мирного проникновения».

Палестинская проблема. Весьма сложная конъюнктура создалась для Англии в связи с палестинской проблемой.

Кризис галлипольских десантных операций, с одной стороны, и разгар арабского национального движения, с другой⁴, побу-

¹ См. G. Goyau, *Les fleurs de lis au delà des mers. Missions et colonisation*, «Correspondant», 1924, № 1481.

² Там же, стр. 808.

³ См. об этом Ф. Грант, *Канада в плену у религии*, М. 1930.

⁴ См. Гильдин, Бальфурнада, *Вестник НКВД*, 1921, № 9—10.

дили британское правительство во время последней империалистической войны сделать ставку на крупную еврейскую буржуазию, в лице ее сионистических организаций, ориентировавшихся до тех пор преимущественно на Германию и Турцию. В результате появилась на свет знаменитая декларация Бальфура (английского министра иностранных дел) от 2 ноября 1917 г., обещавшая «установление в Палестине национального очага для еврейского народа», т. е. текстуально воспроизводившая базельскую программу сионизма (1897 г.)¹. Английский маневр преследовал несколько целей: он был в одной своей части направлен против Франции, внедрявшей в Сирию и рассчитывавшей оттуда протянуть свои руки в Палестину под лозунгом ее интернационализации; с другой стороны, он дезорганизовывал национально-освободительное движение в Палестине, противопоставляя интересы еврейского населения арабскому, и, наконец, он превращал организации сионизма и поддерживавшие их слои еврейской буржуазии в агентуру британского империализма (еврейские «легионы» и т. п.). Любопытно здесь же отметить, что заявления других правительств, присоединившихся к английской декларации, все, за исключением одного (швейцарского), были весьма сдержанны: так, Франция ограничилась подтверждением «полного согласия между французским и британским правительством по вопросу об еврейской организации в Палестине», а Япония заверила о своем «благожелательном интересе к осуществлению этих пожеланий». С своей стороны, Ватикан занял достаточно определенную антибританскую позицию. В беседе с Ш. Луазо, полуофициальным представителем Франции, статс-секретарь курии кардинал Гаспари оплакивал² отнятие Иерусалима у турок, «чтобы подарить его сионизму». Вслед затем Католический союз международных исследований, в связи с проектом британского мандата на Палестину, обратился в генеральный секретариат Лиги наций, настаивая на сохранении status quo в режиме³ христианских палестинских святынь, неизменении такового без согласия Ватикана и на образовании для этой цели международной контрольной комиссии, под председательством французского делегата⁴. 10 марта 1919 г. папа выступает с речью⁴, заявляя в ней о «глубокой боли, испытываемой им и всеми верующими христианами», благодаря по-

¹ Текст английской декларации и других правительств Антанты см. «Europe Nouvelle» 1929, № 605.

² Von Lama, стр. 51.

³ Ives de la Brière, т. I, стр. 83—84 и гл. V и VIII.

⁴ «Osservatore Romano» от 2/III 1919 г.

ручению неверным хранения «святейших святынь христианства». Бурн, кардинал английский, и Дюбуа, французский кардинал, с своей стороны, предприняли столь же «патриотические», сколь религиозные путешествия в Палестину. 26 апреля 1920 г. Верховный совет Антанты выносит постановление о передаче палестинского мандата Великобритании с тем, чтобы «защита религиозных общин, которая осуществлялась ранее Францией, была поручена соответствующим консульствам»¹. 13 июня 1921 г. папа Бенедикт XV снова выступает с речью, обращенной ко всем христианским правительствам, доказывая в ней, что новое государственное устройство Палестины не только не улучшило, но даже ухудшило положение местного христианского населения. Весьма характерно, что с папой солидаризировались влиятельные американские круги, осуждая в лице Г. Моргентгау (посла САСШ в Константинополе, еврея по происхождению) и сионизм и британскую политику в палестинском вопросе². Затем последовало публичное выступление в Риме патриарха иерусалимского (Барлассина), немедленно поддержанное декларацией в парламенте Шандера (итальянского министра иностранных дел), в ответ на которое итальянская народно-католическая партия выступила с напоминанием об особых правах итальянских королей в Палестине, в качестве преемников неаполитанских королей. 15 мая 1922 г. курия обратилась к Лиге наций с меморандумом³, в котором настаивала на отмене неравноправного положения христиан в Палестине и на изменении ст. 14 британского мандата об образовании смешанной комиссии (председатель, назначаемый Советом лиги, члены—государством-мандатарием, т. е. Англией), для урегулирования религиозных конфликтов. В результате Лига наций изменила ст. 14 мандата в том смысле, что «порядок назначения членов комиссий, ее состав и функции будут предложены на одобрение Совета лиги, и Комиссия не будет назначена и не приступит к работе до этого одобрения» (постановление Совета лиги наций от 16/IX 1922 г.). Таким образом не получили одобрения ни второй британский вариант (председатель—американский протестант и 3 подкомиссии—христианская, мусульманская и еврейская), ни французский (3 отдельных комиссии, в христианской—под председательством Франции, 2 подкомиссии—католическая и православная). Против французского предложения выступила Италия (Имперали), требуя для себя

---

¹ «Acta Ap. Sedis» 1921, № 2.

² «The World's Work» от 30/VI 1921.

³ См. Von Lama, стр. 66.

самой председательского места. Наконец, на 20-й сессии Совет Лиги утвердил «Комиссию святых мест»¹ под американским председательством в составе 3 подкомиссий—христианской (председатель—представитель Франции), мусульманской (председатель—представитель Италии) и еврейской.

Другой компромисс, на который оказалось вынужденным пойти британское правительство в палестинском вопросе, касается практического истолкования понятия обещанного евреям «Национального очага». Так, уже в «белой книге» 1922 г. имеются оговорки, поясняющие характер палестинского государства не как национально-еврейского, но как сверхнационального, в котором евреям должна быть предоставлена возможность организации своего национального очага. В том же 1922 г. Англия, основываясь на 25-й статье палестинского мандата, провозгласила независимость Трансиордании и объявила, что условия, касающиеся еврейского очага и постановления ст. 13, 14, 22 и 23 мандата, не будут распространяться на территорию нового государства². Расширив таким образом территорию своих арабских вассалов за счет еврейского очага, британское правительство сделало следующий шаг, заявив на 13-й сессии (1927 г.) мандатной комиссии, что допущение евреев в Трансиорданию предоставлено исключительно усмотрению эмира, и что государство-мандатарий (Англия) в этом вопросе «не может оказать на него ни малейшего давления».

Не приходится слишком удивляться этому восстановлению своеобразной «черты оседлости» в Арабистане, если вспомнить, что даже в Палестине самим евреям, из-за опасения занесения большевистской «заразы», воспрещен въезд в свой «национальный очаг» без разрешения английских властей.

Не останавливаясь подробно на перипетиях британской политики в Палестине, неуклонно следовавшей традиционному принципу британского империализма—«разделяй и властвуй»³, с ее зигзагами от проекта «седьмого доминиона» до панарабской федерации⁴ включительно, разжиганием национальной и вероис-

¹ С. Кечекьян, Мандаты Лиги наций в странах арабского Востока, Баку 1930, стр. 43.

² См. об этом С. Кечекьян, цит. соч., стр. 44.

³ См. М. Абузиам, Восстание в Палестине, М. 1930; М. Зоева, Империализм и религия в колониях, гл. III, М. 1930; Ф. К. Эндрес, Сионизм и мировая политика, П. 1918; M. Pernot, A propos des troubles de Palestine, «Europe Nouvelle», 1929, № 605, стр. 1226 и сл.; H. W. Nevins, Arabs and Jews in Palestine, «Foreign Affairs», 1930, т. 8, № 2, стр. 237 и сл.

⁴ См. I. C. Wedgwood, The seventh Dominion, 1928 и R. Stokes,

поведной розни (от погромов 1920 г. и до восстания 1929 г.), коснемся только событий последнего года (1930).

В то время как с изменением ситуации в Египте (разрыв переговоров Вафда с лэйбористами и рост национального движения) Палестина приобретает для Англии особо важное значение, в качестве опорного пункта для защиты Суэцкого канала и колониальных путей (отсюда—расширение порта в Хайфе, постройка железной дороги Хайфа—Багдад и железнодорожной ветки Хайфа—Моссул), сама Палестина находится в состоянии перманентного кризиса. Бойкот арабами палестинского управления, крах попытки мирного сговора вождей арабской буржуазии с английским «рабочим правительством» (май 1930 г.), ориентация влиятельных кругов арабской буржуазии на Францию¹, внутренний кризис сионизма, на фоне казенного оптимизма его вождей, доклад Соколова на Цюрихском конгрессе с переориентировкой сионизма с Англии на Америку (XVI конгресс и группа Маршала) и, наконец, наметившийся в августовские дни процесс растущей интернациональной солидарности между еврейским пролетариатом и арабской беднотой²—таковы новейшие черты современной постановки палестинской проблемы. В этих перекрещивающихся влияниях и незатихающей борьбе интересов далеко не безразличной для английского правительства является позиция католицизма, представляемого в Палестине в первую очередь Францией и во вторую—Италией. Поэтому, например, до сих пор не приступила к работам утвержденная Лигой наций Международная комиссия святых мест, так как при современном положении вещей английское правительство не имеет оснований ожидать от нее ничего другого кроме усиления враждебных ему влияний в Палестине³. Отсюда последняя попытка правительства Макдональда истолковать условия палестинского мандата в смысле уравнивания арабского и еврейского элементов (октябрь 1930 г.), вызвавшая панику среди сионистов и отставку их лидеров⁴.

Пересмотр англиканского молитвенника как попытка англо-ватиканского блока. Очередная попытка сближения с католицизмом сделана была английскими

«Currant imperial Ideals and their appliation in the Middle East, «Neav East and India», 27/VII 1929.

¹ Ben-Avi, Les Massacres de Palestine, «La Revue des vivants», 1930, № 2, стр. 233 и сл.

² М. Абузнам, Восстание в Палестине, стр. 67.

³ Ben-Avi; цит. соч., стр. 239.

⁴ «Europe Nouvelle», 1930, № 665, стр. 1622.

правлящими кругами в несколько непривычной для современной «светской» демократии форме—при пересмотре в английском парламенте требника англиканской церкви (12—15 декабря 1927 г.). Старый Требник 1662 г. подвергся значительной переработке английского епископата (кентерберийский и йоркский синоды) и в новой редакции был представлен на утверждение обеих палат британского парламента. В жестокой дискуссии, разгоревшейся вокруг требника (единственный диссонанс внесло заявление Джонса—«рабочие интересуются гораздо больше своею заработной платой, чем вашим требником»), было установлено со всей очевидностью, что все реформы требника являются не чем иным, как попыткой перекинуть мост от англиканства к католицизму (вопросы облачения, пресуществления даров, восстановление молитв за умерших, мотивированное как уступка требованиям семей погибших на войне, и т. д.)¹. Несмотря на энергичную защиту Болдуина, Сесилия и поддержку Асквита, принятый палатой лордов требник не собрал в нижней палате необходимого большинства голосов. В разгар полемики лорд Галифакс, вождь англо-католиков, выступил с сенсационным разоблачением тех переговоров, которые он вел в 1921—1925 гг. с католическими прелатами, с ведома и согласия руководителей англиканской церкви. Решающим фактором явилась петиция 1 400 англокатолических священников, резко высказавшихся против полумера, в роде «ревизионизма» в требниках, и настаивавших на полном и безоговорочном возврате к католицизму. Последнее слово оставил за собой Ватикан, в энциклике от 6 января 1928 г. заявивший, что истина едина и нераздельна и не может быть предметом никакого компромисса. Тем самым Ватикан признал более для себя выгодным на ближайший отрезок времени договариваться с английским империализмом на международной платформе, чем бороться за проблематичное и весьма сомнительное достижение—стать его полугосударственной церковью. Последнее для Ватикана тем менее ценно, что при этом он неизбежно ослабил бы не только свою ирландскую и канадскую базу в Англии, но и лишился бы соответствующей поддержки других держав (Франция, Италия и пр.).

Мальтийский инцидент. Прекрасная иллюстрация этой тактики—англо-ватиканский конфликт 1930 г. из-за католического духовенства о. Мальты. В июне 1930 г. Британское министерство

¹ Pertinax, La crise de l'église anglicaine, «Europe Nouvelle», 1928, № 520; см. также Ives de la Brière, Les quatre problèmes de la Conférence Pananglicane de Lambeth, «Europe Nouvelle», 1930, № 658, стр. 1336.

иностранных дел опубликовало «Синюю книгу» своей переписки с Ватиканом. В ней английское правительство обвиняет курию «во вмешательстве во внутренние дела британских колоний», характеризуя поведение Ватикана как «невозможное и недостойное». Ватикан обвиняется в том, что он «принял участие в заговоре против британского владычества на Мальте», организованном итальянскими националистами. Конфликту предшествовало покушение на премьера мальтийского правительства—английского ставленника Стрикленда; вину за это покушение Стрикленд и английское правительство приписывают мальтийским епископам. Последние, с своей стороны, заявили, что каждый мальтиец, голосующий за партию Стрикленда, будет отлучен от церкви, понуждая тем самым избирателей голосовать за итальянскую партию,—эта агитация особенно чувствительна для Англии, имея в виду итальянское происхождение большинства жителей Мальты, географическую близость острова к Италии и значение его как важнейшей базы для английского флота на Средиземном море. Взаимоотношения Лондона с Римом одно время обострились настолько, что британское министерство иностранных дел пригрозило разрывом дипломатических сношений с Ватиканом, в ответ на что Пий XI выступил в консистории с примирительной речью, оправдывая, с одной стороны, поведение мальтийского духовенства и доказывая, с другой,—что мальтийский конфликт не следует «преувеличивать». А из-за белых риз ватиканского «миротворца» выглядывало знакомое лицо другого в своем роде патентованного миротворца—«дуче» (Муссолини), отнюдь не расположенного идти на разрыв с Англией в момент сугубого обострения франко-итальянских противоречий.

Глава IV.

«ПОЛИТИКА ПАПСТВА В ГЕРМАНИИ».

По германской официальной статистике, ко времени последней империалистической войны в Германии насчитывалось на 38 991 421 протестантов—23 821 453 католиков; причем в Баварии, Бадене и Эльзасе-Лотарингии католики были в большинстве, а в Пруссии на 24 830 тыс. протестантов имелось 14 581 тыс. католиков¹.

Роль католической церкви в Германии XIX в. Обращаясь к историческому прошлому германского католицизма², мы должны прежде всего отметить своеобразную диалектику его политических судеб. Основным стимулом роста его как политического фактора на рубеже XIX в. является контрреволюционный «союз трона и алтаря», попытка германских аграриев противопоставить церковный барьер «духу Революции» и программным требованиям молодой буржуазии. Характерный для этой эпохи штрих, отмеченный в монографии Лихтенберже³, что «даже немецкие протестантские государи нередко проявляют известные симпатии к католицизму, поскольку он является консервативной силой, способной обуздать революционный дух и склонить народы к покорности и подчинению». Однако, с другой стороны, спекуляризация церковных владений (1803 г.), подорвавшая старую экономическую базу церкви, тем самым содействовала сближению церкви с определенными группами буржуазного радикализма, превращая таковую в своеобразный оппозиционный фактор (ср., например, конфликты католической церкви с правительствами Пруссии 1847 г., Бадена—1853 г. и др.). «Секрет заключается просто в том,—писал К. Маркс в 1853 г.⁴,—

¹ Wetterlé, L'Allemagne qu'on voyait et celle qu'on ne voyait pas Paris, стр. 220.

² См. Bergstrasser, Der politische Katholicismus. Dokumente seiner Entwicklung, München 1921.

³ А. Лихтенберже, Современная Германия, пер. 1914, стр. 213, 215.

⁴ К. Маркс, «Русско-Турецкая война», Гиз, Собр. соч., т. X, стр. 328—329.

что правительства вынуждают все бурлящие под поверхностью народные движения принимать прежде всего мистическую и трудно уловимую форму религиозных движений. Духовенство, с своей стороны, обольщается видимостью и, полагая, что направляет народные страсти исключительно к своей выгоде против правительства, на самом деле бессознательно и невольно само является орудием революции.

Католический «центр» и его перерождение. Но, разумеется, это «ненормальное» положение церкви не могло быть длительным и с окончательной победой торгово-промышленного капитала, а тем более с приближением к периоду монополистического капитализма государство с церковью вступают снова в нерасторжимый, подлинно «священный» союз. Лучшая к этому иллюстрация—история германской партии католического «центра». Партия «центра» образуется в 1871 г. «для защиты католических интересов», объединяя в своих руках католических землевладельцев Баварии с польскими магнатами Познани, мелкобуржуазных радикалов Рейнской области с зажиточным крестьянством Бадена и Эльзаса. На образование «центра» Бисмарк отвечает знаменитым «культуркампом», являвшимся, однако, по существу со стороны германских правящих кругов чисто политическим маневром, чтобы не сказать шантажом. Уже с 1879 г. правительство бьет отбой. С 1881 по 1887 г. большинство установленных «майскими законами» ограничений отменяется. А в 1904 г. ликвидируется последнее охвостье «культуркампа»—параграф, преграждавший незуитам доступ в Германию. С того же 1881 г. центр вступает на путь «сотрудничества» с правительством, играя роль супер-арбитра в рейхстаге, поставляя его президентов и участвуя в проведении всех важнейших мероприятий германского империализма, от законов социального страхования до торговых договоров Каприви, морской программы Тирпица и попыток задушения антинемецкой оппозиции в Эльзасе и Польше: от Виндторства к Либери, Шпану и Эрцбергеру¹—таков был путь эволюции, пройденный «новым центром». С другой стороны, эта эволюция знаменовала собою неизбежную победу крупнобуржуазного крыла центра над мелкобуржуазной в нем стихией. Ограничимся несколькими типичными иллюстрациями. «Вступление» Германии в мировую политику (Weltpolitik),—возвещает Эрцбергер²,—застало центр на высоте своего дела». «Экономическая политика,—пишет Мартин

¹ G. Goya u., Les catholiques allemands et l'empire évangélique P. 1917, гл. III и др.

² M. Erzberger, Das deutsche Zentrum, Amsterdam 1912, стр. 25-

Шпан¹—в том виде, как она применяется у нас с 1879 г., признается всеми нами «шедевром нашей подготовки к современной войне». «С 1884 по 1906 г.,—авторитетно свидетельствует тот же Эрцбергер²,—центр из всех кредитов, просимых правительством на этот параграф имперского бюджета (расходы на колониальную политику), отказал только в 3,8%», ибо, согласно предвыборного воззвания партии центра от 2 мая 1903 г., цель германской колониальной политики—«распространение христианства и пропаганда культуры». 23 апреля 1907 г. германский военный министр фон Эйнем горячо благодарил партию за содействие с ее стороны усилению германской армии³ и «в этот день,—по словам Эрцбергера,—центр испытал большое удовлетворение». 29 марта 1909 г. фон Гертлинг ответил на предложение об ограничении морских вооружений нижеследующим заявлением: «Мы имеем закон о судостроительстве и он будет выполнен... В настоящее время мы можем выразить лишь общее пожелание о соглашении в будущем, но продолжая, разумеется, выполнение нашей программы»⁴. В вопросах социального законодательства Вильгельм II полностью присоединился к программе папы Льва XIII⁵, а центр устами фон Гертлинга торжественно заверил (1911 г.), что его социальная платформа была лишь развитием императорского послания, к тому же проведенного в жизнь, по свидетельству барона фон Штейнheckера⁶ (1914 г.), «в общей работе с консервативной партией» (подробней о христианской «зубатовщине» центра см. выше гл. I). Единственный отсюда вывод—сугубо «патриотическая» позиция центра во время последней империалистической войны, вплоть до доказательства необходимости германской победы для торжества католицизма, «освобождения» папы и т. п.⁷ и соответствующие «жесты» в сторону католицизма германского правительства (замещение архиепископской познанской кафедры, разрешение католическим священникам преподавания закона божия на польском языке и т. п.)⁸.

¹ M. Spahn, *Der Kampf um unsere Zukunft*, München 1915, стр. 56.

² M. Erzberger, там же, стр. 60.

³ E. Bloud, *Le nouveau centre et le catholicisme*, сб. «L'Allemagne et les alliés devant la conscience chrétienne», стр. 258.

⁴ Там же, стр. 257.

⁵ Там же, стр. 268 и сл.

⁶ E. Bloud, стр. 270.

⁷ См. M. Schruers, *Der Krieg und der Katholicismus*, München 1915; Rosenberg, *Der deutsche Krieg und der Katholicismus*, Berlin 1915; R. Johannet, *La conversion d'un catholique germanophile*, Paris 1915, и др.

⁸ Johannet, стр. 24.

Католическая защита германских интересов в период Версаля. Настали суровые дни Версаля и вместе с ними тщетная попытка курии добиться смягчения условий мирного договора для германо-австрийского блока. «Умерьте и смягчите ваши требования,—взывал ватиканский официоз к победителям,—и поспешите приступить к великим проблемам, которые угрожают спокойствию и самой жизни наций». «Пока совещаются в Риме (латинская поговорка), большевизм уже наступает на Центральную Европу, в огне пылает Венгрия и распространяется в Германии коммунизм и спартакизм. В нейтральных странах и даже в союзных государствах показываются первые признаки заразы... анархия стучит в двери всех стран»¹.

Еще раз солидаризировалась курия с Германией, возражая против суда над Вильгельмом Гогенцоллерном и германскими военачальниками, как якобы над единственными виновниками мировой войны и ее ужасов. «Дипломатические документы, находящиеся в архивах канцелярий, и только они могут осветить истинные причины войны», и не только ближайшие причины, но и отдаленные, вплоть до «угрожающих группировок держав, противопоставления союзов и контрсоюзов, столкновения взаимно противоречащих интересов и соперничающих гегемоний, необузданной скачки вооружений и приготовлений к войне и т. д.»².

В связи с предъявлением Германии условий Версальского договора («диктат»), католический епископат и ряд католических организаций обратились непосредственно к папе³, умоляя его «выступить за смягчение мирных условий, которые означают смертный приговор нашему народу». Аналогичное обращение последовало и от австрийского епископата (кардинал Тиффль), в связи с Сен-жерменским договором. На это последовал тотчас же соответствующий окрик со стороны Антанты, в виде статьи органа Клемансо («Homme Libre»), предупреждавшего во всеуслышание, что «Антанта не потерпит никакого вмешательства в переговоры... со стороны Ватикана, который во время войны делал полезное только Германии и никогда не протестовал против германских зверств. Если сегодня папа выступит в качестве сторонника жено- и детоубийц, разрушителей церквей, поджигателей и нарушителей всех договоров и законов, то этим он обнаружит свою пристрастность». Заверив кардиналов (Бертрама фон Гартмана и Пифля—письмо кардинала Гаспарри от

¹ «Osservatore Romano» от 23/I 1919 г.

² «Osservatore Romano» от 25/VI 1919 г.

³ Von Lam a, стр. 123 и сл.

3 июля 1919 г.) в своей всемерной готовности помочь германским католикам, папа сделал попытку воздействия на конференцию через своего уполномоченного в Париже (Черетти). Однако категорический отпор держав-победительниц заставил курию ограничить свое вмешательство рамками «религиозных статей» Версальского договора, касающихся судьбы германских католических миссий в колониях.

Вопрос о германских миссиях в колониях представлял особую важность для германского капитализма как один из немногих способов обеспечения германского проникновения в колонии и, хотя бы частичного, сохранения там командных высот, с большим трудом завоеванных германским империализмом. Две статьи Версальского трактата имеют прямое касательство к миссиям. Согласно первой из них, новый собственник (или мандатарий) германских колоний «может принимать такие постановления, какие сочтет необходимыми, поскольку то касается репатриации находящихся там германских граждан и условий, в которых германским подданным европейского происхождения будет или не будет разрешаться проживать там, владеть там имуществом, заниматься там торговлей или осуществлять там профессию» (ст. 122). В силу ст. 438, «имущества (германских) миссий или миссионерских обществ, включая имущества торговых обществ, прибыли с коих предназначаются на содержание миссий, должны будут попрежнему предназначаться на миссионерские цели». Их имущества будут переданы «административным советам, назначенным или утвержденным правительствами и составленным из лиц, имеющих религиозные верования той миссии, об имуществах которой идет речь. Возражения курии против этих постановлений Версальского договора носили двоякий характер¹. С одной стороны, курия возражала против ограничения своих прав в отношении личного подбора миссионерских кадров (миссионеры германского происхождения), с другой же — курия претендовала, в лице своей конгрегации пропаганды, на роль собственницы всего принадлежащего миссиям имущества. Со своей стороны, германское правительство (гр. Брокдорф-Ранцау) горячо настаивало на изменении вышеупомянутых двух статей, а курия командировала в Париж одного из лучших своих дипломатов (Черетти)². Отвечая на протест германских епископов (от 25 марта 1919 г.), статс-секретарь курии сооб-

¹ «Osservatore Romano» от 1/VI 1919 г.

² Von L a m a, стр. 146 и сл.

шил, что св. престол, сообразно их просьбе, «сделал настоятельные представления» архиепископам парижскому и вестминстерскому и официальным представителям Англии, Японии, Китая и САСШ. Папское выступление не осталось безуспешным, и Бенедикт XV на заседании Консистории 26 июня 1919 г. смог заявить, что государства Антанты «в значительной части удовлетворили соответствующие требования». Действительно, 6 июня лорд Бальфур, от имени Совета четырех, передал представителю Рима несколько измененный (против первоначального) текст ст. 438, уточнивший, по сравнению с прежним, строго целевое использование миссионерских средств—через организации того же вероисповедания, и сопроводил этот текст декларацией нижеследующего содержания. Обязательства Версальского трактата имеют в виду только взаимоотношения между Германией и ее бывшими противниками; напротив, обязательства, принимаемые на себя государствами-мандатариями, составят предмет последующих соглашений, в духе ст. 22 статута Лиги наций (свобода совести и культов в мандатных областях). В частности, миссионерам всех вероисповеданий будет обеспечено свободное осуществление их деятельности, содержание школ и других учреждений, равно как и свободное распоряжение имуществом. «В том случае, когда окажется необходимым передать имущество германских миссий администратору, имущества зависящих от св. престола миссий будут поставлены под управление лиц законно-правомочных и принадлежащих к римско-католической религии». Из союзных держав только Италия воздержалась от присоединения к ноте Бальфура. Дальнейшее развитие в благоприятном для Германии смысле положений английской ноты находим мы в ст. 3 и 11 Сен-жерменского соглашения от 10 сентября 1919 г., согласно которым договаривающиеся государства «будут защищать и поощрять без различия национальности или культа религиозные, научные или благотворительные учреждения и предприятия, созданные и организованные гражданами других договаривающихся государств и государств—членов Лиги наций». Им же гарантируются «свобода совести и свободное отправление всех культов». «Соответственно этому миссионеры будут иметь право прибывать на африканскую территорию, передвигаться по ней и пребывать на ней, с правом поселяться там для осуществления своего религиозного призвания». Фактическое же положение вещей с германскими миссиями к окончанию войны было таково: из 940 германских миссионеров-священников 126 находилось в заключении и 192 было выслано; не лучше обстояло дело и с другими сотрудниками миссий, так что всего

германских миссионеров оставалось в бывших германских колониях около 21½ тыс. человек ¹.

Кроме того китайское правительство в начале 1919 г. издало распоряжение об изгнании германских миссионеров из Китая. Благодаря вмешательству Ватикана, поддержанному северо-американским правительством, Китай вынужден был согласиться приостановить изгнание. В письме на имя Витцеля, главы германских миссионерских католических организаций, курия заверила о своем намерении «продолжать с величайшей заботой и вниманием усилия, направленные к тому, чтобы удержать миссионеров на их старом поприще работы», выражая вместе с тем надежду, что «недалек тот день», когда эти условия увенчаются успехом. Успех, однако, пришел не сразу, и в 1920 г. курии пришлось выдержать ² весьма резкую дискуссию с английским правительством в связи с антигерманскими его мероприятиями в колониях и в Индии. В этой дискуссии Ватикан доказывал несоблюдение британским правительством обязательств, выданных нотой Бальфура (ср. речь папы в консистории от 16 декабря 1920 г.), и апеллировал к католическим организациям других стран. Наиболее горячо отозвались на папский протест в Европе—Швейцария и вне ее—САСШ, по тем же, разумеется, характерным для американского империализма мотивам, по которым президент Вильсон возражал против раздела германских колоний, отстаивая в них политику «свободных дверей» и пр. В результате поездки американского прелата Келлей в Англию и соответствующих переговоров британское правительство пошло на частичное смягчение своих антимиссионерских мероприятий. Одним из первых шагов Пия XI была реорганизация конгрегации пропаганды—руководящего центра всего католического миссионерского движения,—направленная в сторону ее «интернационализации» за счет ослабления французского в ней влияния. В июле 1922 г. на очередной сессии Совета лиги наций лорд Бальфур в ответ на американские представления сделал заявление о полной свободе в управляемых Англией колониях для всех миссионеров, принадлежащих к гражданству государств—участников Лиги наций (Германия, как известно, в это время еще не была допущена в Лигу). Но уже в июле 1924 г. британское министерство колоний расширило заявление Бальфура, как распространяющееся и на миссионеров германского происхождения, сделавши только

---

¹ Von Lama. стр. 152.

² «Osservatore Romano» от 28/IV 1920 г.

оговорку, что его заявление не связывает самоуправляющиеся доминьоны и Индию ¹.

Южно-африканский доминьон (ср. политику Германии во время Трансваальской войны и восстание ген. Герцога во время последней империалистической) оказался особенно благожелательным к германским миссиям: не только были допущены все работавшие в нем до войны германские миссии, а также и новые, но и было возвращено полностью принадлежавшее им имущество и упразднена (декабрь 1924 г.) администрация по их делам. В 1925 г. (август), в итоге переговоров с папским делегатом Каттанео, на этот же путь вступило и австралийское правительство.

Наконец, в том же 1925 г. в Китае, совместными усилиями германских и американских миссионеров ², был открыт католический университет в Пекине с пятью факультетами (богословско-философский, литературный, естественных наук, общественных наук и геологический), изъятый из ведения местной католической французской иерархии (см. подробности выше гл. I).

Оккупация Рура и Ватикан. Оккупация Рура в 1923 г. франко-бельгийскими войсками послужила также поводом для про-германских выступлений курии. Кампания начинается ³ с обращения католических организаций Рейнской области к христианам всего мира; 2 января 1923 г. кардинал Шульц выступает с протестом «против грубых актов насилия Франции», что вызывает резкий отпор со стороны французского кардинала Туше: «Вы являетесь должниками и должны платить. Мы знаем, что вы можете платить, и я не примину при подобных обстоятельствах объявить себя принципиально и политически совершенно солидарным с правительством французской республики».

В виде ответной реплики кардинал Гаспарри в своем письме к архиепископу кельнскому сообщил последнему, что «события на Рейне и в Руре глубоко трогают сердце святого отца», готового сделать «все, что только возможно».

С другой стороны, сам папа в послании на имя кардинала Помпили (от 31 января 1923 г.) пригласил католиков г. Рима к совместной с ним молитве об избавлении человечества «от новых испытаний и о возвращении народов и правительств к сознанию братства, любви и справедливости».

3 марта 1923 г. епископы оккупированной области обратились

---

¹ Von Lama, стр. 157.

² «La politique missionnaire de l'Allemagne», «Europe Nouvelle» 1926, № 420, стр. 311—312.

³ Von Lama, Ruhrkonflikt, стр. 607 и сл.

с новым протестом по поводу поведения оккупационных властей и войск.

В том же месяце папа пожертвовал 500 тысяч лир для оказания помощи наиболее нуждающемуся населению Рура.

Позиция курии вызвала соответствующие «объяснения» со стороны дипломатических представителей Франции, Бельгии и Англии при Ватикане. «Руководимый побуждениями человеколюбия и желанием получить необходимую информацию», Ватикан делегировал еп. Теста (сотрудника венской нунциатуры) в Рурскую область. Одним из первых результатов этой миссии ¹ явилось смягчение со стороны французского командования участи нескольких местных германских чиновников, приговоренных к различного рода наказаниям за противодействие оккупационным властям.

23 мая 1923 г. папа выступил с речью в консистории ², оплакивая вражду и разделение между «лучшими сынами» католической церкви, причем немцы были удостоены особо похвального отзова.

24 июня 1923 г. (накануне юбилея Версальского мира) папа обратился с письмом к кардиналу Гаспарри с детальным обсуждением репарационной проблемы; в этом документе папа доказывает, что ни справедливость, ни любовь к ближнему, ни собственные интересы победителя не позволяют требовать от должника того, «чего он дать не в состоянии иначе как путем непоправимого ущерба для собственной жизнеспособности», грозящего «социальными потрясениями». Тем более осуждает папа захват для этой цели территорий, в то время как регулярная оплата могла бы быть обеспечена «другими, столь же действительными и, наверное, не столь ненавистными гарантиями...»

Неудовольствие французского правительства, вызванное этими заявлениями папы, побудило курию сделать столь свойственный ее политике зигзаг, в виде телеграммы курии к ее представителю в Германии: «Св. отец глубоко опечален актами саботажа в оккупированном районе и другими совершаемыми под предлогом пассивного сопротивления преступлениями», вследствие чего просит германское правительство «раз навсегда осудить подобное преступное сопротивление». Ответом на это явилось германское правительственное сообщение от 6 июля 1923 г., где, объясняя причины пассивного сопротивления, правительство, тем не ме-

---

¹ Von L a m a, Ruhrkonflikt, стр. 611.

² «Osservatore Romano» от 24/V 1923 г.

нее, объявило себя готовым «солидарно со св. престолом осудить всякое преступное применение насилия».

Будет бесполезно, для сравнения с этой линией ватиканского поведения в рурском вопросе, напомнить обращение ВЦИК к народам всего мира от 13 января 1923 г., в котором Советская Россия, «верная своей всегдашней борьбе против империализма, своей всегдашней защите права народов на самоопределение и своим призывам к разоружению, и на этот раз подымает свой голос негодования и протеста против совершаемого правительством Франции преступления»¹.

Несмотря на лавирование курии французские правящие круги не удовлетворились таковым, и, выступая в палате депутатов, Пуанкаре заявил, что поскольку вопрос об оккупации Рура ни в какой степени не является духовным вопросом, постольку даже для верующих католиков папские суждения о нем не имеют решающего значения, ибо «нет такой силы в мире», которая могла бы лишить Францию предоставленных ей Версальским трактатом прав. Однако не прошло и года, как Франция оказалась «лишенной» самого Пуанкаре (выборы 18 мая 1924 г.) с приходом к власти «левого блока» (кабинет Эррио) и наступлением эры «демократического пацифизма».

Деятельность папского делегата в Рурской области (Теста) продолжалась до 1924 г., за какое время ему удалось, по свидетельству германской католической печати², добиться смягчения наказания и амнистии для 300 германских граждан.

Сотрудничество германского правительства с католической церковью за 1925—1930 гг. В 1925 г. в связи со смертью (28 февраля) первого германского социал-демократического президента Эберта папа не преминул на торжественной мессе 3 мая помолиться и «вознести священную жертву за высокого усопшего, его оставшуюся семью и за весь германский народ»³.

В развернувшейся затем борьбе за президентское место между Гинденбургом и Марксом (лидером партии центра) курия имела осторожность воздержаться от открытой поддержки кандидатуры Маркса, чтобы не оттолкнуть от себя влиятельные круги германской буржуазии, шедшие за Гинденбургом⁴, и 14 мая 1925 г.,

¹ Текст обращения см. Ключников и Сабанин, Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. 30, стр. 227—228.

² Von Latta, стр. 624.

³ «Osservatore Romano» от 4/V 1925 г.

⁴ «Osservatore Romano» от 17 и 19/IV 1925 г.

в лице нунция (Пачелли), напутствовала победоносного фельд-маршала словами теплого приветствия и «божественным благословением».

18 мая 1925 г. германский министр иностранных дел Штресеман в программной речи по вопросам внешней политики выразил «повторную благодарность папе и его советникам» за их внимание к нуждам Германии, заверив, что заботы их о немцах «во время и после войны останутся незабвенными для Германии». А 21 мая 1925 г. папа торжественно причислил к лику святых германского иезуита Петра Канизия.

1925 и 1926 гг. характеризуются также повышенной активностью курии, направленной на пропаганду локальных соглашений, заключенных 16 октября 1925 г. между Германией и ее бывшими противниками (см. выше гл. II).

В основе этой политики лежат как непосредственные интересы отдельных франко-германских крупно-капиталистических групп (проблема концерна тяжелой металлургии и топлива, французской руды и германского угля и др.), так и обширные империалистические замыслы (вплоть до бриановской «пан-Европы» и империалистической идиллии франко-германско-польского военного блока, в стиле Эрве или Рехберга) направленные, как общее правило, против СССР и могущие, не без основания, по этому и по другим признакам, быть отнесенными к числу специфических «парижских изделий» (articles de Paris).

Блок германской социал-демократии с католической церковью. Деятельность Ватикана в Германии за последний период времени выражалась не столько в заметных внешнеполитических проявлениях, сколько во внутренней политике германских правящих политических партий. Особенно интересно в этом смысле поведение двух партий, игравших наиболее видную роль на германской политической сцене—социал-демократической и партии центра. Если в первые медовые месяцы германской республики социал-демократия охотно провозглашала различные антиклерикальные лозунги¹ (борьба за светскую школу, за безрелигиозную мораль и пр.), то после двух решительных протестов кардиналов Гартмана и Фаульгабера, после кровавого подавления спартаковского движения и падения советской Баварии, язык германских социал-фашистов резко меняется, и грозный призрак коммунистической революции побуждает их искать надежного прикрытия за испытанной церковной оградой. Весьма симптоматично в этом отношении письмо лидера социал-

¹ Vol L a m a, стр. 78.

демократии Ф. Эберта, извещавшее папу об избрании Эберта на президентский пост, и ответное послание папы, гласившее¹: «Мы благодарим тебя за твое письмо и желаем тебе успеха в выполнении высокой возложенной за тебя миссии, и последнее — тем с большим основанием, что мы видим, что ты приложишь заботу, дабы отношения, существующие между нашим апостольским престолом и германской державой, не только сохранились неизменными, но сделались бы еще крепче». И действительно, отношения эти настолько «укрепились», что в 1929 г. другой социал-демократический вождь Г. Мюллер приветствовал в Кельне «Красную газету католических социалистов» в нижеследующих выражениях: «В последнее время серьезные и благонамеренные люди в обоих лагерях (т. е. в социалистическом и в церковном) не мало потрудились над тем, чтобы проложить мост между ними». Не отстают от него и редактор «Vouwärts» Ф. Штампфер, утверждающий, что «прежде многие думали, что католик не может быть социалистом, а социалист — католиком. Теперь уже большинство понимает, что это старый предрассудок». «Вера в социалистический порядок человеческого общества, — поучает Отто Браун, — совместима как с религиозным, так и с атеистическим мировоззрением». «Быстро нарастает число тех, — дополняет его К. Зеверинг, — кто ищет синтетического соединения католической силы с социалистическим мировоззрением»². Естественное продолжение черно-желтого блока — борьба германских социал-демократов за «дух Локарно» и «западную ориентацию» германской внешней политики, призыв к пересмотру советско-германских договоров и к поддержке папского «крестового похода»³.

Не приходится много говорить о другом соратнике Ватикана — о партии католического центра, непрерывно сохранявшей за собою руководящую роль в рейхстаге и регулярно поставлявшей, за немногими исключениями, кандидатов на канцлерские посты. Еще в 1918 г. партия произвела соответствующую переоценку ценностей, выбросив за борт демагогический балласт своего мелкобуржуазного прошлого. Воззвание ее от 30 декабря 1918 г. гласило⁴: «Новый порядок... должен быть создан не в форме социалистической, но в форме демократической республики. Нужно, чтобы каждому гражданину за его полезную работу и для его собственности оказывалась справедливая защита и т. д.».

¹ Там же, стр. 84.

² И. Эльвин, Клерикализация социал-демократов и воинствующее безбожие на Западе, «Революция и культура» 1930, № 56, стр. 88.

³ См. Г. Минский, Социал-фашисты у власти, М. 1930, стр. 154—159.

⁴ В. Зельцер, Христианский социализм на Западе, М. 1930, стр. 51.

Последний этап деятельности «нового» центра—активное участие (кабинет Брюнинга) в фашистском перерождении германского государственного строя, французские визиты немецких католиков, Союз защиты западной цивилизации и пр.

Заканчивая наш очерк политики германского католицизма, нам надлежит теперь остановиться на тех правовых формах, в которых получило свое закрепление сотрудничество государственной власти с католической церковью в Германии.

Вюртембергский закон о правах церкви. Ранее других вступил на этот путь Вюртемберг, провозгласивший в порыве своеобразного «самоограничения» законом 9 февраля 1924 г.¹, что все вопросы, подлежащие «по церковному праву компетенции апостольского престола», остаются «всцело и полностью» подчиненными его компетенции, вследствие чего они не должны быть разрешаемы в порядке одностороннего законодательства, но только «путем непосредственного соглашения с апостольским престолом или на основе ожидаемого имперского конкордата».

При парламентском голосовании представитель вюртембергской социал-демократической партии сделал заявление нижеследующего содержания: «Мы хотим обеспечить церкви свободу, мы бережем церковь, мы усматриваем в церкви культурный фактор первостепенного значения».

Баварский конкордат. За Вюртембургом последовала Бавария, заключившая 29 марта 1924 г. конкордат с курией². 20 января 1920 г. баварский ландтаг выразил соответствующее пожелание, в ответ на каковое нунций вручил 19 пунктов пожеланий курии.

14 октября 1921 г. последовало послание папы к баварским епископам и открытие переговоров. Главным препятствием к заключению конкордата было противодействие «Евангелического союза» и других протестантских организаций, согласившихся на конкордат, при непременно условии предоставления и им всех обеспеченных за католической церковью прав.

Важнейшие из постановлений Баварского конкордата: гарантия свободы и публичного отправления католического культа, равно как и церковной иерархии и ее деятельности (ст. 1). Полная свобода церковных конгрегаций и орденов, с признанием за ними прав юридического лица на общегражданском основании (ст. 2), с ограничением в виде требования германского гражданства от

---

¹ Von L a m a, стр. 630—631.

² Текст конкордата см. «Europe Nouvelle» 1925, № 373, стр. 495—498.

их руководителей (ст. 13, § 2); ст. 3—9 обеспечивают религиозное преподавание в школах всех ступеней, сохраняя за ним «место, по крайней мере, равное его современному значению» (ст. 4, § 3); ст. 10 фиксирует дотации со стороны государства—церкви, исходя из соглашения 1817 г., допуская также (§ 5) право церкви на взимание сборов со своих членов. Устанавливается нижеследующий порядок назначения епископов (ст. 14): папа выбирает кандидата из списка, либо составленного капитулом вакантной епархии или из общего списка, составляемого епископами и всеми капитулами Баварии, причем «до опубликования буллы св. престол официально удостоверится у баварского правительства о неимении с его стороны возражений политического порядка».

«Принимая во внимание расходы баварского государства по содержанию священнослужителей» (ст. 14, § 3), при назначении приходских священников церковные власти сообщают правительству список кандидатов, с личной их характеристикой, причем правительство приглашается «представить свои возражения в возможно кратчайший срок».

Баварский конкордат, подписанный от имени правительства министрами иностранных дел, народного просвещения и финансов и от имени курии нунцием Пачелли, был ратификован 24 января 1925 г. Он интересен не только в качестве показателя консолидации церковно-правительственного блока в Германии, но и в качестве прецедента для других германских государств и для Германии в целом.

Прусский конкордат. Начало переговоров о заключении прусского конкордата или, как гласит официальное его название, «торжественного соглашения» восходит к 1919 г.¹

Немедленно вслед за опубликованием Веймарской конституции (11 августа 1919 г.) курия изъявила желание заключить новый конкордат, взамен отпавшего и фактически и юридически соглашения 1821 г. Прусское правительство, в лице министра культов Гейниша, отнеслось сочувственно к этому предложению, озабоченное (см. магдебургскую речь прусского премьер-министра Брауна от 30 мая 1929 г.) восстановлением прав государственной власти в отношении католической церкви, поскольку формально текст Веймарской конституции грозил ослаблением этих взаимоотношений. Партия центра, в свою очередь, отнеслась с большим сочувствием к этому начинанию, рассчитывая при его по-

---

¹ См. «Europe Nouvelle» 1930, № 662, стр. 1503.

средстве добиться завоевания государственной школы и соответственных коррективов Веймарского закона¹. С другой стороны, и прусское правительство выдало многообещающий вексель в виде заявления министра народного просвещения Белитца о готовности прусского правительства «в случае предложения имперского войти с последним в переговоры относительно урегулирования в конкордате религиозной части школьной проблемы».

Вследствие 5-летней задержки открытия папской миссии в Пруссии (назначенный нунцием в Берлин 22 июня 1920 г. Пачелли вручил свои верительные грамоты прусскому правительству 25 июня 1925 г.) ватикано-прусские переговоры смогли возобновиться только в 1926 г.

В июне 1927 г. достигнуто было предварительное соглашение по вопросу о школьном законе, которое, однако, правительство взяло затем обратно, поскольку «не представлялась возможность собрать большинства в парламенте» на основе подобного конкордата (из письма Брауна к папскому нунцию от 6 августа 1929 г.). В конце концов курия и центр отказались от обязательного условия школьной реформы. 14 июня 1929 г. конкордат был подписан и принят затем прусской палатой (243 голосами против 172). По содержанию своему прусский конкордат сводится² к трем проблемам: 1) вопросам организационным, 2) вопросам церковных кадров и их подготовки и 3) вопросам материального порядка.

В плане организационных мероприятий проводится административная реформа церковного управления, смысл которой в образовании прусской национальной церкви из трех метрополий (Кельнская, Падерборнская и Бреславская) (ст. 2), непосредственно подчиненных курии (минуя конгрегацию пропаганды). Эта же реформа, в завуалированном виде, знаменует собою отказ Рима от открытой борьбы с протестантизмом в дальнейшем, и признание церковного статус кво (ср., например, обратный принцип реставрации католической иерархии в Англии в 1850г.). Реформируется также и порядок замещения церковных должностей (ст. 6—11). С внешней стороны курия получает здесь большую самостоятельность: так, например, епископ не избирается, как прежде, капитулом, с согласия правительства и с последующим утверждением папы, но папа сам предлагает ка-

---

¹ Текст германской конституции см. В. Дурденевский, Иностранно-конституционное право в избранных образцах, Л. 1925, стр. 207.

² Текст конкордата см. «Europe Nouvelle» 1930, № 662, стр. 1504—1509.

питулу (местное объединение священнослужителей) на выбор трех кандидатов, сообразуясь, разумеется, с рекомендацией как самого капитула, так и епископов. Однако св. престол не должен назначать епископа (ст. 7), «не удостоверившись у прусского правительства о неимении возражений политического характера против кандидата».

Согласно ст. 4 повышается государственная дотация католической церкви до 2 800 тыс. мар. в год (вместо прежних 1 400 тыс. мар.), с оставлением за ней «служебных помещений и недвижимостей, служащих епархиальным целям».

Весьма откровенно связывает ст. 9 государственную дотацию с подготовкой церковных кадров («принимая во внимание дотацию епархиям и епархиальным учреждениям, гарантированную настоящим торжественным соглашением»), определяя те условия, которым должен удовлетворять кандидат на церковную должность: 1) германское гражданство, 2) аттестат зрелости германского университета, 3) прохождение 3-летнего курса философии и богословия (в Германии или в Риме).

Допуская духовные семинарии (ст. 12), правительство предъявляет требование соответствия программ и квалификации преподавателей государственным вузам.

В приложенном к соглашению заключительном протоколе наиболее интересен официальный комментарий к ст. 4, содержащий условное обещание «справедливого» увеличения правительственной дотации церкви, к ст. 9, приравнивающий австрийские университетские дипломы к германским, и к ст. 12—о совместном контроле государственных и церковных властей над преподавательским составом богословских факультетов. Необходимо также отметить обмен письмами между нунцием Пачелли и премьер-министром Брауном (5—6 августа 1929 г.), где первый оговаривает неизбежность (несмотря на соответствующую уступку в договоре) принципиальной позиции курии в школьном вопросе, а второй заверяет, что неупоминание о конфессиональной школе в конкордате «не нанесет никакого реального ущерба правам, принадлежащим, в силу конституции, прусским католикам в этой важной области», поскольку «прусское правительство естественно считает своим долгом защиту религиозных прав, признанных имперской конституцией».

Блок социал-фашистов, жандармов и епископов. Пикантная для характеристики германских политических партий подробность: социал-демократический «вождь» Пруссии Браун по части оформления сотрудничества с Ватиканом опередил германского канцлера и «вождя» католического центра Брюнинга.

Чем не триумф для II Интернационала и не новый рекорд для международных социал-фашистов всех оттенков и масти?

И, наконец, в качестве живой иллюстрации «содружества» церкви и государства в Германии—выступление 7 января 1930 г. католического епископа Шрейдера в Берлине перед жандармскими офицерами с докладом на тему: «Народ, государство и церковь».

Закончив доклад, епископ выразил надежду, что ему еще удастся часто устраивать дружественные встречи с жандармами «для общего блага государства и церкви»¹.

---

¹ «Germania» от 8/I 1930 г.

Глава V.

«КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ИТАЛИИ».

Объединение Италии и ликвидация светской власти пап. Чтобы не углубляться в далекое средневековье, эпоху Данте и борьбы гвельфов с гибеллинами, проблему взаимоотношений Ватикана с Квириналом (место пребывания итальянского правительства), мы начнем наш очерк с периода итальянского национального объединения (*risorgimento*) и падения светской власти пап. Воспользовавшись франко-прусской войной и заняв в 1870 г. Рим, бывшую столицу папской области и резиденцию главы католической церкви, итальянское правительство сочло необходимым, по мотивам главным образом международной политики, торжественно подтвердить законодательным актом права и преимущества римского первосвященника.

«Италия чувствует всю тяжесть ответственности, которую она принимает на себя,—писал в циркуляре 18 октября 1870 г. итальянский министр иностранных дел Висконти Веноста¹, объявляя, что светская власть св. престола прекратила свое существование. Мы мужественно принимаем эту ответственность, потому что мы уверены, что принесем в решение этой проблемы дух беспристрастный и воодушевленный самым искренним уважением к религиозному чувству католических народов. Италия обеспечит независимость римского первосвященника двойной гарантией: с одной стороны, гарантируя ему свободное сообщение с верующими во всем мире, и, с другой стороны, в особенности отделением церкви от государства в королевстве».

В 1905 г., беседа с французским журналистом, Висконти Веноста пояснил: «по мнению моих коллег и моему собственному, отделение церкви от государства в Италии было единственным средством устранить всякое подозрение, всякое подобие соглашения между двумя властями, пребывающими в Риме, к их обоюдной выгоде и без ущерба для всех католических наций».

¹ M. Pernot, Comment se pose aujourd'hui la question romaine, «Europe Nouvelle» 1929, № 573, стр. 142.

После того как выяснилось, что предложение итальянского правительства (нота от 7 сентября 1870 г.) о заключении специального коллективного соглашения европейских правительств о международном режиме Ватикана не встречает сочувствия со стороны держав (нежелание вмешиваться в итальянские дела, категорические протесты самой курии и т. д.), положение курии ввне было определено итальянским законом 13 мая 1871 г. так называемым «законом о гарантиях». Согласно этого закона¹ глава католической церкви, несмотря на утрату своих владений, сохраняет титул и ряд прерогатив, присвоенных главе государства (вплоть до преимущественного пользования итальянским телеграфом). Ему обеспечивается полная экстерриториальность, право дипломатических сношений, приема иностранных послов, ежегодный гражданский лист и т. д.

Не желая примириться с утратой своих владений и рассчитывая на изменение своей пользы международной конъюнктуры (расчеты на интервенцию Франции или Австрии), папа Пий IX категорически отказался признать закон о гарантиях, торжественно протестовал против преступных посягательств и «узурпации» итальянского правительства, отказался от гражданского листа, как от «иудиных серебрянников», и объявил себя добровольным «узником» в Ватиканском дворце, поскольку, выходя за его пределы, он неизбежно должен был бы ступить на территорию Италии. С тех пор все преемники Пия IX (Лев XIII, Пий X, Бенедикт XV и Пий XI) при начале своего правления повторяли ставший традиционным протест, и конфликт Ватикана с Квириналом приобретает характер хронического, что не мешало, впрочем, римской курии воспользоваться на деле теми юридическими преимуществами, которыми обставил ее закон о гарантиях. С своей стороны, стоявшая в течение десятилетий у кормила итальянского государственного корабля либеральная партия считала, что перманентно хронический конфликт с папством соответствует международным интересам Италии. Эта мысль была весьма откровенно выражена в одном из интервью бывш. итальянского премьера А. Фортиса²: «Есть голос, который раздается и ко-

---

¹ См. об этом обстоятельную, хотя достаточно тенденциозную, работу проф. А. Байкова, *Международная правоспособность папства*, Спб. 1904, § 35 и др.

² M. Pernot, *Le Saint-Siège et l'Italie, la question romaine* в книге «*Le Saint-Siège, l'Eglise catholique et la politique mondiale*», P. 1925; См. G. E. Curatolo, *La questione romana da Cavour a Mussolini*, R. 1928, гл. V и VI, а также брошюру E. von Steffenelli, *Die Wahrheit über die römische Frage*, M. 1928.

торому повинуются от одного края мира до другого; это голос папы. Для нас чрезвычайно ценно, чтобы этот голос был итальянским. Но при одном условии. Нужно, чтобы весь мир оставался в убеждении, что папа, хотя и итальянец, является международным, независимым от всякого влияния. В тот день, когда это убеждение будет поколеблено сомнением, папство нам больше ни к чему не пригодится. Отсюда—наша политика. Нужно, чтобы мы оставались в плохих отношениях с папой: не настолько плохих, чтобы он упаковал свой багаж и покинул Италию, но достаточно плохих для поддержания впечатления, что у папства нет ничего общего с итальянским правительством». Не касаясь отдельных перипетий этой эпохи, подобно обрисованных в монографии Куратуло, в частности эпизодических попыток внутреннего сотрудничества и особенно внешнего (Криспи), в связи с итальянской колониальной экспансией в Африке, отметим два громких исторических инцидента, характерных для этой фазы ватикано-итальянских взаимоотношений.

Папство и гаагские конференции мира. В 1899 г., наравне с другими правительствами, Ватикан получил, вместе с личным письмом от Николая II к папе, циркулярную ноту русского министра иностранных дел Муравьева о созыве так называемой 1 Гаагской конференции мира², на что папа не замедлил ответить уверениями о глубоком своем сочувствии задачам конференции и дифирамбами по адресу Николая II.

Однако когда дело дошло до рассылки непосредственных приглашений на конференцию, порученной голландскому министерству иностранных дел, Каневаро, итальянский министр иностранных дел, известил как петербургский, так и гаагский кабинеты, что в случае приглашения папского представителя на конференцию, Италия откажется в ней участвовать. А так как, с другой стороны, Германия обусловила свое участие участием в конференции всех великих держав, то инициаторы последней вынуждены были отказаться от приглашения Ватикана.

Лондонское соглашение. В 1915 г. в Лондонское соглашение от 26 апреля о вступлении Италии в мировую империалистическую войну на стороне держав Антанты, по требованию итальянского правительства, внесена была «папская клаузула», согласно которой Франция, Великобритания и Россия взаимно обязываются «поддерживать возражения со стороны Италии против любого предложения, направленного к привлечению предста-

---

¹ Ives de la Brière, т. I, гл. XI.

вителя св. престола к участию во всех переговорах по поводу мира и урегулирования вопросов, поднятых настоящей войной»¹.

Оценивая, таким образом, последнее 50-летие довоенных отношений государства и церкви в Италии, мы можем констатировать, что господствовавшие группы итальянского финансового и промышленного капитала не видели за это время особой нужды в тесном контакте с церковью, и, наоборот, расценивали такую преимущественно как фактор возможного проникновения иностранного влияния, усматривая главную цель своей церковной политики в нейтрализации последнего вовне, наравне с поддержанием фактического перемирия с церковными организациями внутри.

Политическая капитуляция папства. Нельзя однако, не отметить, что и папство к началу XX в. постепенно отошло от своего первоначального непримиримого требования—восстановления *statu quo ante*, т. е. Церковной области как государства, заявляя в лице Пия X (1905 г.), что «еще не найдено до настоящего времени другого средства, кроме собственной и независимой территории», для обеспечения свободного руководства католицизмом, соглашаясь тем самым на эвентуальный компромисс.

«Римская проблема» в ее новейшей фазе. Война и послевоенные события заставили итальянскую буржуазию и здесь произвести соответствующую переоценку ценностей.

Вынужденный отъезд, в связи с вступлением Италии в войну, послов Пруссии и Баварии при Ватикане, большая дипломатическая активность курии во время войны и, наконец, образование католической «народной партии» послужили сильным толчком к новой постановке на обсуждение «римской проблемы»².

Еще накануне мировой войны епископ России и гр. дела Торрэ в Италии, Ив де-ла-Бриэр во Франции³ высказывались за назревшую своевременность превращения итальянского закона о гарантиях в международную конвенцию. Однако это предложение не встретило сочувствия ни с итальянской стороны, ни со стороны курии. Представители последней считали⁴, что «вместо кажущегося увеличения гарантии на деле папа получил бы увеличение числа хозяев...». В том же духе высказались и германские католические круги, в лице редактора «Kölnische Volkszeitung» Башем, советовавшего Италии пойти на создание кар-

¹ Von Lama, стр. 9.

² «Osservatore Romano» от 15/III 1919 г.

³ «La question romaine», «Europe Nouvelle», 1927 г., № 507, стр. 1445.

⁴ «Civiltà cattolica» от 4/III 1916 г.

ликового государства из Ватикана, с прилегающим районом, что могло бы в конечном счете удовлетворить претензии курии. Весьма симптоматичная декларация последовала в 1915 г. со стороны Ватикана: «Его святость из уважения к нейтралитету не желает создавать никаких затруднений итальянскому правительству; он возлагает свое упование на бога; он ожидает надлежащего урегулирования своего положения не от иностранного оружия, но от победы чувства справедливости, которое все более распространяется среди итальянского народа, в соответствии с его собственными настоящими интересами»¹.

В 1920 г., в связи с окончанием войны, Бенедикт XV выступил с энцикликой *Racet Dei*, в которой заявлял², что «в настоящее время, когда мир восстановлен между народами, мы снова и категорически требуем, чтобы было прекращено ненормальное положение главы церкви, которое по ряду причин является столь же гибельным и для спокойствия народов». Вместе с тем, однако, папа счел возможным отказаться от своего старого требования (сыгравшего видную роль при разрыве сношений между Францией и Ватиканом) о запрещении визитов католических монархов в Рим, как якобы оскорбительных для «подлинного» хозяина Рима, и установил довольно сложный и курьезный церемониал двойных визитов (визит к папе должен делаться непосредственно из помещения посольского здания, принадлежащего соответствующему иностранному государству, а не из помещений, отведенных иностранным гостям итальянским правительством и т. д.). Но гораздо важнее то обстоятельство, что для итальянских выборов 1919 и 1921 гг. папа пошел на отмену запрета (*Non expedit*), ранее возбранявшего верующим католикам в них участвовать. Мотив этого акта, по свидетельству католических историков³,—желание «воспрепятствовать распространению революционной и коммунистической опасности». В результате этих выборов и применения пропорциональной системы в Италии «никакое парламентское большинство против коллективизма не могло составить без действительного содействия католического элемента...». Далее, примирение Франции с Римом (1920 г.) и появление в Ватикане французского представителя Жоннара также в громадной степени стимулировало, имея в виду послевоенное обострение франко-итальянского антагонизма, разрешение «римского вопроса».

¹ «Corriere della Sera» от 29/VI 1915 г.

² *Ives de la Brière*, т. I, стр. 216.

³ Там же, стр. 225—226.

В статьях, посвященных возобновлению дипломатических сношений между Францией и курией, итальянская печать¹ меланхолически отмечала, что, в противоположность Франции, Италия все еще вынуждена разговаривать с Ватиканом методами «косвенной дипломатии», и что с появлением французского посла «место Италии в Ватикане вакантно вдвойне». Наконец, весьма кстати итальянская буржуазная пресса («Idea Nazionale» и др.) вспомнила, что Италия имеет на Востоке (т. е. в колониальном мире) «свои собственные интересы и свои позиции», закрепление которых могло бы выиграть от содействия церкви. На это последовала реплика папского официоза², напоминавшего, что ранее возобновления дипломатических сношений между курией и Квириналом итальянскому правительству необходимо урегулировать несколько «предварительных вопросов». 13 июня 1921 г. в речи, произнесенной в заседании Тайного совета³, папа Бенедикт XV не преминул упомянуть о «том печальном положении, в котором находится необходимая свобода римского папы». А 21 июня 1921 г. в итальянском парламенте депутат и будущий вождь фашизма Б. Муссолини выступил с речью, в которой заявил⁴: «тот факт, что 400 миллионов людей во всех концах земного шара устремляют взоры к Риму, не может нас не интересовать и наполняет гордостью нас—итальянцев...». «Я утверждаю, что традиции латинского и императорского Рима представлены в наши дни католицизмом и т. д.». Представитель католической народной партии (Товини) немедленно поддержал Муссолини, заверяя, что разрыв между государством и церковью в Италии является для последней «источником неисчислимой слабости» как внутри страны, так и вовне.

Кардинал Ахилл Ратти, превратившись в папу Пия XI, тотчас же после своего избрания решился на «смелый» шаг: выйдя на открытый балкон ватиканской часовни, он благословил оттуда стоявшую на площади толпу, что на другой же день было истолковано прессой как готовность нового папы нарушить ватиканское затворничество и открыто пойти на примирение с итальянским правительством. Правда, на другой же день выпущенное маршалом Конклава сообщение⁵ поспешило авторитетно разъяснить, что благословение папы относилось, собственно говоря, не к Риму и не к Италии, но ко всем народам и ко всему

¹ «Messaggero» от 29/V 1921 г.; «Idea Nazionale» от 31/V 1921 г.

² «Osservatore Romano» от 3/VI 1921 г.

³ Von Lama, стр. 30.

⁴ См. «Europe Nouvelle», 1929, № 573, стр. 145.

⁵ «Osservatore Romano» от 7/II 1922 г.

человечеству. Однако в первой же своей энциклике (*Ubi arcano Dei*) новый папа¹ «с болью в сердце» отметил отсутствие Италии «среди народов, с которыми апостольский престол связан узами дружбы», напомнил о «невыносимом положении» курии и возобновил «требования» своих предшественников.

Эволюция фашизма и примирение его с Ватиканом. Вся дальнейшая история примирения церкви с государственной властью в Италии связана с соответствующей эволюцией итальянского фашизма². Постепенно освобождаясь от мелкобуржуазной шелухи своей романтической юности и становясь окончательно политическим орудием финансового капитала и магнатов тяжелой промышленности, итальянский фашизм подошел к проблеме использования церковного фактора, неразрывно связанного с теми самыми капиталистическими кругами, опорой и орудием которых является сам фашизм, и, подойдя вплотную к этой проблеме, естественно сделал все необходимое, чтобы поставить католицизм на службу фашистского государства и его внутренней и внешней политике. Нам остается поэтому в рамках нашего очерка только отметить важнейшие перипетии этого процесса.

Одним из главных камней преткновения во взаимоотношениях фашизма с курией был вопрос о католической «народной партии» (пополари)—организации низшего духовенства (дон-Струццо) и мелких земельных собственников, с обычной для мелкобуржуазных группировок радикальной демагогией в экономической и политической областях. Располагая 100 мандатами в парламенте 1919 г. и несколькими министерскими постами, пользуясь явной и скрытой поддержкой всех клерикальных организаций и не имея за собой гнилого прошлого итальянского либерализма, пополари явились для фашизма среди буржуазных организаций итальянской общественности сильнейшим конкурентом. И действительно, все наиболее крупные попытки «легальной» борьбы с фашизмом, был ли то «авентинский выход» оппозиции из парламента или кампания по расследованию убийства Маттеоти, неизменно возглавлялись деятелями «народной партии». Когда фашистский террор коснулся местных организаций партии и отдельных ее активистов, Ватикан попытался выступить на ее защиту. Ответом на репрессии фашистов против участников католического юношеского конгресса в Риме (9—10 сен-

¹ Von Lama, стр. 533.

² Об этом периоде см. Von Lama, *Italien unter Mussolini*, стр. 540—589 и Curatulo, гл. X.

тября 1921 г.) явилась речь Бенедикта XV (от 19/IX)¹, оплакивавшего вспышки «ненависти», «братоубийства» и в курьезной амальгаме сознательно смешивавшего фашистов с социалистами. Более осторожно действовал его преемник. 6 августа 1922 г. последовало окружное послание папы Пия XI к итальянскому епископату с призывом к гражданскому миру и проповедью «возврата к богу и к уважению закона»². С своей стороны, и Муссолини, после своего «победоносного» вступления в Рим (29 октября 1922 г.), ввел в свой первый кабинет двух представителей «народной партии» и 4 ноября назначил торжественное богослужение в ознаменование победы фашизма и для демонстрации своих католических чувств.

В декабре 1922 г. Муссолини выступает с речью³ о всемирном значении католицизма, о склонности итальянского народа, равно как и его самого «по своей природе», к католицизму, заканчивая декларацией: «Италия нуждается в политической реформе, но не в религиозной».

В апреле 1923 г. произошел окончательный разрыв между популяри и фашистами. Внешней причиной его было выставлено идеологическое и принципиальное расхождение по вопросу понятия государства и его задач: католики обвиняли фашистов в «обожествлении нации и в пантеистической идее государства». На деле же вожди фашизма предпочли политике компромисса политику партийного единства, выделив в своих собственных рядах группу католиков-фашистов («национальный союз») как залог своего сотрудничества с церковью. Правда, сам Ватикан, неоднократно ранее подчеркивавший полную независимость от него «народной партии», и на этот раз резко напомнил⁴, что «св. престол столь же далеко стоит от этой новой организации, как и от всякой другой политической партии», и в новом окружном послании (от 25 апреля 1923 г.) особо рекомендовал представителям духовенства «держаться в рамках строжайшего благоразумия и избегать даже видимости благоприятствования политическим партиям».

Усиление государственного контроля над католическими учреждениями и требование государственного экзамена от воспитанников католических учебных заведений вызвали также некоторое обострение во взаимоотношениях господствующей партии с церковниками, последствия чего не замедлили сказаться во

¹ «Osservatore Romano» от 21/IX 1921 г.

² «Osservatore Romano» от 9/VIII 1922 г.

³ «Momento» от 29/XII 1922 г.

⁴ «Osservatore Romano» от 14/IV 1923 г.

время фашистских выступлений погромного типа в Пизе, Озимо, Флоренции, вызвавших, в свою очередь, опубликование соответствующего письма кардинала Гаспарри (июль 1923 г.) и повторные заявления папского официоза о неимении ничего общего между курией и фашистским «национальным союзом», присвоившим себе эпитет «католический».

После того как в этих «перестрелках» обе стороны убедились, что тесное между ними сотрудничество значительно выгоднее для обоих, чем скрытая или открытая борьба, фашизм быстрым темпом начал нащупывать почву для взаимного компромисса. В начале 1923 г. комиссар г. Рима Кремонези наносит визит римскому кардиналу-викарию—факт эпизодический, но весьма показательный, если припомнить, что в 1888 г. Торлониа, синдик (мэр) Рима, был отрешен правительством от должности за подобный же визит.

Одновременно издается распоряжение о восстановлении предметов культа (крестов) в больницах.

В сентябре 1923 г. издается закон, вводящий в школах обязательное преподавание закона божия, с нижеследующей декларативной мотивировкой: «В основание и в завершение учебы в народных школах во всех их ступенях положено преподавание христианского вероучения».

Комментируя это мероприятие, Муссолини в беседе с корреспондентом «Echo de Paris» (октябрь 1923 г.) изложил четыре «благотельных» для воспитания народных масс принципа в нижеследующей последовательности—«строгость, повиновение, уважение к преданию и к религии».

Точно так же солидаризировался фашизм с католицизмом по вопросам семейного права, провозгласивши, в лице министра юстиции Овиглио (ноябрь 1923 г.), принцип «нерасторжимости брака». Колониальная итальянская практика также дала немало поводов для сближения с церковью: так, по случаю убийства католического миссионера (Мелютто) в Китае Муссолини обратился с соболезнованием к генералу францисканского ордена, а губернатор итальянского Сомали (De Berru) лично явился в Ватикан для переговоров об условиях миссионерской работы в управляемой им колонии.

В том же 1923 г. последовал закон об освобождении священников от военной службы и подношение итальянским правительством в дар ватиканской библиотеке (декабрь 1923 г.) ценных архивов дворца Чиги.

В следующем 1924 г. последовало со стороны правительства распоряжение о ликвидации философии Канта в программах гим-

назического преподавания, с заменой таковой изучением творений св. Августина, св. Фомы Аквинского и св. Ансельма, возврат францисканскому ордену, в связи с его 700-летним юбилеем, монастырских зданий и ряд аналогичных «любезностей» в отношении других монашеских братств (ораторианцы и пр.).

Однако поскольку неизбежные спутники фашистских выборов (1924 г.)—насилия и эксцессы—затронули снова «народную партию», папа счел необходимым выступить с речью 24 марта 1924 г.¹, где отметил, с одной стороны, все вышеперечисленные «достижения» фашизма, а с другой—осудил «ежедневные сцены насилия над гражданами той же прекрасной культурной страны».

В ответ на учиненный фашистами очередной разгром союза католической молодежи папа отозвался письмом на имя его председателя (12 апреля 1924 г.)² и пожертвованием 1/2 млн. лир. В том же году, в связи с приемом в Ватикане «рыцарей Колумба», папа недвусмысленно апеллировал к американским католикам и через них к правящим кругам САСШ, настаивая на скорейшем урегулировании международного своего положения³: «Вы сами могли констатировать, что пространство, отведенное епископу Рима, отнюдь не страдает от избытка... Туда, куда вы могли пойти, мы не могли отправиться и т. д.».

В связи с Евхаристическим конгрессом в Палермо (сентябрь 1924 г.) папа обратился с речью к католическим студентам³, порицая «возведение насилия в систему» и отстаивая идею единого фронта буржуазных партий, ибо если католикам приходится иногда идти на блок даже с чуждыми религии социалистами, то неужели же «хорошие сыны церкви и добрые католики» не смогут договориться между собой.

1925 г. ознаменовался «отрадным», с католической точки зрения, разрывом фашизма с масонством (закон о тайных обществах) и образованием правительственной комиссии (13 февраля 1925 г.) для подготовки реформы итальянского законодательства о церкви. Между прочим в состав комиссии оказались привлеченными 3 епископа. В то же время министр юстиции Рокко, выступая в сенате (24 января 1925 г.), изложил принципы «новой церковной политики» фашизма, указавши, в частности, что «представителям католического культа, который является религией государства, должны быть обеспечены необходимые средства для существования и правовые условия».

¹ «Osservatore Romano» от 24/25/III 1924 г.

² «Osservatore Romano» от 10/IX 1924 г.

³ «Europe Nouvelle», 1929 г. № 573, стр. 143.

На фоне работ правительственной комиссии продолжались по-прежнему стычки между официозами, начиная с теоретической дискуссии (в связи с выступлением Муссолини на V съезде фашистской партии (21 июня 1925 г.) на тему о «моральном значении насилия» и кончая борьбою католической прессы за «свободу союзов», т. е. в первую очередь католических—против фашистского проекта их огосударствления.

Кампания ожесточенной «итальянизации» немецкого Тироля побудила также итальянское правительство искать содействия церкви для соответствующей перекройки епархиальных границ, внедрения итальянского языка в церковных проповедях и пр.¹

По поводу торжеств 700-летия Франциска Ассизского Муссолини разразился новой речью, в которой установил прямую связь между «благородством и гуманностью» Франциска, природными чертами итальянского национального характера и фашистской идеологией.

С своей стороны, за фашистскую апологию св. Франциску Ватикан расплатился тем, что выразил, в лице кардинала Гаспарри, «живейшее свое удовлетворение» по случаю неудавшегося покушения на Муссолини (Цанибони)². Впрочем, чтобышний раз подчеркнуть ненормальность в отношениях курии с итальянским правительством, кардинал вручил свое сочувствие комиссару ближайшего к Ватикану полицейского участка, не считая себя вправе вступать в официальные сношения с вышестоящими лицами итальянской административной иерархии.

Между тем правительственная комиссия закончила свою работу и представила проект законодательных реформ по вопросам итальянского церковного законодательства. Важнейшие из этих новелл³ касались отказа от так называемого королевского патроната, т. е. смягчение форм правительственного контроля за назначением на церковные должности в Италии (замена *exequatur'a—nilhil obstat*), признания монашеских конгрегаций и орденов, при условии, чтобы в их составе было не более $\frac{1}{3}$ иностранных граждан, усиления роли духовенства в управлении церковными имуществами и т. д.

Однако Ватикан, с своей стороны, не только не выразил удовлетворения предложенным проектам реформ, но не замедлил подчеркнуть, что ни одна реформа не может быть для него приемлема—без предварительного между ним и итальянским пра-

¹ Von L a m a, стр. 579 и сл.

² Osservatore Romano 30/XI 1925 г.

³ P. de Quirielle La politique religieuse du fascisme et le Saint-Siège, «Correspondant», 1926, № 1521 стр. 360—374.

вительством соглашения, и совершенно недвусмысленно предупредил, что «никакие переговоры, никакое соглашение не могло, не может и не будет иметь места до тех пор, пока останутся в силе несправедливые условия, навязанные главе церкви и св. престолу» (письмо папы к кардиналу Гаспарри от 22 февраля 1926 г.)¹.

Раздраженная подобным «упрямством» курии фашистская печать (орган Фариначчи «Il Regime Fascista» и др.) обрушилась на кардинала Гаспарри, обвиняя его в масонских симпатиях и утверждая, что услуги, оказанные церкви кардиналом за все время пребывания его на посту статс-секретаря,—ничто, по сравнению с услугами, оказанными церкви со стороны фашизма². Папа утешил обиженного кардинала собственноручным письмом и медалью³.

Однако двум проблемам, не считая уже вопросов внешней политики, суждено было сыграть решающую роль в окончательном оформлении фашистско-ватиканского блока—вопросу о «Балилле» (организация фашистской молодежи) и фашистскому огосударствлению профсоюзов (корпоративная система).

В Италии, как и в других странах, имелась достаточно многочисленная организация католических «юных разведчиков» (скаутов), функционировавшая в качестве юношеского филиала союза «Итальянской католической акции». С утверждением фашизма с этой организацией начали конкурировать аналогичные фашистские юношеские объединения—«авангарды» и «Балилла», насчитывавшие к 1925 г. всего 80 тыс. чел.⁴ Эксцессы со стороны местных фашистских групп по адресу «юных разведчиков» побуждают Ватикан, во-первых, выступить (22 ноября 1925 г.) с публичным осуждением «катехизиса Балиллы» как «кошунственной пародии» на католический катехизис (ср., например, заповедь юного фашиста—«я—Италия, твоя мать, твоя царица, твоя богиня; да не будет тебе другой матери, другой царицы, другой богини, кроме меня») и, во-вторых, отменить назначенный в Риме на 30 августа 1926 г. международный спортивный конкурс католической молодежи. Однако прошло несколько месяцев, и последовали два фашистских закона—3 апреля 1926 г. и 9 января 1927 г. О преобразовании «Балиллы» в «Национальную ассоциацию для помощи и физического и морального воспитания моло-

¹ «Europe Nouvelle», 1929, № 573, стр. 143.

² «Von Lam», стр. 587 и стр. 372.

³ «Osservatore Romano» от 18/I 1926 г.

⁴ M. Brund, L'attitude papale devant la jeunesse d'Action Française: et les Balilla fasciste, «Europe Nouvelle», 1927, № 472, стр. 269—270.

дежи», исключаящую во всех городах и пунктах с населением менее 20 тыс. наличие всяких иных юношеских организаций. И папа не только не возвысил свой протестующий голос против фашистского законодательства, но, напротив, сам обратился к католическим разведчикам с предложением приступить к самоликвидации. Причем этому не совсем обычному жесту папа дал (в письме к кардиналу Гаспарри от 24 января 1927 г.) столь же трогательное, сколь мало убедительное объяснение: «Если суждено нам погибнуть, как говорил некогда святой царь Давид, то да погибнем мы от руки господней, а не от человеческих рук...» На деле разгадка двусмысленного поведения курии была значительно прозаичней: одновременно с реформой Балиллы все отделы последней были снабжены, по предусмотрительной заботливости фашистского правительства, священниками-духовниками, так что Ватикан, даже не вспоминая царя Давида, имел достаточно оснований, чтобы чувствовать себя удовлетворенным.

Сложнее получилось дело с фашистским профсоюзным законодательством (1925 г.). 17 августа 1925 г., принимая делегацию католических рабочих объединений¹, Пий XI предостерегал их членов от «ложных друзей» и намекал на предстоящий путь страданий «за честь, христову и за верность церкви». Издание фашистских законов о единых корпорациях побудило папский официоз открыть систематическую кампанию² в защиту «свободы союзов», поддержанную папской речью от 14 декабря 1925 г., в которой папа, заверив о своем сочувствии всякой попытке «воспрепятствовать классовой борьбе или ее смягчить», вместе с тем признал фашистское законодательство о союзах несоответствующим христианскому учению, как исходящее из фетишизации «государства» и игнорирования прав «человеческой личности»³.

Наконец, все еще оставался нерешенным вопрос о католической «народной партии», причинивший в свое время немало хлопот руководителям фашизма. Священник дон Стурцо, ее основатель и признанный вождь, получив соответствующие указания Ватикана, сначала отстранился от политики, а затем, осыпанный знаками папского внимания, отправился за границу в «добровольное» изгнание. Пережив глубокий кризис руководства и раздираемая антагонизмом консервативно-клерикальной верхушки и

---

¹ «Osservatore Romano» от 17/18/VIII 1925 г.

² «Osservatore Romano» от 23/X, 24/X, 5/XI, 31/XI 1925 г.

³ «Osservatore Romano» от 14/15/XII 1925 г.

радикально-демагогического крестьянского и мелкобуржуазного ядра, партия постепенно начала разлагаться и утрачивать свой политический вес. Было бы поэтому глубоко ошибочным, следуя европейским публицистам, рассуждать о противоположной тактике Бенедикта XV, вдохновителя партии, и Пия XI, ее могильщика.

На деле и тот и другой, достойные сыны своего класса, смотрели на партию отнюдь не как на рычаг к захвату церковью власти в Италии (ибо это значило бы ставить наголову всю проблему взаимоотношений церкви с государством в эпоху монополистического капитализма), но как на орудие своеобразного политического шантажа, подлежащее уничтожению по миновании в нем надобности.

Таким образом к 1927 г. ребром стал вопрос о союзе фашизма с церковью, ни с той ни с другой стороны уже не оспаривавшийся, но затруднявшийся установлением наиболее подходящей для него формы. Говоря о последней, надо иметь в виду не субъективную готовность к уступкам, весьма широкую со стороны отдельных представителей курии (хороших «патриотов» своего итальянского отечества), но международные интересы самого фашизма в первую очередь, для которого Ватикан, еще более чем, в свое время, для правительства Фортиса, мог быть тем более ценным сотрудником, чем более сохранялась видимость внешней его независимости.

В последней, предшествовавшей заключению Латеранских договоров, дискуссии этот момент был со всей определенностью выявлен. Полемизируя с Джентилем («Corriere della Sera»), настаивавшим на примирении папства с законом о гарантиях, и с А. Муссолини («Popolo d'Italia»), доказывавшим, что никто кроме Италии, не в праве вмешиваться в разрешение «римского вопроса»¹, «Osservatore Romano», утверждал², что папа не должен «быть капелланом (домашним священником) ни одной державы» (выражение Кавура), что «великий вопрос интересует все католические народы и весь цивилизованный мир», ибо «свобода и независимость верховного главы католической церкви должна быть не только реальной и полной, но и ясно видимой для верующих всего мира». А это, в свою очередь, неосуществимо до тех пор, пока глава церкви «будет находиться в зависимости или, если угодно, в районе деятельности одной какой-либо державы».

¹ См. «La question romaine, «Europe Nouvelle», 1927, № 50, стр. 1444—1448.

² «Osservatore Romano» от 22/IX, 14/X, 15/X 1927 г.

Вывод ясен: ценность для фашизма и Ватикана взаимного их «сотрудничества» и его «плодотворность» прямо пропорциональны внешней независимости и подчеркнутой суверенности папства, ибо в противном случае католики стали бы «взирать на папу с недоверием и подозрением, истолковывая как политические все его действия...» Однако, протестуя против «одностороннего» решения римского вопроса, официоз курии недвусмысленно дал понять («иностранным державам останется только принять к сведению, в установленных формах, то, о чем Италия договорится со св. престолом»), что Ватикан не настаивает на международных гарантиях и в любой момент готов пойти на двустороннее соглашение с Италией.

Положение создавалось тем более «деликатное и сложное», говоря языком «*Osservatore Romano*», что не только враждебные Италии группы (французские правящие круги и др.), но и относительно дружественные (например германские) весьма напряженно реагировали на тот или иной способ разрешения римского вопроса. «Идем ли мы,—ставил вопрос официоз германской католической партии «центра»¹,—по пути действительной супранационализации церковного управления, или стоим лицом к лицу с неподвижной системой, которая, сохраняя итальянское большинство и гегемонию в коллегии кардиналов и в папских конгрегациях, увековечивает определенные опасности и определенную тревогу».

Латеранские договоры как оформление фашистско-католического блока. Под такими предзнаменованиями в августе 1926 г. начинаются конфиденциальные переговоры между проф. Бароном (со стороны фашистского правительства) и адвокатом Пачелли (братом кардинала Пачелли), представляющим Ватикан. Причем 3 года спустя (классический пример фальсификации истории) обе стороны взаимно приписывали друг другу инициативу открытия переговоров (заявление кардинала Гаспарри от 7 февраля 1929 г. и речь Муссолини в палате депутатов 13 мая 1929 года)².

4 октября 1926 г. Муссолини через Барона делает письменный запрос курии: на каких условиях согласна она пойти на соглашение, характера «общего, дружеского и окончательного», на что 6 октября Гаспарри отвечает в общей форме, но в утвердительном смысле.

10 декабря 1926 г. испрашивается санкция короля на откры-

¹ «*Germania*» от 17/I 1929 г.

² См. «*Europe Nouvelle*», 1929 г., № 594, стр. 882 и 902.

тие официальных переговоров, причем характерно, что Ватикан одним из условий переговоров поставил «абсолютную их тайну», гордясь сохранением которой Муссолини впоследствии заявил: «мы обязаны этим великолепной дисциплине, возложенной нами на итальянский народ. Можете ли вы себе представить, что случилось бы в другие времена (т. е. до-фашистские). Какие слухи! Какое смятение! Какой хаос!»

В записке от 24 октября 1926 г. кардинал Гаспарри формулировал пожелания курии. Важнейшие из таковых сводились: к требованию «независимости, не только реальной и эффективной, но видимой и явной», с территорией на правах полной собственности и с собственной юрисдикцией, к признанию державами нового политико-территориального статута папства, к заключению одновременно с политическим договором конкордата о режиме католической церкви в Италии. Перейдя с конца 1926 г. в официальную фазу, переговоры в 1927 г. оставались на мертвой точке из-за конфликта с юношескими организациями (см. выше спор о католических скаутах и Балилле): «Всякий другой режим, один из тех, которые мы презираем, мог бы счесть за благо отказаться от воспитания молодых поколений; мы же—нет, ибо в этом вопросе мы непримиримы»... (Муссолини).

Другим предметом спора в 1928 г. был объем ватиканской территории: папа претендовал на несколько больший район (так называемый, Valle dell inferno) с виллой Дориа Памфили, Муссолини не соглашается только на льготную аренду этой «дополнительной площади». Осенью 1928 г. папа отказался от своих требований, и 11 февраля в Латеранском дворце был подписан (Б. Муссолини и кардиналом Гаспарри) окончательный текст соглашений¹.

Первым из них является политический договор из 27 статей. В преамбуле (введении) определяется цель договора как «устранение всякого повода к несогласию», как гарантия «абсолютной независимости» церкви «для выполнения ее высокой миссии в мире», и «окончательное и бесповоротное урегулирование» римского вопроса. Вследствие чего образуется «Ватиканское государство» (citta Vaticana), с предоставлением папе в отношении его «полной собственности, исключительной и абсолютной власти и суверенной юрисдикции» (в отличие от закона о гарантиях 1871 г., предоставлявшего папе только «пользование» определенными недвижимостями). Согласно договора ст. 1, Италия дает

---

¹ Полный текст латеранских соглашений см. «Europe Nouvelle», 1929 г., № 594, стр. 864 и сл.

новое подтверждение ст. 1 своей конституции 1848 г., объявляющей католическое вероисповедание «единственной государственной религией» (в других новейших конкордатах подобные декларации не встречаются).

В силу ст. 2 Италия признает международный суверенитет св. престола «как присущий его природе».

Ст. 3 определяет суверенитет папы над Ватиканским государством, как установленный «со специальной целью», допуская, очевидно, тем самым возможность восстановления полноты итальянского суверенитета, в случае утраты папством его современного международного значения.

Ст. 4 уточняет отказ от итальянского суверенитета над Ватиканским государством.

Ст. 5 и 6 предусматривают вопросы административно-технического порядка. В частности, Италия обязуется обеспечить водоснабжение Ватикана, его связь (железнодорожную, телеграфную и пр.). В районе, окружающем новое государство, не допускаются новые постройки с видом на Ватикан, а старые—подлежат слому (ст. 7). Также воспрещаются и воздушные над ним полеты. Усиленная карательная санкция охраняет в Италии «священную и неприкосновенную» особу папы (ст. 8).

Ст. 9 устанавливает понятие ватиканского гражданства для лиц, имеющих там «постоянное пребывание», в случае утраты какового или даже простого пребывания на итальянской территории, к ним применяется итальянское законодательство. Высшие сановники церкви и папского двора, а также штатные его служащие (по особому списку), даже будучи итальянскими гражданами, освобождаются от воинской и других повинностей (ст. 10); Италия признает за курией (ст. 12) активное и пассивное право посольства, признает дипломатический иммунитет послов всех государств, аккредитованных при курии, обеспечивает свободу сношений курии—даже во время войны, равно как и свободный доступ к папе епископам всего мира; учреждается постоянное дипломатическое представительство Италии при папе и обратно.

Ст. 13—16 дают перечень недвижимостей (церквей, дворцов, монастырей, церковных учреждений), признаваемых собственностью св. престола; причем и другие итальянские здания, в случае использования их для папских нужд, так же как и первые, освобождаются от экспроприации, налогов и пр.

Заработки сотрудников курии освобождаются от государственных и местных налогов (ст. 17).

Обеспечивается беспоплатный транзит через Италию в Ватикан (ст. 20). Кардиналы католической церкви приравниваются

к принцам крови и считаются гражданами Ватиканского государства. Италия обеспечивает свободу и безопасность церковных соборов и конклава (ст. 21). По просьбе Ватикана Италия принимает на себя наказание ватиканских уголовных преступников (ст. 22). Постановления Ватикана и его судов в отношении духовных лиц выполняются итальянскими властями (ст. 23). Св. престол объявляет о своем намерении (ст. 24) «остаться чуждым» вопросам светской политики и воздерживаться от участия в соответствующих международных конгрессах, кроме случая обращения к нему самих спорящих государств. «Вследствие чего ватиканская территория всегда и во всех случаях будет почитаться за территорию нейтральную и неприкосновенную». Св. престол признает себя удовлетворенным, объявляет окончательно и бесповоротно разрешенным римский вопрос и заявляет о своем признании королевства итальянского, с савойской династией и с г. Римом, в качестве его столицы (ст. 27); одновременно с этим Италия признает Ватиканское государство и отменяет закон о гарантиях.

Финансовая конвенция, включенная в политический договор в качестве его неотъемлемой части (ст. 25), начинается с оригинального вступления, смысл которого оправдать в глазах итальянского общественного мнения факт уплаты папе со стороны Италии определенного денежного возмещения (1590 млн. бумажных лир). В нем говорится и об ущербе, нанесенном папству захватом его прежней территории, и о возрастающих расходах церкви вообще и в Риме в частности, и о стесненном экономическом положении итальянского народа, в особенности после войны, и о тех суммах, которые Италии пришлось бы уплатить папе в силу закона о гарантиях (около 4 млрд. лир), и, наконец, об отеческих чувствах самого папы, вошедшего в положение «бедных» итальянцев. А потому папа довольствуется (ст. 1) единовременным взносом 750 млн. лир и итальянским 5% займом на номинальную сумму в 1 млрд. лир. Из речи, произнесенной Муссолини в палате (см. ниже), явствует, что, кроме того, папа обязался не затруднять итальянский банк единовременным истребованием этой суммы, но намерен в расходовании ее соблюдать самый строгий «режим экономии» и даже принял на себя некоторые обязательства в отношении «способа расходования денег».

Заключенный в тот же день конкордат состоит из 45 статей, касающихся различных сторон положения и деятельности католической церкви в Италии.

Так, Италия обеспечивает свободу церковного управления и

из уважения к священному характеру «Вечного города» обязуется «воспрепятствовать в Риме всему тому, что может оказаться в противоречии с вышеупомянутым его характером» (ст. 1).

Св. престолу и епископам гарантируется свобода сношений, беспрепятственное опубликование своих актов (ст. 2).

Служители культа свободны от воинской повинности (ст. 3) и обязанностей присяжного заседателя (ст. 4).

В случае всеобщей мобилизации они используются «по специальности» или на санитарной службе. Клирики не допускаются на государственную службу без согласия церковного своего начальства (ст. 5). Для реквизиции, оккупации и разборки церковных зданий требуется согласие церковных властей (ст. 9 и 10). Государство признает церковные праздники (ст. 11), а церковь молится за благоденствие итальянского короля (ст. 12). Военное духовенство назначается курией по взаимному согласию с правительством (ст. 13). По обоюдному согласию пересматриваются границы епархий, для приведения их в соответствие с государственным административным делением страны (ст. 16).

Назначение епископов принадлежит курии, но предварительно курия конфиденциально информирует о предполагаемом назначении правительство, «чтобы удостовериться, что последнее не имеет соображений политического характера против назначения» (ст. 19). Епископы приносят присягу на верность государству, обязываясь «не участвовать ни в каком соглашении и не присутствовать ни на каком совете, который мог бы причинить ущерб итальянскому государству и общественному порядку, и позволять своему духовенству подобного участия». «Озабоченный благом и интересом итальянского государства, я буду стремиться устранить всякий вред, ему угрожающий» (ст. 20).

Не могут занимать священнических мест лица иностранного государства и не владеющие итальянским языком (ст. 22). «Для успокоения совести св. престол даст полное отпущение грехов всем тем, кто, на основании итальянских законов, ликвидировавших церковные имущества, оказался обладателем церковной собственности» (ст. 28).

Признаются права юридического лица за различного рода церковными организациями—от епархий и до церквей включительно, причем, независимо от особых налоговых льгот, все церковные организации приравниваются к учреждениям благотворительным и просветительным (ст. 29); ношение церковной одежды лицами, не имеющими на то права, приравнивается к злоупотреблению воинской формой.

Государство отказывается от всякого вмешательства в управление церковными имуществами (ст. 30), причем все ранее выплачивавшиеся казною пенсии и субсидии отдельным церковным учреждениям остаются в силе. За совершенным по церковному обряду браком признается гражданская сила, и он подлежит автоматической регистрации (ст. 34). Считая «основой и венцом народного образования» изучение христианского вероучения, итальянское правительство вводит обязательное преподавание «закона божия» как в низшей, так и в средней школе (ст. 36), по совместно с курией разработанным программам. Руководители различных государственных организаций физкультуры, военной подготовки и молодежи, равно как и заведующие школами при составлении расписания занятий должны обеспечить своим питомцам время, необходимое для выполнения ими религиозных обязанностей (ст. 37).

Учебные заведения, служащие для подготовки церковных кадров, свободны от правительственного контроля народного образования (ст. 39).

Правительством признаются жалуемые Ватиканом титулы и знаки отличия (ст. 41, 42). Итальянское правительство допускает существование организаций «Католической национальной акции», «в той мере, в какой последние развивают свою деятельность вне всяких политических партий и под непосредственным руководством церковной иерархии». Св. престол пользуется случаем заключения настоящего конкордата, чтобы возобновить запрещение для всех священнослужителей и монахов Италии «записываться и активно участвовать в какой бы то ни было политической партии» (ст. 43).

Со вступлением в действие конкордата все прежние законы, ему не соответствующие, считаются отмененными (ст. 45).

Итальянским законом от 27 мая 1929 г. Латеранские договоры объявлены вступившими в силу.

Церковь на службе итальянского фашизма. Каково же реальное значение Латеранских актов и какова их международно-политическая роль?—Ответы естественно различны, в зависимости от источника, высказывающего свое суждение.

7 февраля 1929 г. за 4 дня до подписания договоров статс-секретарь курии кардинал Гаспарри довел до сведения всех правительств, аккредитованных при Ватикане, о предстоящем подписании договора и конкордата с итальянским правительством, из которых первый, по мнению курии, «предоставляет в основном св. престолу то положение, которого он всегда требовал и которое подобает ему» на основании самого божественного права,

т. е. положение, которое обеспечивает полную свободу и независимость, действительную и видимую, в управлении вселенской церковью, что же касается второго, то он «достаточно обеспечивает положение религии и церкви в Италии»¹.

В речи, произнесенной 11 февраля 1929 г., т. е. в самый день подписания договоров, папа объясняет², почему он не настаивал на требовании международных гарантий, поскольку история гибели светской власти пап наглядно показала всю эфемерность всех междугосударственных гарантий; далее, Пий XI polemизирует с теми, кто считает, что курия удовольствовалась территорией слишком ничтожной, и удостоверяет, что сделал это вполне сознательно: 1) по соображениям отцовского «великодушья», 2) во избежание обвинений в «земельной алчности», 3) щадя итальянское национальное самолюбие и 4) не желая совмещать с управлением вселенской церковью заботы гражданского управления местным населением. Комментируя этот довод, католический историк и иезуит Ив де ла Бриер³ поясняет, что Ватикан не имел и не имеет ни малейшего желания создавать у себя в Ватиканском «государстве» свой собственный «рабочий вопрос»... Наконец папа оправдывается в чрезмерности своих финансовых претензий, развивая весьма пикантное в его устах рассуждение о базе и надстройке («св. престол имеет равным образом право позаботиться о своей собственной экономической независимости, без которой не были бы обеспечены ни его достоинство, ни его действительная свобода»).

13 февраля 1929 г.⁴ на приеме делегации Миланского католического университета папа подробно остановился на соотношении между политическим договором и одновременно с ним заключенным конкордатом.

«Конкордат не только не объясняет, не только оправдывает, но рекомендует договор». И далее папа развивает ту мысль, что улучшение положения церкви в Италии не могло бы быть достигнуто без заключения конкордата с ее правительством; последний же не мог быть заключен без урегулирования политическим договором исторического спора с Италией. В качестве достижений, полученных католической церковью от конкордата, папа отметил: восстановление юридической силы церковного брака, признание прав юридического лица за церковными организациями, восстановление закона божия в школах, признание права

¹ «Europe Nouvelle», 1929, № 594, стр. 882.

² Там же, стр. 883.

³ Jves de la Brière, т. I, стр. 221.

⁴ Europe Nouvelle», 1929, № 594, стр. 884.

на существование католических общественных объединений («Национальная католическая акция») и др.

Наконец 9 марта 1929 г. на приеме дипломатического корпуса папа обратился ко всем представленным при Ватикане правительствам¹ с заверением, что ему не нужны правовые гарантии с их стороны, но он весьма признателен им за сочувственный отклик на Латеранские акты, в каковом усматривает их «моральную гарантию» — этот «великий, ни с чем несравнимый прецедент, не только Италии, но и всех частей мира».

Несколько иначе комментировали те же акты вожди фашизма. 10 марта 1929 г., выступая на юбилейном торжестве фашистского переворота, Муссолини заявил, что «было бы сейчас ребячеством говорить о победителях и побежденных». «Мы признали за католической церковью преобладающее место в религиозной жизни итальянского народа, что является совершенно естественным для такого католического народа, как наш, и под действием такого режима, как фашизм»². Эти же мотивы развиты более детально в объяснительной записке главы правительства, приложенной к препровожденным в палату Латеранским соглашениям³.

13 мая 1929 г. Муссолини выступил в палате с обстоятельной речью⁴. Начав ее с критики употребленной докладчиком формулы «свободная и суверенная церковь, свободное и суверенное государство» и подчеркнув, что в итальянском государстве «церковь не суверенна и даже не свободна», и что дистанция между Итальянским Римом и Ватиканом остается не меньшей, чем отделяющая Ватикан от всякой другой столицы, Муссолини дал краткое изложение истории церкви и папства.

В этом изложении наиболее интересны факты, касающиеся послевоенной эпохи, так как некоторые из них впервые стали достоянием гласности. Так оказывается, что еще в 1915 г., в связи с выступлением Италии в мировую империалистическую войну, испанское правительство предложило папе перенести свою резиденцию из Италии в нейтральную Испанию (Эскуриал), от чего Ватикан отказался. Затем Муссолини сообщил о переговорах, которые вело в 1919 г. Итальянское правительство во время Парижской мирной конференции с курией (Орландо-Черетти), завершившихся принципиальным соглашением об образовании Ватиканского государства под гарантией Лиги наций, куда Италия

¹ «Osservatore Romano» от 10/III, 1929 г.

² Coviere della sera от 12/III 1929 г.

³ См. текст ее «Europe Nouvelle», 1929, № 594, стр. 887—893.

⁴ Там же, стр. 893.

должна была провести и папу. Вопрос отпал в связи с падением кабинета Орландо. Охарактеризовавши далее «здоровую религиозную политику фашизма», Муссолини перешел к проекту реформ комиссии 1926 г. и отказу курии от принятия его, как одностороннего, связавши с этим необходимость непосредственных сношений с курией.

Анализируя политический договор, глава итальянского правительства признал, что договор ликвидирует полностью «римский вопрос», закрепляет окончательно права Итальянского государства на Рим, что ни одно третье государство не допущено к участию в нем, и что Ватикан раз и навсегда устраняется от участия в международных конференциях и конгрессах, в том числе и в Лиге наций.

Разбирая финансовое соглашение, Муссолини отметил, что в нем предусмотрен ряд технических деталей, направленных всех к одной цели—сделать его наименее обременительным для итальянской казны, причем самому ему не жалко было бы «даже увеличить эту сумму—для ликвидации прошлого и для гарантии всего будущего». Перейдя к разбору конкордата, Муссолини сравнивал его с другими новейшими конкордатами, заключенными курией, доказывая относительную выгодность (ограниченность) его постановлений для итальянского правительства.

Свою речь Муссолини закончил серьезным предостережением по адресу групп воинствующих клерикалов, желающих использовать для своих политических целей примирение церкви и государства в Италии. Начав с некоторых символических памятников (Дж. Бруно, Гарибальди), наиболее ненавистных католикам, и заверив, что памятники «останутся там, где они стоят», Муссолини признался, что «для приведения их (католиков) к надлежащему тону» ему пришлось за последние три месяца конфисковать больше католических газет, чем за предшествующие 7 лет. Намекая на «пополари», Дуче заявил: «Мы не допустим, чтобы воскресли организации и партии, которые мы уничтожили навсегда». «Каждый знает, что фашистский режим, когда он вступает в бой, ведет этот бой до конца и позади себя оставляет пустыню». «Фашистское государство—католическое, но оно—фашистское; более того, оно исключительно и по самой природе фашистское. Католицизм его дополняет, и мы говорим это открыто, положивши карты на стол...» С этим местом заслуживает быть сопоставленным другое признание из той же речи «вождя»: «Мы не воскресили светской власти пап, мы ее похоронили; мы оставили ей ровно столько земли, сколько надо, чтобы она была раз и навсегда погребена...» И то обстоятельство,

что в окончательной редакции стенограммы эта фраза оказалась выпущенной, нисколько не менее существа взаимоотношений фашизма с церковью. Отношения эти достаточно правильно были расценены и за границей (в частности, во французской печати), усматривавшей (М. Перню, Н. Абрие и др.¹ за немногими исключениями², в Латеранских договорах существенный этап на пути фашизации и итальянизации Ватикана.

Дальнейшее сращивание фашизма с папством. Этот процесс своеобразного «сращивания» еще более оттеняется теми дополнительными соглашениями, которые, на основе Латеранских договоров, были заключены между фашистским правительством и Ватиканом (например почтовая конвенция 29 июля 1929 г., монетная конвенция 2 августа 1930 г.) и теми «внутренними» законами, которые изданы были за первый год существования новообразованного государства в нем: Основной Ватиканский закон 7/VI 1929 г., законы о гражданстве, об администрации, об экономическом, коммерческом и профессиональном порядке, об общественной безопасности—от того же числа.

Ограничимся двумя иллюстрациями. Согласно монетной конвенции 2/VIII 1930 г.³ в течение 5 лет папа чеканит ежегодно собственную серебряную монету на сумму до 1 млн. итальянских лир (золотую—без ограничения суммы). Сплав монеты—итальянский, чеканка—исключительно на итальянских монетных дворах, свободное обращение папской монеты—в Италии, итальянской—в Ватикане (т. е., иначе говоря, принцип монетной унии), взаимное содействие в борьбе с фальшивомонетчиками и т. д. Словом, вся конвенция построена, говоря словами одного французского публициста, на принципе «теоретического равенства, выражающегося практически в преобладании одной страны и в подчинении другой».

Июньский закон 1929 г. «об источниках права», подлежащих применению в Ватиканском государстве⁴, в ст. 3 содержит общую норму, согласно которой, во всех непредусмотренных специальными законами Ватиканского государства случаях должно применяться итальянское законодательство, а в ст. 20 того же закона находим длинный перечень применяемых в Ватикане итальянских законов, начиная с правил об отчуждении недвижимостей и кончая законами об авторском праве, об авиации, автомобилях и санитарном законодательстве.

¹ См., например, «Europe Nouvelle», 1929, № 605 и др.

² Pertinax, Le partage de Rome, P. 1929.

³ См. «Europe Nouvelle», 1930, № 652, стр. 1177.

⁴ «Acta apostolicæ Sedis», 1929, № 1, стр. 5—13.

Заканчивая настоящую главу, нам надлежит коснуться в нескольких словах практики первого года применения Латеранских договоров.

Первые шероховатости обнаружились к моменту окончательной ратификации текста договоров, поскольку итальянское правительство возражало против соединения политического договора и конкордата в один юридический документ («возможные споры будут происходить на другой почве—на почве конкордата»)—из речи Муссолини в Сенате от 25 мая 1929 г.¹

Напротив, Ватикан, аргументируя приведенным выше доводом, что один из важнейших мотивов политического договора—обеспечение конкордатом прав церкви в Италии, настаивал на внутренней их связи («согласно букве их и духу»), утверждая, что оба акта «либо будут вместе стоять, либо вместе падут» (из письма папы к кард. Гаспарри от 30 мая 1929 г.², применяя таким образом к политическому договору оговорку *rebus sic stantibus* (неизменных обстоятельств)³. В конечном счете, итальянское правительство в этом формально-юридическом вопросе уступило, и в протоколе ратификации 7 июня 1929 г. сделана специальная декларация о намерении сторон «лояльно соблюдать не только договор, но и конкордат»⁴. За то по всем остальным пунктам расхождений за последний год должен был неизменно капитулировать Ватикан. Выдержавши за 2 года до Латерана острый конфликт с курией (см. выше) из-за фашистско-католической конкуренции в руководстве юношеским движением, фашизм счел необходимым при заключении договора подчеркнуть незыблемость своих позиций в этом вопросе.

В свою очередь, папа на приеме Мондрагонского колледжа выступил с речью, где доказывал, что государство «не должно прикрывать, поглащать и аннулировать семьи, что было бы абсурдно и противоречило бы природе, ибо семья существует—до общества и до государства»⁵. На что Муссолини, в вышеупомянутом выступлении его в Сенате (25 мая 1929 г.) напомнил, что первый католический университет (Миланский) открыт был в Италии при фашистском правительстве, но вместе с тем категорически заявил: «Современная семья, под бременем экономической необходимости в ежедневной борьбе за существо-

¹ «Europe Nouvelle», 1929, № 594, стр. 919.

² Там же, стр. 921.

³ J. T. Delos, Le traité de Latran, «Revue Général de Droit International public», 1929, № 4—5, стр. 476.

⁴ «Europe Nouvelle», 1929 г., № 594, стр. 922.

⁵ Osservatore Romano» от 16/V 1929 г.

вание, не в состоянии никому дать образования. Только государство, со всеми теми средствами, которыми оно располагает, может справиться с этой задачей. Добавлю, что только государство может дать и необходимое религиозное образование, включив его в общий круг других предметов»¹. После этого поражения, понесенного на итальянской территории, папе оставалось только сомнительное утешение—поставить вопрос о церковном воспитании юношества «в мировом масштабе», что им и сделано было в выпущенной им энциклике «О христианском воспитании молодежи, датированной 31 декабря 1929 г.², провозглашающей «неотчуждаемое право церкви»—воспитывать юношество и протестующей против крайностей военизации, национализма и т. п. Весьма мало смущенное ватиканской полемикой фашистское правительство с осени 1929 г. превратило, для вящей убедительности, министерство народного образования в «министерство национального воспитания», после чего папе оставалось только сказать несколько теплых слов представителям католической молодежи³ о предстоящем им мученическом подвиге...

Столь же плачевно кончилась попытка Ватикана сохранить свои наиболее надежные политические опорные пункты в Италии. Стоило Муссолини конфисковать номер руководимого иезуитами журнала «*Civiltà Cattolica*», и его редактор патер Роза, личный друг папы, с папским автографом в кармане и золотой медалью на груди, был отправлен самой же курией в длительную командировку в Испанию⁴. Когда между фашистской и католической печатью (июнь—ноябрь 1929 г.) разгорелся спор по вопросу о том, кому же собственно принадлежит право давать аутентическое истолкование Латеранских актов, причем две католических газеты («*Vita Giovane*» и «*Azione Giovane*») позволили себе выразить ту мысль, что для верующих католиков нет авторитета высшего, чем глава церкви, то обе газеты оказались немедленно конфискованными.

Было бы, однако, ошибочно на основании этих фактов, приходить к скороспелому заключению о непрочности или кризисе фашистско-католического блока, как такового. Каковы бы ни были субъективные намерения и планы отдельных руководителей католицизма, диалектика развития современного империализма третьего периода и его фашистской «надстройки» такова, что

¹ «Europe Nouvelle», 1929, № 594, стр. 917.

² J. C. Baak, *Le Saint Siège, et l'Italie d'après les accords de Latran 1930 г.*, № I, стр. 269 и сл.

³ Там же, стр. 271.

⁴ «Europe Nouvelle», 1929 г., 605, стр. 1223.

объективно для католицизма, как и для всякой другой церковной организации в современном капиталистическом обществе, заранее исключена возможность играть какую-либо другую роль, кроме той, которую отводит ему фашизм. Новейшие исторические факты—от карфагенского конгресса (см. гл. II), мальтийского конфликта (см. гл. III) и вплоть до отставки многолетнего статс-секретаря курии кардинала Гаспарри (известного своей антипатией к фашизму)—подтверждают полностью этот прогноз.

ГЛАВА VI.

«КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВО ВТОРОСТЕПЕННЫХ ГОСУДАРСТВАХ ЕВРОПЫ».

Католическая церковь в Австрии. Нам надлежит теперь коснуться в нескольких словах политической роли католицизма в отдельных второстепенных государствах современной Европы. Распад Австрии Габсбургов—этой исконной цитадели католицизма был, естественно, воспринят Ватиканом, как поражение¹. Немедленно, однако, Ватикан прилагает все усилия, чтобы договориться и восстановить прежнюю связь с новым австрийским правительством (в связи с реформой законов о браке), и социал-демократическому канцлеру Реннеру принадлежит сомнительная честь—выступить в сентябре 1919 г. с декларацией, выражающей надежду, что взаимоотношения Австрийской республики с апостольским престолом «останутся столь же сердечными, как и до сих пор»². Для укрепления этой «сердечности» д-р Реннер в начале 1920 г. наносит в Риме визит папе, а Ватикан открывает энергичную кампанию по оказанию международной помощи раздираемой экономическим и финансовым кризисом Австрии; начиная с папского послания к кардиналу Гаспарри от 24 января 1921 г., сообщенного всем аккредитованным при Ватикане дипломатическим миссиям, и кончая планомерной кампанией католической печати³, закончившейся только с предоставлением Австрии займа от Лиги наций.

Наконец в 1923 г. новый австрийский канцлер, лидер христианско-социалистической партии и католический епископ Игнатий Зейпель представляется папе, и с этого времени и по сей день водворяется полная и ничем неомрачаемая гармония между австрийским правительством и Ватиканом. Поскольку это сотрудничество и его важнейшие плоды были нами обрисованы в гл. 1

¹ См. статьи La Floc'h, в «Civiltà Cattolica», 1919 г., № 5.

² Von Lams, стр. 97—106.

³ См., например, «Osservatore Romano» от 24/VIII 1922 г. и др.

при характеристике политики «христианского социализма», мы считаем излишним возвращаться к этому вопросу.

Церковь на службе венгерского фашизма. Кратковременное существование советской республики в Венгрии отобразилось, между прочим, в организации «Совета духовенства», выступившего (в ноябре 1918 г.) с программой «обновленческих» реформ.

Ущемленное в своих материальных интересах мероприятиями советского правительства Венгрии (Бела Кун), католическое духовенство весьма активно содействовало капиталистической реставрации, и сам папа в письме к кардиналу Чернох не преминул выразить ему свое сочувствие¹. С 1920 г. установлены дипломатические сношения между Венгрией и Ватиканом, и одним из первых актов папского нунция в Будапеште (Шиоппа) были «трогательные» проводы лишенного престола императора Карла («Король Карл и королева Зита—не обыкновенные люди, но истинно библейские фигуры» и т. д.), чем церковь недвусмысленно солидаризировалась с самым реакционным крылом венгерских аграриев. Дальнейшая поддержка со стороны католицизма белого террора в Венгрии привела к своеобразному объединению в лагере либеральной буржуазии протестантского духовенства и среднего крестьянства². Напротив, связь между правительством и католическими церковниками, становилась все более тесной: послание папы Пия XI от 2/V 1922 г., торжественный прием в Ватикане и награждение папским орденом венгерской премьер-министра (гр. Бетлена) в 1923 г. и т. д.

Послевоенная Венгрия переживает сейчас, говоря языком католических публицистов³, свой «католический ренессанс». Развитие католической печати до войны ограничивалось одной газетой а сейчас там действует акционерное «Общество католической прессы» (под руководством иезуита Банга), наблюдается рост католических организаций, создались католическая партия Neppart, рабочие союзы Katholicus Nepszoevetseg по типу германского Volksverein) и т. д. По признанию самих католиков, кальвинисты—адм. Хорти и гр. Бетлен, обеспечили католической церкви в Венгрии такие преимущества, «которые редко можно встретить в другом месте в столь широком виде»⁴. Действительно, крупнейшие земельные поместья церковных орденов.

¹ См. Von Lams, стр. 106—112.

² «Manchester Guardian» от 26/I 1921 г.

³ P. Debattre, En Hongrie. La renaissance catholique, «Correspondant», 1927 г., № 1563, стр. 321—345.

⁴ Там же, стр. 336.

избавлены от аграрной реформы, за счет казны и городских муниципалитетов строятся новые церкви (в одном Будапеште—15); субсидируются церковные школы (вместо 30% школ в 1914 г. сейчас 41% всех школ находятся в руках церкви); во всех школах как церковных, так и государственных, установлено обязательное преподавание закона божия, обязательное посещение воскресных богослужений и обязательное причащение 4 раза в год. При такой «нагрузке» католическое духовенство в Венгрии испытывает естественный «кризис кадров», облегчаемый дотациями городских самоуправлений на содержание «дополнительных законоучителей». Католические юношеские и детские союзы (скауты) приравнены к государственным организациям. Крупный денежный фонд, управляемый совместно правительством и сановниками церкви («фонд императора Карла»), служит для поддержки бедных церквей и нуждающихся священников. Разгадка этого исключительного внимания фашистской Венгрии к католической церкви—весьма простая: призрак советской Венгрии, «республики Бела Кун»—в прошлом и в будущем¹... «Пассивное сопротивление» советам—одна из многих заслуг венгерской церкви и руководимого ею «христианского народного союза» (с его 300 тыс. членами). В области внешней политики типичная для венгерских католиков ориентация—курс на «католический барьер западной цивилизации», равнение на Италию и Польшу.

Чехо-Словацкий «модус вивенди». Не так гладко развертывались отношения церкви и государства в соседней Чехо-Словакии². Поскольку в период австро-венгерской монархии верхи католического духовенства являлись послушными проводниками политики Вены, постольку одной из первых забот чехо-словацкой буржуазии была организация национальной, возможно более эмансипированной от Рима, церкви. Отсюда попытка образования «Едноты», лиги либерально-националистического духовенства, требовавшей реабилитации памяти Яна Гуса, национального чешского героя, сожженного в качестве еретика в XV в., отмены celibата (безбрачия духовенства) и др. 16 декабря 1920 г. папа ответил категорическим отказом на требования чешских «обновленцев». Конфисковавши крупные монастырские владения, правительство Чехо-Словакии, тем не менее, в 1920 г. вступило в регулярные дипломатические сношения с Ватиканом и в 1921 г. командировало в Рим Бенеша (министра иностранных

¹ Там же, стр. 336, 445, и др.

² Von Lams, стр. 281—317.

дел) для переговоров о назначении новых епископов и перераспределении церковных округов, так как ряд чешских пограничных районов оказался в церковно-иерархическом отношении подчиненным иностранным (венгерским, польским) епископам, что причиняло существенные неудобства (вплоть до политических осложнений) чехо-словацкой администрации. В 1924 г. чехо-словацкое правительство устами президента Массарика признало бесплодность попыток организовать независимую от Рима католическую церковь, и Бенеш отправился для повторных переговоров в Рим; камнем преткновения на этот раз оказался вопрос о гусситских торжествах, которым обе стороны склонны были придавать символически-принципиальное значение. Пастырское послание католических епископов (от 26 ноября 1924), объявившее недопустимым для католиков участие «не только во всех анархических и нигилистических объединениях, но и в различных социалистических и коммунистических», было воспринято как покушение на коалиционное правительство. Так называемые «междуконфессиональные законы» 23 апреля 1925 г. вызвали, в свою очередь, резкий протест католических организаций. Наконец, участие правительства в торжествах памяти Гуса послужило поводом к формальному разрыву между Чехо-Словакией и Ватиканом, выразившемуся в отъезде из Праги папского нунция Мармаджи. Конфликт продолжался три года и разрешился заключением «модус вижэнди» 2 февраля 1928 г. (в виде письма кардинала Гаспарри на имя Бенеша) ¹.

Любопытная особенность этого документа в том, что он обходит полным молчанием самый источник конфликта. Точно так же он не касается ни единым словом ни вопросов школьного обучения, ни актов гражданского состояния, ни каких бы то ни было церковных преимуществ. Содержание его сводится к установлению точного соответствия государственной границы с границами церковных епархий (ст. 1); к выделению в самостоятельные единицы духовных орденов и конгрегаций, действующих на чехо-словацкой территории (ст. 3); чехо-словацкие епископы назначаются Ватиканом из числа местных граждан, но с правом чехо-словацкого правительства отводить кандидатов по соображениям политического характера (ст. 4). Последние дешифрируются как «соображения, касающиеся безопасности государства, как например, если избранный кандидат оказался виновным в политической деятельности—ирредентистской, сепаратистской или направленной против конституции или общественного порядка страны». Еписко-

¹ Текст договора см. «Europe Nouvelle», 1928 г., № 523, стр. 227 и сл.

пы приносят присягу на верность чехо-словацкой республике. В управлении церковными имуществами, находящимися под секвестром, устанавливается временный порядок, в виде поручения такового (на правах узуфрукта) особой комиссии под председательством соответствующего епископа. Наконец, якобы независимо от договора, папский нунций Мармаджи получает награждение чешским орденом, одновременно с переводом в Польшу...

Таким образом «модус вивенди» является несомненным успехом чехо-словацкого правительства и лишним подтверждением того, что даже во взаимоотношениях с незначительными государствами современная церковь не может по существу дела играть никакой другой роли, кроме служебной.

Церковь на службе испанского фашизма. Испания, в течение столетий изнывавшая под клерикальным ярмом, обетованная земля для иезуитов и монастырей, с ее отсталой экономикой, безграмотным крестьянством и бытовым средневековьем, не изменила «преданьям мертвых поколений» и в XX в. В 1923 г. Педрегаль, министр финансов, делает попытку выступить с проектом самой скромной конституционной реформы (расширение понятия свободы культов¹. Ответом является протест католического епископата (кардинал Сольдевилля) и предупреждение Ватикана, что всякое изменение существующего порядка будет рассматриваться как нарушение конкордата и поведёт к дипломатическому разрыву с Испанией. Кризис кабинета и новые выборы в кортесы (парламент) принесли полную победу клерикалам. Ватикан не замедлил выразить свое удовлетворение оборотом дел в Испании, наградив по этому случаю королеву испанскую «золотыми розами»². Но этим изящным жестом, разумеется, неограничились услуги Ватикана испанскому правительству. Осенью того же года кардинал Бенлох-и-Виво отправился в турне по южно-американским республикам, проповедуя везде и всюду необходимость укрепления «культурных» и всяких иных связей между латинскими республиками Южной Америки и испанской «родинной-матерью». Переворот ген. Примо-де-Ривера и установление фашистской диктатуры в Испании еще более сблизили руководителей государственного аппарата с руководителями церковного. Примас Испании кардинал Рейг-и-Казанова приветствовал новое правительство, как способное «поднять авторитет государства» и «умножить благосостояние страны» (ср. кризис испанских финансов—результат политики «директории», завершившийся в 1929 г.

---

¹ См. Von Lama, стр. 442—449.

² Osservatore Romano от 23/V 1923 г.

падением Примо-де-Ривера). В том же 1923 г. король Альфонс XIII наносит папе визит в Ватикане и в произнесенной по этому случаю речи, помимо обильных экскурсов в средневековую романтику, делает несколько конкретных предложений, важнейшее из которых—требование «предоставить американскому миру (т. е. государствам Южной Америки) более многочисленное представительство в священной коллегии кардиналов», т. е., говоря проще, в руководстве католицизмом. Взамен чего король дал торжественное обещание в том, что, в случае объявления папой «нового крестового похода против врагов нашей религии», в рядах крестоносцев «Испания и ее король займут почетное место»... В ответ на это папе оставалось только заверить «высокого и возлюбленного сына» в своей сердечнейшей и глубочайшей готовности удовлетворить его заветные пожелания.

С своей стороны, испанские диктаторы дали ряд новых преимуществ церкви: реформа низшей школы, материальное обеспечение духовенства, фактический отказ от «королевского патрона» в отношении замещения епископских должностей, с передачей такового в руки самого духовенства. Свое принципиальное обоснование церковная политика директории получила в речи ген. Примо-де-Ривера от 23 января 1925 г.: «Мы имеем право защищать религиозные ордена (братства), особенно те, которые занимаются воспитанием, ибо они учат наших детей не только урокам веры, укрепляющим душу, но они служат также проводниками—и я могу это подтвердить по собственному опыту—истинно патриотического, семейного воспитания... ибо религия—существенный элемент испанского патриотизма». Выполняя свою «патриотическую миссию», церковь оказала немаловажные услуги испанским диктаторам в удушении национального движения в Каталонии (см. выше гл. I), не говоря уже о повседневном содействии в борьбе с революционным пролетариатом. Падение Примо-де-Ривера, замена его ген. Бернегером (1929 г.) и, наконец, республиканский переворот (1931 г.) не внесли никаких изменений в прочное сотрудничество церкви и правительства в Испании.

Примирение португальской республики с церковью. Буржуазная революция в Португалии низвергла династию Браганца и выступила против церкви, как ее надежнейшего оплота. Закон 20 апреля 1911 г. отделил церковь от государства и прервал дипломатические сношения между Португалией и Ватиканом¹. Изжив медовые дни своего антиклерикализма, пор-

¹ См. Le nouveau statut des cultes au Portugal, «Europe Nouvelle», 1928, № 555, стр. 1322 и сл.; см. также Von Lams, стр. 449—454.

тугальская буржуазия весьма скоро почувствовала потребность в церковной поддержке как по мотивам внутреннего порядка, так и особенно по соображениям колониальной своей политики (Ост-индский вопрос см. ниже. гл. IX). В результате переговоров с кардиналом Рагонези законом 22 февраля 1918 г. проводится пересмотр закона 1911 г. в смысле допущения духовенства (пользующегося правами португальского гражданства) в качестве руководителей церковных общин; вместе с тем правительство отстранилось от контроля за преподаванием в духовных учебных заведениях. В 1919 г. возобновились дипломатические сношения между португальским правительством и курией, а 6 июля 1926 г. последовал декрет о статуте культов в Португалии, одобренный в ноябре 1926 г. на национальном соборе португальской церкви¹.

Церковные имущества, конфискованные в 1911 г., разделены на 3 части (ст. 10): 1) получившие уже другое целевое назначение и сохраняющие таковое, 2) неиспользованные и предназначенные для культа, поступающие в управление церковных общин, и 3) остальные, подлежащие продаже, с обращением поступлений в доход казны (по министерству юстиции). Для принятия духовных лиц в культовые объединения недостаточно принадлежности их к португальскому гражданству, но требуется допущение их к отправлению культов со стороны их церковного начальства (ст. 4), нарушение чего карается в уголовном порядке (ст. 189, § I У. К.). Предметы культа, находящиеся в музеях, подлежат передаче духовенству для отправления религиозных церемоний (ст. 14). Церкви освобождаются от общих и местных налогов и сборов (ст. 16). Восстанавливаются пенсии служителям культа, получавшим таковые до 1911 г. (ст. 19). Наконец, разрешается в частных школах преподавание «закона божия» (ст. 17).

Швейцарско-ватиканское сотрудничество. 1 сентября 1920 г. в Швейцарии была восстановлена ватиканская нунциатура, отсутствовавшая с 1873 г.—эпохи швейцарского «культур-кампа». Два мотива оказались решающими для восстановления дипломатической связи Ватикана с Берном²: 1) развернувшееся еще в период мировой войны сотрудничество между правительством Швейцарии и Ватиканом на «гуманитарной» почве (см. выше гл. I), нуждавшееся в дальнейшем углублении, в связи с пребыванием на швейцарской территории Лиги наций, Бюро труда и других международных центров; 2) «коммунистиче-

---

¹ Текст закона 6 июля 1926 г. см. «Europe Nouvelle», 1928, № 555 стр. 1326—1328.

² Jves de la Brière, т. II, гл. XII.

ская угроза «ноябрьских дней» 1918 г., побудившая швейцарские протестантские руководящие круги (например «*Berner Tagblatt*») признать, что «католическая церковь принадлежит к числу прочнейших оплотов против любой религиозной и политической анархии»; «она стала помощницей для государства, от сотрудничества с которой государство не хочет больше отказываться»¹. Принявши у себя в Берне папского нунция (Маглионе, швейцарское правительство (в противоположность английской практике), однако, воздержалось от назначения своего представителя в Рим.

Католическая церковь в Голландии. В Голландии развитие отношений с курией наталкивается на некоторые затруднения². В 1915 г. в разгар империалистической войны, по инициативе Лоудона (небезызвестного впоследствии председателя Женевской подготовительной комиссии конференции по разоружению), парламент, большинством в 82 голоса против 10, высказался за установление дипломатических сношений с Ватиканом, прерванных с 1870 г. Мотивы этого шага более или менее совпадали со швейцарскими—оценка международного значения Ватикана в условиях мировой войны и контрреволюционной роли католицизма. Основой этой политики был длительный блок (так называемый *Monster Verband*) между католической партией и консерваторами-протестантами («христианско-историческая» партия и «антиреволюционеры»). Платформой блока послужила (в конце прошлого столетия) совместная борьба против социал-демократии³ и проведение исключительно выгодных для церковников всех вероисповеданий школьных законов (1889, 1900, 1901, 1905 и 1920 гг.). В 1916 г. Голландия посылает в Ватикан свою дипломатическую миссию, преобразованную в 1921 г. в постоянную. Но 11 ноября 1925 г. нижняя палата генеральных штатов (голландского парламента) большинством в 10 голосов отклоняет кредиты на содержание Голландского посольства при Ватикане, такое в 1870 г. ликвидированного по формальным мотивам бюджетной экономии. Результатом явилось падение кабинета и распад правого блока. В апреле 1926 г. голландский посланник (Ван-Ниспен) вручил папе свои отзывные грамоты. Поскольку, однако, разрыв сношений с Ватиканом явился одним из последствий перегруппировки сил внутри правящих групп крупного голландского капитала и имея в виду сугубо благожелательную позицию Ватикана по отношению к нему (совыв в Амстердаме Всемирного

¹ «*Vaterland*», Luzern 1920, № 152.

² *Jves de la Brière*, т. II, гл. IX; *Von Lama*, стр. 211—218.

³ См. статью *Cort von der Linden* в «*Europe Nouvelle*», 1928, № 537.

евхаристического конгресса, назначение голландского кардинала Ван-Россума руководителем конгрегации пропаганды, т. е. всей миссионерской деятельности), нет оснований рассчитывать на дальнейшее его развитие, и, напротив, имеется достаточно данных ожидать восстановления правого блока—при ближайшем подъеме революционной волны.

Церковь помогает бельгийскому правительству в борьбе с фламандским национальным движением. Сосед Голландии—Бельгия принадлежит также к числу испытанных оплотов католицизма (католическая партия крупного капитала с установкой на зажиточное крестьянство). В 1921 г. организуется Бельгийское посольство при Ватикане¹. Год спустя бельгийское королевское семейство фигурирует в качестве гостей в Ватиканском дворце; по этому случаю папским правительством разрабатывается особый церемониал приема, во всех своих деталях долженствующий подчеркнуть преобладание папского двора над итальянским (Ватикана над Квириналом). Наиболее существенную помощь получает бельгийское правительство от Ватикана—в борьбе с фламандским национальным движением. Из 71½ млн. населения Бельгии около 4 млн. приходится на фламандцев (остальные—валлоны), из которых 3 млн. не владеют господствующим французским языком.

С XVIII в. и особенно со времени французской аннексии наполеоновской эпохи фламандский язык и национальная культура являются гонимыми. Так, фламандский язык был изгнан почти полностью в средней школе, между прочим, потому, что держащее ее в своих руках католическое духовенство боялось проникновения через фламандский язык голландского и протестантского (кальвинизм) культурного влияния². Все четыре университета (Люттихский, Гентский, Лувенский и Брюссельский) вели преподавание на французском языке. Французский язык был также языком администрации, судов и военного командования. Буржуазная интеллигенция бельгийских промышленных и торговых центров трактовала фламандский язык как простонародное (крестьянское) наречие. Однако по ряду причин (от процесса образования фламандской буржуазии и кончая влиянием соседней Голландии и отзвуком германских побед) с 30-х годов XIX в. начинается процесс фламандского национального «возрождения»,

¹ Von Lama, стр. 432—436.

² См. R. Gilloin, La question flamande — ряд статей в «Europe Nouvelle» в особенности же статьи в № 585, 586, 590 за 1929 г.; см. также J. Bloca Jerruys, La question flamande-wallone, «Revue des sciences politiques», octobre-décembre 1927.

развертывающийся бурным темпом (например в 1830 г. не было ни одной фламандской газеты, в 1840 г. их было 17, а в 1854 г. — уже 72). Весьма характерно при этом, что значительная часть бельгийского духовенства (особенно низшего) оказалась на стороне фламандского движения. Здесь играли роль не только стремления сохранить свое влияние среди фламандского населения, но и определенные мотивы принципиального порядка: после событий 1848 г. французское влияние в глазах бельгийских церковников стало синонимом революционной и атеистической пропаганды, по сравнению с которым голландские кальвинисты, а тем более в последующем блоке с католиками, расценивались как «якорь» буржуазного «спасения». В самой Франции вопрос о правах фламандских меньшинств был впервые поставлен перед парламентом католическим аббатом Лемиром (1902 г.). Верный своей традиционной политике Ватикан одной рукой благословлял фламандское движение, другую (через бельгийский епископат) предложил бельгийскому правительству для его же подавления. Отсюда — кампания бельгийских епископов про-тив «фламандского национализма», основательно испортившая репутацию самому «герою» войны 1914 г. — кардиналу Мерсье.

Католическая церковь в Скандинавских государствах. Католицизм, в качестве политического фактора, использовывался даже в таких государствах, как скандинавские страны, с их ничтожным процентом католического населения¹. Первым вступило на этот путь правительство Дании, с ее 30 тыс. католиков. 15 декабря 1920 г. датский король Христиан X, после 500-летнего перерыва, отправился с визитом в Ватикан. После этого последовало папское послание, по случаю 25-летия королевской свадьбы, и пожалование датских орденов католическим епископам. В Норвегии имели место торжественный прием у короля главы ватиканской конгрегации пропаганды кардинал ван-Россум², вооружение памятника на могиле папы Адриана IV и отмена ограничительных законов против католиков. В Швеции — со стороны руководящих кругов лютеранского духовенства, начиная с архиепископа Упсальского (Зодерблом) — его главы, ведется активная пропаганда в пользу соединения церквей (см. гл. I).

Католическая церковь на Балканах. Не менее актуальна католическая проблема и для послевоенных балканских государств. Получив вместе с присоединением австро-венгерских

¹ Von Lema, стр. 424—429.

² См. Von Rossum, Die religiöse Lage der katholiken in den nordischen Ländern, München 1924.

провинций, новый контингент католического населения, румынское правительство с 29 июля 1920 г. организует свое представительство при Ватикане ¹. В 1922 г. румынское правительство, в лице премьера Братиану, автора крылатого афоризма—«я ни во что не верю, но все же отдал бы свою жизнь за церковь», делает Ватикану официальное предложение о заключении конкордата. В 1923 г. происходит визит наследного принца в Ватикан. В 1924 г. возобновляются переговоры о конкордате. Несмотря на оппозицию православного духовенства, румынское правительство ищет сближения с Римом как для облегчения политического переваривания Буковины и Семиградья, так и в силу особой подверженности Румынии «большевистской опасности», против которой «самым надежным и самым прочным оплотом был до сих пор католицизм» ².

Накануне мировой империалистической войны (23 июня 1914 г.) был подписан конкордат между Сербией и Ватиканом ³, в результате переговоров, тянувшихся с 1887 г. С момента присоединения Хорватии с ее католическим населением (38%) и Боснии-Герцеговины церковный вопрос осложнился национальным. Католицизм оказался союзником хорватского автономизма, и крупного землевладения—против централизаторских велико-сербских тенденций ⁴. Отсюда попытки белградского правительства ослабить материальную базу католицизма через аграрную реформу 1921 г., закрытие католических школ, поддержка антикатолических организаций «Сокола» (против католического «Орла») и споры вокруг § 12 Конституции—о праве католического духовенства на непосредственные сношения со своими заграничными руководителями. Последний фашистский переворот в Югославии (правительство ген. Живковича) и проведенная им централизаторская административная реформа—открытого разрыва с прежним национально-территориальным делением государства—позволяют думать, что на пути сближения Белграда с Римом имеются в настоящий момент еще значительные трудности, особенно углубившиеся после Латеранских договоров, приковавших курию к итальянской фашистской колеснице, и на фоне возрастающих итало-французских противоречий (Югославия, как известно, связана военным союзом с Францией, тогда как ее сосед—Албания является итальянским форпостом на Балканах).

---

¹ Von L a m a, стр. 317—335.

² Von L a m a, стр. 330.

³ Там же, стр. 336—356.

⁴ E. B e a u p i n, Les Catholiques Yougo-Slaves et leur présentes difficultés, «Correspondant», 1922 г., № 1440, стр. 984—1003.

ГЛАВА VII.

„КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ПОЛЬШЕ И В ЛИМИТРОФАХ“.

Папство и Польша в XIX в. В ноябре 1918 г., т. е. уже после того как образование польского государства было предпринято державами-победительницами, папа Бенедикт XV вспомнил об особой любви, им питаемой к польскому народу, и не замедлил засвидетельствовать таковую в письме к г-ну Каковскому, архиепископу варшавскому¹, напоминая в нем, что «святейший престол, который любил Польшу, когда она стояла на вершине своей славы, любил ее еще больше, если это только возможно, в ее несчастии, подобно матери, которая тем больше любит свою дочь, чем видит ее несчастней»; далее папа утверждал, что его предшественники (Климент XIV, Григорий XIV и Пий IX) были единственными, кто отстаивал, при общем молчании Европы, «национальность и независимость» поработанного польского народа. К сожалению, папа забыл упомянуть, что после Пия IX был Лев XIII, не только не защищавший польской независимости, но открыто блокировавшийся с русским царизмом (см. ниже гл. X) для совместной борьбы с революционно-освободительным движением в Польше, и Пий X, успокаивавший германское правительство при открытии польского семинария в Риме нижеследующим заверением: «Польские семинаристы в Риме приобретут новый духовный облик—их здесь оторвут от их семьи, от их страны и их национальных традиций»².

Папство и Польша во время мировой войны. Поучительно также отметить, насколько осторожно подходил Ватикан к польскому вопросу, хотя бы в 1917 г., когда, несмотря на признание принципа польской независимости как державами центрально-европейского блока, так и Россией, папа в своем мирном пред-

¹ «Osservatore Romano» от 9/XI 1918 г.

² См. M. Pernot, «Le Saint-Siège, l'église catholique et la politique mondiale», P. 1929, стр. 194.

ложении от 1 августа 1917 г. ограничился напоминанием о «благородном прошлом» Польши и о страданиях, ею понесенных во время войны, вызывающих «симпатию народов». Для ближайшего ознакомления с положением церковного вопроса в различных частях Польши, оккупированных иностранными войсками, папа делегировал туда весной 1918 г., в качестве своего уполномоченного, Ахилла Ратти, заведующего ватиканской библиотекой (будущий папа—Пий XI). 10 марта 1919 г. папа с удовлетворением констатировал (речь в консистории), что в результате плодотворной работы А. Ратти замещены многие церковные кафедры, оставшиеся вакантными не только в Польше, но в Литве и Латвии. В частности, папа особо отметил: Минск, Плоцк, Сандомир, Августов, Львов, Люблин, Каменец, Подляхи, Ригу, Вильну, призванные, по отзыву католической прессы, «послужить плотниной против угрожающего с Востока большевизма»¹. Различного рода осложнения, столь характерного для современной Польши национально-вероисповедного свойства (аресты и интернирование представителей украинского и литовского духовенства), побудили Ватикан ускорить установление официальных дипломатических сношений с польским правительством, вследствие чего 6 июня 1919 г. еп. Ратти получил назначение папским нунцием в Варшаву.

Католическая церковь и советско-польская война. Агрессивная политика руководящих кругов Польши, шедших с легким сердцем на украинскую авантюру Пилсудского и на вооруженный конфликт с Советским Союзом, не встречала особого сочувствия Ватикана, предостерегавшего Польшу от чрезмерного захвата территорий² и весьма озабоченного возможным крахом «католической плотины» на Востоке: «Опасность грозит не только национальному существованию Польши, но и всей Европе», писал папа кардиналу Помпили³. Любопытно также отметить, что когда Красная армия подступала к Варшаве, из всех иностранных дипломатов только папский нунций остался на месте, поскольку, по словам католических писателей, «он представлял там силу, которая, несмотря на решительно-враждебное свое отношение к большевизму, как к воплощению воинствующего атеизма, все же видит в большевиках заблуждающихся обладателей спасенных Христом душ»... Однако стоило Красной армии отступить от Варшавы, и «епископ Ратти,—повествует польский

---

¹ Von Lams, стр. 246.

² «Osservatore Romano» от 1/VIII 1920 г.

³ «Osservatore Romano» от 8/VIII 1920 г.

кардинал Каковский,—вместе со мной плакал слезами благодарности, когда мы после чудесного освобождения совместно с ними пели «тебя бога хвалим».

Это трогательное содружество перед лицом «общего врага», было затем закреплено в совместных насилиях над украинским населением, и в частности, его церковными организациями: «Нет возможности в кратком докладе описать или хотя бы перечислить все случаи захвата православных церквей римскими католиками... достаточно видеть то страшное опустошение, которое вносят римские католики в церковь, чтобы понять их отношение к православным святыням»—из памятной записки литовского епархиального совета генеральному комиссару восточных округов¹.

Германская ориентация Ватикана и польско-германский конфликт. Ватикан, поставленный обстоятельствами верхне-силезского конфликта пред дилеммой выбора польской или германской ориентации, по вполне понятным соображениям, ориентировался на Германию, что едва не привело к разрыву отношений между курией и Польшей. Поводом для конфликта послужило требование Ватикана сохранить епархиальную (т. е. немецкую) юрисдикцию в округах Верхней Силезии, подкрепленное назначением Ратти «верховным церковным комиссаром» того же района—«для максимального обеспечения незыблемой свободы голосования» (речь Ратти от 13 июня 1920 г.). Поскольку главнейшие посягательства на «свободу голосования» исходили с польской стороны, не рассчитывавшей нормальными способами разрешить в благоприятном для Польше смысле верхне-силезский вопрос, польская печать не замедлила выразить свое неудовольствие по адресу Ватикана и Ратти, как его представителя.

21 ноября 1926 г. германский кардинал Бертрам (Бреславльский) воспретил всему местному духовенству, под угрозой отрешения от должности, всякое участие в политической борьбе.

В ответ на это польские епископы выступили с протестом, адресованным папе и подписанным обоими польскими кардиналами и пятью епископами. В этом писании польские прелаты жалуются на пристрастность действий кардинала Бертрама, на несоответствие его поведения с предписаниями Версальского мирного договора и на «горькую несправедливость», чинимую польскому народу. Разгоревшаяся против нунция кампания польской печати вылилась в предложение сейма о вручении паспортов (высылке) Ратти (отклоненное большинством всего только в 2 го-

---

¹ «За и против СССР. Материалы и документы», изд. Ком. академии. М. 1930 г., стр. 74.

люса), в ответ на каковое Сапега, польский министр иностранных дел, обратился с требованием к Междусоюзной комиссии и к Ватикану о немедленном выделении плебисцитарного района из Бреславской епархии.

2 декабря 1920 г., без официального отозвания, А. Ратти все же поехал «с докладом» в Италию, а в апреле 1921 г. был освобожден от обязанностей нунция и комиссара. В виде некоторой компенсации польское правительство произвело аналогичную смену своего представителя при курии (Ковальского).

Однако еп. Огно-Серра, новый «комиссар» и преемник Ратти, также не оправдал польских надежд и 25 декабря 1920 г. снова торжественно подтвердил духовным лицам запрет участвовать в плебисцитарной кампании «под угрозой наказаний, прибегнуть к которым меня уполномочил св. престол».

Одновременно с этим сам А. Ратти был награжден титулом архиепископа аданского.

10 июля 1921 г. Огно-Серра выступил в германской печати с описанием польского террора в Силезии, солидаризируясь, таким образом, всецело с германской позицией в этом вопросе: «Страна представляет печальную картину опустошения и разрушения... Пастыри оторваны от своего стада, ввергнуты в темницы, угрозами вынуждаются к бегству... святые места разрушены, свирепствуют грабежи, насилия, зверства, убийства»... Не лучшую характеристику дает папский делегат и местному польскому духовенству: «Служители церкви, сеющие ненависть к своим же братьям, собственными руками берущиеся за оружие, разыгрывающие из себя военачальников и призывающие к кровопролитию»¹. Картина достаточно хорошо знакомая советской общественности—по поведению польских ксендзов во время советско-польской войны 1920 г. в прифронтовой полосе², начиная с организации торжеств в честь Пилсудского и кончая различными эксцессами над красноармейцами, как результатом духовных призывов к истреблению «еретиков-большевиков».

Ознакомившись с выступлениями Огно-Серра, польское правительство потребовало от курии его отозвания, ответом на что явилось послание папы к польскому епископату³, с суровой нотацией последнему: «Епископы и другие духовные лица никогда (?!) не должны ставить своей церковной власти на службу интересам политики... они должны оказывать с братской любовью защиту своим братьям по священству, хотя бы таковые держали

¹ Von Lams, стр. 257.

² См. «Революция и церковь», 1919 г., № 6—8, стр. 102.

³ «Osservatore Romano» от 17/VI 1921 г.

лись отличного от них мнения в политических вопросах и принадлежали бы к другой национальности...»

Аналогичные события разыгрались на фоне польско-немецкой борьбы и в плебисцитарных округах Пруссии (Алленштейн, Мариенверде): те же самые попытки, с польской стороны, добиться отделения спорного района от ближайшей церковной администрации (в Эрмланде), тот же выезд на место папского делегата и т. д. Характеризуя деятельность последнего, немецкая католическая пресса отмечала ¹, что он (Ратти) «не только строго держался в границах своей миссии, но и превышал таковые—для защиты интересов немецких католиков так далеко, как это только было в его власти... в результате церковные агитаторы из Польши и Галиции, после посещения Ратти, весьма скоро исчезли из нашего округа».

В мае 1921 г. еп. Лаурис (бывший папский нунций в Перу) был назначен преемником Ратти в Варшаву, а 13 июня 1921 г. Ратти был возведен в кардинальское достоинство.

В 1922 г. между высшим польским духовенством и польским правительством возник спор о церковных имуществах, сводившийся 1) к вопросу о церковных имуществах, ранее находившихся в распоряжении русской казны и 2) по поводу проведения аграрной реформы в Польше. Выступив по первому вопросу 8 сентября 1922 г. с письмом от польского епископата к правительству, кардинал Дальбор (Познанский) по второму вопросу разразился двукратным протестом (14 июня и 7 октября 1923 г.), утверждая, что польское аграрное законодательство направлено против католической церкви, поскольку, в отличие от других средних землевладельцев (владеющих от 100—400 га), церковные земли не получили никаких изъятий и льгот. В этом же протесте, поддержанном соответствующим выступлением нунция, глава польского духовенства недвусмысленно указывает польскому правительству на необходимость договориться с Ватиканом о способах материального обеспечения польского духовенства, лишившегося определенной части своей земельной ренты.

Церковь как орудие угнетения нацменьшинств в Польше. Помощь, оказанная со стороны представителей духовенства польской экспансии в Германии, на Украине и в Белоруссии, с одной стороны («католичество неразрывно связано с нашим национальным чувством. Ведь не даром же на окраинах «католик» является синонимом «поляка» и т. д.) ², значение

¹ «Kölnische Volkszeitung» от 24/II 1922 г.

² «Gazeta Poranna» от 6/IX 1921 г.

клерикальной акции для польской пропаганды за границей (ср., например, Варшавский католический съезд в сентябре 1921 г.)¹ и, наконец, нежелательные международные трения, как результат церковно-политических «неувязок» (ср., например, польско-германские конфликты, размежевание польских епархий, подчиненных иерархически заграничным центрам и т. п.) побудили польскую буржуазию искать организационного закрепления для своего сотрудничества с курией. В начале 1924 г. народно-демократическая партия вносит соответствующее предложение в сейм.

Польский конкордат. В октябре 1924 г. проф. С. Грабский совместно с польским послом в Риме Скржинским открывает переговоры с курией. Одновременно польское правительство возводит свою миссию при Ватикане в ранг посольства. 10 февраля 1925 г. кардинал Гаспарри от имени курии, Грабский и Скржинский от имени польского правительства подписывают конкордат² 27 марта 1925 г. польский сейм (большинством в 70 голосов) его одобряет и 2 июня происходит обмен ратификаций³. Отсылая в основном к тексту Баварского конкордата (см. выше гл. V) и к приложению (см. ниже Приложение № 3), отметим здесь лишь наиболее характерные черты этого договора. Согласно его ст. 1, «католическая церковь, без различия обряда, будет пользоваться в польской республике полной свободой. Государство гарантирует церкви свободное осуществление ее духовной власти и ее церковной юрисдикции и управление ее делами и имуществами, в соответствии с божественными законами и каноническим правом». Относительно «либеральная» (по сравнению с испанским конкордатом 1851 г. или колумбийским 1887 г.) формулировка положения католической церкви в польском государстве на деле ничем не отличается от самых реакционных конкордатов, поскольку сама польская конституция в ст. 114 провозглашает принцип—«так как римско-католическая религия является религией громадного большинства нации, то она занимает первое место среди религий, допущенных государством».

«Для поддержания дружественных отношений между св. престолом и польской республикой,—гласит ст. 3 конкордата,—апостольский нунций будет иметь пребывание в Польше и по-

¹ «Rzecz Pospolita» от 6/IX; см. также сб. «Nationalism a Catholicism», 1927 г., стр. 110—133.

² Текст конкордата см. «Europe Nouvelle», 1925 г., № 373 или «Osservatore Romano» от 8—9 июня 1925 г.

³ «Osservatore Romano» от 7 июня 1925 г., стр. 498—501.

сол республики при св. престоле. Полномочия апостолического нунция в Польше будут распространяться на территорию свободного города Данцига». «Ни одна из частей польской республики не будет зависеть от епископа, местопребывание которого находится за пределами польского государства» (ст. 9). Вся территория Польши разделяется на 7 церковных округов (5 латинского обряда, 1—греко-русинского и 1 армянского), причем некоторые пункты, напр., город Львов, являются одновременно центром для трех епархий различного обряда, в чем католические комментаторы конкордата ¹ усматривают своеобразную форму католической защиты прав национальных меньшинств. «Выбор архиепископов и епископов (ст. 11) принадлежит св. престолу», но «до назначения» запрашивается польское правительство о неимении с его стороны возражений «политического характера».

Не могут занимать церковно-приходских должностей (ст. 19), без особого разрешения правительства, иностранцы, не являющиеся польскими гражданами, лица, получившие богословское образование не в Польше и не в ватиканских институтах, равно как и лица, «деятельность которых противна безопасности государства». В этом последнем случае (ст. 20) представители государственной власти договариваются с подлежащим епископом. При безуспешности переговоров дело переносится на окончательное разрешение в паритетную комиссию (2 правительственных чиновника и 2 церковных). «Во всех государственных школах, за исключением высших, религиозное обучение обязательно» (ст. 13). Ст. 24 определяет материальную базу церкви: 1) в смысле признания прав собственности за церковными организациями на принадлежащее им в данное время имущество всякого рода (§ 1); 2) впредь до урегулирования вопроса о конфискованных российскими, австрийскими и прусскими властями церковных имуществах польское правительство гарантирует церкви ежегодные дотации «не меньшей реальной ценности», чем соответствующие дотации вышеупомянутых трех правительств (в пределах польских областей) (§ 3); 3) «для улучшения экономического и социального положения земледельческого населения и для утверждения христианского мира в стране» св. престол «соглашается» на денежный выкуп принадлежащих церкви земельных поместий, превышающих установленные аграрной реформой нормы (§ 5). К ст. 24 имеется весьма любо-

---

¹ R. Ruzé, A propos des trois derniers concordats du Saint-Siège, «Revue de Droit Internationale et de Législ. comp. 1926 № 1—2, стр. 39.

пытное приложение, фиксирующее точный размер государственных дотаций по отдельным видам церковных должностей «применительно к существующему коэффициенту оплаты государственных служащих»; кроме государственных дотаций, так сказать, на «зарплату» духовенства последнее обеспечивается за счет казны «пенсионным довольствием», возмещением административных и почтовых расходов и даже особым «строительным фондом».

Сращивание церкви с польским фашизмом. Из играющих заметную роль на польской политической арене партий три являются наиболее близкими к церкви: ХНП, т. е. христианско-национальная партия, с монархической программой, объединяющая в своих рядах преимущественно познанских и восточно-галицийских аграриев и являющаяся поэтому наиболее непримиримой противницей аграрных реформ; ХНП близко связана с эн-деками («народная партия», бывший «народно-национальный союз»), влиятельной реакционно-консервативной группировкой, представляющей интересы помещиков и торгово-промышленного капитала бывшей русской Польши; левый клерикальный фланг изображают из себя ха-деки (христианско-демократическая партия, мелкобуржуазного типа «христианских социалистов» — см. выше гл. I); сюда же, наконец, можно отнести ХДСБ (христианско-демократический союз белоруссов) и тому подобные мелкие политические объединения.

В вопросах внешней политики между клерикальными группами имеется значительный разброд: в то время как близкие к «пилсудчикам» мелкобуржуазные группировки весьма охотно выполняют французские и иные антисоветские империалистические заказы, до «крестового похода» включительно, польские аграрии проявляют пока значительно большую сдержанность, высмеивая в известных статьях Романа Дмовского ¹ воинственный пыл международных и церковных «комму-вояжеров» и («и вот случилось чудо: комму-вояжер, который до сих пор насмехался над религией и прежде всего был врагом римско-католической церкви, вдруг признал авторитет святого отца, поддержал его протест..., ибо совесть его, раз разбуженная советской «пятилеткой», уже не засыпает...»). Однако, неуклонно продолжающийся процесс фашизации польской государственности и соответствующая капитуляция пред «полковничьей группой» различных оппозиционных группировок не позволяют питать в этом вопросе чрезмерного оптимизма: поскольку польский фашизм, с

---

¹ Р. Дмовский, Комму-вояжер в затруднении, пер. с польского, Гиз 1930 г., стр. 13.

еще большим основанием, чем его западно-европейские собратья, не может быть не чем иным, как восточной агентурой международных банков (ср. аграрные конференции и пр.), постольку пред современной Польшей стоит с роковой неизбежностью историческая дилемма: либо судьба «комми-вояжера» международной реакции, со всеми вытекающими отсюда последствиями, либо путь революционной борьбы.

Латвийский конкордат. Из других соседних с СССР государств наиболее развитые отношения с Ватиканом имеют Латвия и Литва.

Около четверти двухмиллионного населения Латвии приходится на католиков, населяющих главным образом Латгальский округ, в церковно-административном отношении управлявшийся из Вильны, Ковно, Витебска и Могилева. Принимая во внимание, что все эти пункты расположены вне пределов современной Латвии (в Польше, Литве, СССР), латвийское правительство в первый же год своего существования предприняло пред курией шаги к организации самостоятельного католического административного центра в Риге. В 1918 г. О. Рурк, бывший профессор католической академии в Петербурге, польско-ирландского происхождения, был назначен рижским католическим епископом¹. Однако латвийское правительство не удовлетворилось этим, настаивая на назначении латвийца по национальности и гражданству. В результате переговоров, ведшихся в Риге от имени Латвии проф. Ратцаном, курия пошла навстречу латвийским требованиям назначением (в 1920 г.) еп. Шпринговица. С своей стороны, латвийское правительство обязалось предоставить новому епископу кафедральный собор в Риге, дом для проживания и управления и организовать за свой счет католическую духовную семинарию—для подготовки новых католических кадров. В том же 1920 г. открылись переговоры о заключении конкордата между Латвией и курией, завершившиеся 30 мая 1922 г. его подписанием (Мееровиц—Гаспарри). Отметим наиболее характерные черты этого акта². «Католическая религия будет свободно и публично отправляться в Латвии», с признанием за католической церковью (т. е. архиепископством рижским) всех прав юридического лица (ст. 1). Архиепископ и два его викария (ст. 2—4) назначаются Римом из лиц латвийской национальности, с правом политического отвода—за латвийским правительством. Преимущества, предоставляемые ду-

¹ Von Lams, стр. 403—410.

² См. текст конкордата «Europe Nouvelle» 1928 г., № 520, стр. 125—126.

ховенству—обычные (воинская повинность, судебно-процессуальные и т. п.—ст. 9, 17, 18, 19). Ст. 11, обеспечивая организацию духовной семинарии, вместе с тем предусматривает дополнительное соглашение об устройстве высшей латвийской католической школы в Риме, с соответствующими стипендиями для ее учащихся от латвийского правительства. Ст. 12, констатируя «еще недостаточное число церковнослужителей латвийской национальности», предоставляет «на переходный период» рижскому архиепископу право импортировать таковых из-за границы (разумеется, с правом политического отвода с правительственной стороны). Вопрос о материальных дотациях со стороны латвийского государства католической церкви разрешен дополнительной «декларацией» латвийского правительства, сделанной одновременно с подписанием конкордата. В этой декларации правительство обязуется сохранить все существующие дотации церкви; кроме того оно обязуется «предоставить архиепископу, епископам и членам капитула содержание, достаточное, чтобы позволить им жить достойным их сана образом». В случае разногласия на этот счет вопрос решается непосредственным соглашением правительства с курией. Фактически, по бюджету 1925/26 г. католическая церковь получила дотацию в 100 тыс. зол. фр.—против 45 тыс. фр., отпущенных православной церкви¹.

Литовский конкордат. Отношения курии с Литвой, несмотря на преобладающий в последней процент католического населения, прошли через некоторые шероховатости². Во время империалистической войны, по просьбе литовского прелата Альзаускаса, папа организовал сбор пожертвований для пострадавших от войны литовцев. В 1919 г. литовский государственный совет командировал в Рим графа Тышкевича и ксендза Висконта с просьбой о содействии признанию литовской независимости. На что последовал папский ответ с пожеланием «блестящего будущего» Литве. В мае того же года еп. Наряускас вручает в Варшаве нунцию Ратти соответствующую петицию. 17 сентября 1919 г. тот же Наряускас назначается представителем Литвы при курии, ставя немедленно пред нею вопрос о церковно-административной эмансипации Литвы от Польши. В результате Ватикан назначает еп. Цеккини апостолическим делегатом в Литву. После захвата Вильны Польшей (авантюра ген. Желиговского), литовское правительство обращается с протестом к Ватикану, обвиняя поляков в различных насилиях над литовским

¹ Ruzé, стр. 21.

² Von Lams, стр. 410—424.

духовенством и снова добиваясь (миссия Станчактиса и Каревичиуса) собственного церковного управления. В 1922 г. курия удовлетворяет литовские требования образованием особой литовской церковной провинции (т. е. фактически уже после признания державами литовской независимости). Признание Ватиканом (в польском конкордате) г. Вильны в составе польской церковной иерархии едва не привело к разрыву дипломатических сношений между Литвой и Римом. В конечном счете разрыв был заменен вручением резкого протеста литовского правительства (опубликованного 4 мая 1925 г.), обвинявшего курию в использовании «религиозных чувств населения для лишения его национальности» и т. д. Ожесточенные нападки, объектом которых стал в это же время папский делегат Цеккини, послужили поводом для выступления Пия XI¹, напомнившего в одной из своих речей, что задевающие представителя папы тем самым задевают и его самого.

Придя к власти, в результате фашистского переворота 1926 г., партия литовских националистов (с аграрно-кулацкой базой)—«таутининков» сначала составила общее коалиционное правительство с ха-деками (христианские демократы). Разогнавши в борьбе за власть сейм, в котором таутининки были в ничтожном меньшинстве, и разорвавши блок с ха-деками, националисты сочли весьма своевременным, взамен сократившейся базы снизу, заручиться поддержкой католицизма «сверху» и поспешили заключить соответствующий конкордат с Ватиканом (Вольдемарас—Гаспарри), подписанный в Риме 27 сентября 1927 г.² Воспроизводя в основном польский и латвийский конкордаты, литовский имеет от них некоторые отличия. Духовенство освобождается от воинских обязанностей даже «в случае поголовного восстания» (ст. 5); религиозное обучение обязательно «во всех школах общественных или субсидируемых государством» (ст. 13); духовенство уполномочивается на ведение актов гражданского состояния (ст. 14); церковный брак имеет юридическую силу (ст. 15) без всяких дальнейших гражданских формальностей; право «патроната»—при замещении церковных должностей, принадлежавшее как государственным органам, так и частным лицам (например, домовые церкви),—остается в силе (ст. 19); кроме находящихся в обладании церкви имуществ за ней закрепляются (ст. 22) имущества, ранее принадлежавшие католической церкви и истребованные литовским правительством от иностран-

¹ «Osservatore Romano» от 5/VII 1925 г.

² Текст см. «Europe Nouvelle», 1928 г., № 520, стр. 122—124.

ных государств, кроме конфискованных бывшим царским правительством церковных имуществ, судьба которых имеет быть урегулирована специальным соглашением. Правительство сохраняет в силе все дотации, до настоящего времени выплачивавшиеся из средств казны католической церкви (ст. 23), с обязательством повысить их размер «в той же пропорции, как и для других отраслей государственного управления»; за отставным духовенством признается право на получение государственной пенсии (ст. 24). Одним словом, католическая церковь не слишком требовательна и щепетильна в выборе своих хозяев: и также готова служить литовскому фашизму, как и его старшим коллегам (в Италии, Испании, Польше и др.) что, разумеется, не препятствует значительной части литовского духовенства—выполнять в той же самой Литве, в подходящий момент—и роль агентуры «соседнего государства» (Польши).

ГЛАВА VIII.

«КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В АМЕРИКЕ».

Католическая церковь в САСШ. Внешняя сторона взаимоотношений Ватикана с Северо-американскими соединенными штатами не блещет изобилием фактов. Наиболее крупным из них можно считать сближение в предверсальский период между мирной платформой американского капитализма (пресловутые «14 пунктов Вильсона») и мирными предложениями папы Бенедикта XV. Из изложенного в предшествующих главах в достаточной мере ясно, что это совпадение было отнюдь не случайным, и что церковно-пацифистская маска, особенно в ее американской обработке,—весьма подходящий наряд для гегемонов современного империализма¹, каковое обстоятельство дало повод итальянским публицистам не без остроумия отметить сродство двух «пап»—римского и вашингтонского. Затем последовал визит президента САСШ Вильсона к «ватиканскому узнику» (1919 г.) и разговоры об организации посольства САСШ при Ватикане. Впрочем республика доллара предпочла в дальнейшем, не афишируя своих сношений с курией, иметь при последней своего неофициального «тайного чрезвычайного посла».

В ноябре 1921 г. по случаю созыва Вашингтонской конференции по ограничению морских вооружений папа обменялся с президентом Гардингом сочувственными телеграммами.

В 1922 г. папа назначает американцев (Вольш и др.) руководителями отправляемой в СССР «католической миссии помощи голодающим» (см. ниже гл. X). К 1923 г. относится прием в Риме американской делегации «рыцарей Колумба». В 1924 г. происходит возведение в кардинальское достоинство американских епископов. Этим открывается эра так называемой «американизации» Ватикана, получающая свое идеологическое оформление в Чикагском евхаристическом конгрессе 1926 г.—этой исключительной по масштабу манифестации американского като-

---

¹ См. Von Lams, стр. 480.

лицизма, и материальную базу в виде громадных средств, извлекаемых от американских католиков (бессрочный заем на капитальное строительство в Ватикане, кампании католической помощи голодающим и пр.) в сокровищницу св. Петра. В 1928 г.—новый контакт на почве заключения «пакта Келлога», давшего повод католической прессе утверждать, что честь изобретения пакта о запрещении войны принадлежит Ватикану, в лице Пия IX, еще в 1863 г. выступившего с соответствующим проектом¹.

Последняя страница американско-римской хроники—примирение католической церкви и государства в Мексике в 1930 г. при посредничестве правительства САСШ.

Согласно статистическим данным «указателя католической прессы» (Catholic Press Directory), общее число католиков в САСШ определяется в настоящее время цифрой в 21 млн. чел. Таким образом католическое население Северной Америки за последние 20 лет увеличилось на 10 млн., «за последнее пятилетие—на 4½ млн. В начале XIX в. в САСШ имелось всего 1 епископ, 50 католических священников; тогда как теперь число епископов перевалило за 100, священников уже около 16 тыс. и 13 тыс. католических церквей².

В 1926 г. в католических начальных школах в САСШ обучалось 2 111 560 детей (за 2 года прирост в 74 991 учащийся). В католических средних учебных заведениях обучалось 204 815 чел., а в высших—74 849 чел. Одних учителей начальных школ имелось на службе католической церкви 55 155 чел., из них 50 931 монахов и монахинь³.

Организованность и активность американских католиков служит предметом зависти для других американских церковников.

«Единственной церковью в Америке, которая выполнила лежащий на ней долг религиозного воспитания детей, является католическая церковь»—таково признание нью-йоркского раввина Нотана Красса⁴. Один из видных представителей американского протестантизма Д. Д. Чэпмэн на страницах журнала «Форум» (апрель 1925 г.) констатирует ряд новейших достижений католических организаций в САСШ⁵: «Холмы наши покрылись все-

¹ См. «Correspondant», 1928 г., № 1579 — Un précédent pontifical. — Le pape Pie IX et la guerre hors la loi, стр. 98—114.

² См. E. Dimnet, Organisation et méthode chez les catholiques américains, «Correspondant», 1922 г., 25/II, стр. 581.

³ См. Bernard Fay, La situation morale du christianisme aux Etats Unis, «Correspondant» 1928 г., № 1577, стр. 666.

⁴ Ф. Грант, Религия на службе американского капитала, М. 1922, стр. 87.

⁵ Там же, стр. 82.

возможными коллегиями, женскими монастырями и семинариями. Наступление римской церкви на общественные школы было длительным, упорным, организованное и успешное. Влияние, которым она пользуется в публичных библиотеках, книжных магазинах, издательствах, редакциях, а также в радио- и кинопредприятиях, есть факт слишком общеизвестный. Наряду со всем этим она установила шпионаж над частными предприятиями, сопровождаемый угрозами бойкота по отношению ко всякому купцу, которого она заподозрит во враждебном к ней отношении. Она ввела своих представителей в комитеты всех благотворительных учреждений, исправительных заведений и организаций общественного воспитания и т. д.». Действительно, американская католическая церковь—одна из немногих церковных организаций, которая открыто и последовательно сумела переустроить все свои организационные методы и формы по модернизированному типу современного крупнокапиталистического предприятия ¹. Мы имеем здесь и точный учет, по карточной системе, всех членов церковных общин и их материальных ресурсов, с особым учетом всех католиков, могущих быть использованными в той или другой специальной области; и оперативный центр, в виде Национального католического совета, руководящего рядом комитетов и секций (образования законодательства социальной деятельности светских организаций, печати), проводящий время от времени в общеамериканском масштабе целевые кампании по сбору пожертвований и средств («drive»); наконец, имеется налицо обширнейшая сеть содержимых церковью и ею контролируемых «гуманитарных» учреждений, всевозможного наименования и вида (клубы, школы переподготовки, биржи труда, ясли, бюро справок и т. д.—см. выше гл. I) ². Наконец, исключительная по масштабу и затратам, подлинно «американская» реклама, в качестве орудия церковной агитации и пропаганды. Типичный образчик последней—Чикагский евхаристический конгресс ³. Тут фигурировал и «кардинальский поезд», для перевозки прелатов, составленный из спальных вагонов, окрашенных в пурпуровый цвет, с наружной вывеской над каждым купе, с указанием титула и фамилии прелата, обедни, отправляемые при помощи громкоговорителей с 2 тыс. священников одновременно, хоры

¹ См. об этом E. Dimmet, цит. соч., стр. 585 и сл.

² См. P. Flynn, Au congrès eucharistique de Chicago, «Correspondant», 1926, № 1534, стр. 481—502.

³ См. M. Lewandowsky, Les oeuvres catholiques de charité aux États Unis, «Correspondant», 1924 г., № 1481, стр. 895—904.

певчих в несколько десятков тысяч человек, единовременное причащение 1 300 тыс. богомольцев и т. д.

Могучими рычагами католического влияния в САСШ являются различные, частью тайные («рыцари Колумба»), частью открытые («общество святого имени Иисуса» и др.)¹ братства и ордена. Из них на первом месте следует поставить «рыцарей Колумба», с его 700 тыс. членов, своеобразную боевую церковно-политическую организацию, построенную по типу Ку-Клукс Клана, широко субсидирующую «борьбу с марксизмом»², борющуюся за интервенцию в Мексике и в 1926 г. открывающую особый миллионный фонд для «борьбы с большевизмом».

Церковь на службе нефтяного и алкогольного капитала. Широко сотрудничая в различных областях с различными элементами американского правящего класса, католические церковные организации оказались особенно тесно связанными с нефтяным (Мексика) и алкогольным капиталом. Связь с последним выразилась в той резко антипрогибиционистской позиции (против законодательного запрещения спиртных напитков), которую заняли церковные организации, аргументируя лозунгом индивидуальной свободы³. Отсюда избирательный лозунг прогибиционистов (сторонники запрещения)—«против Рима и рома». И отсюда же активное выступление католиков на последних президентских выборах 1928 г., в качестве сторонников кандидата демократической партии нью-йоркского губернатора А. Смита. С этим последним вопросом связана любопытная полемика между Маршаллом и Смитом и значительные разногласия среди самих католиков, не лишённые принципиального значения.

В апрельском номере журнала «Atlantic Monthly» К. Маршалл обратился с открытым письмом к Смиту, спрашивая его—совместимы ли обязанности верующего католика с функциями президента САСШ, поскольку католик, вопреки конституции, не может одинаково терпимо относиться ко всем вероисповеданиям. Смит, в свою очередь, ответил обстоятельным письмом⁴, где развивал мысль об общих интересах, объединяющих все религиозные культы, и о необходимости тесного их сотрудничества, высказывался в пользу отделения церкви от государства, развивая мысль «кесарево—кесарю, божье—богу» и ссылаясь на

¹ B. Fay, *La situation morale du christianisme aux Etats Unis*, «Correspondant», 1928 г., № 1577, стр. 666.

² Ф. Грант, *Религия на службе американского капитала*, стр. 84—85.

³ См. об этом B. Fay, стр. 662.

⁴ Текст письма см. «Europe Nouvelle» 1927 г., № 492, стр. 938—943.

писания американских католических прелатов (Джеббонс, Йоланд), доказывал, что католик вправе отвергнуть всякую попытку вмешательства своих духовных властей в вопросы гражданские или политические. Весьма характерно (и это было отмечено французской печатью), что «либеральные» теории Смита, ни в какой мере не соответствующие всей традиционной практике католицизма, не вызвали ни малейшего осуждения Рима, в то самое время, когда последний предавал анафеме адептов «Action Française» за значительно меньшие отклонения от чистоты католической традиции—лишнее доказательство того, что и к вопросам вероучения Ватикан умеет подходить, «оценивая всю совокупность обстоятельств времени и места»¹. С точки зрения политической, письмо Смита интересно для нас как яркая иллюстрация того, что свобода совести и ее американско-капиталистической интерпретации является в глазах воинствующего католицизма (по собственному призванию Смита, его ответное **письмо**—плод коллективного творчества с иезуитом Ф. Дуффи) совершенно достаточной гарантией католического «процветания» (prosperity) в САСШ. Не менее показателен в этом смысле конфликт, разыгравшийся вокруг кандидатуры самого Смита. Еще в 1927 г. со стороны католического епископата высказаны были серьезные сомнения² в уместности добиваться президентского поста для католика. Аргументация была примерно нижеследующей³: стоит ли портить налаженные отношения с протестантскими правящими кругами САСШ и принимать на себя ответственность за достаточно щекотливые операции (в роде интервенций в Центральной Америке), коль скоро можно достигнуть того же самого руками протестантов. А какого рода услуги могут «добрые» протестанты оказать католицизму, видно хотя бы из решения Северо-американского верховного суда, отменившего как неконституционный закон одного из штатов, обязывавший население отдавать детей в государственные школы, и признававшего тем самым за католиками по всей Америке право на религиозные школы. Однако другая часть католиков, более далекая от высокой политики прелатов, горячо высказывалась за Смита, полагая, что овладение вершиной американского правительственного аппарата будет, во всяком случае, не бесполезным для закрепления позиций католицизма в САСШ⁴. Спор, как известно, разрешился фактом поражения

¹ «La Croix» от 7/VI 1927 г.

² «См. В. Fäy, стр. 671 и сл.

³ New World» от 27/I 1928 г.

⁴ «Commonweal» от 14/III 1928 г.

Смита на выборах и избранием в президенты кандидата республиканской партии Гувера.

По вопросу о социальной роли католических организаций в САСШ мы должны констатировать, что времена Мак-Глины, Мак-Гради и Гагерти, которые совмещали свои католические убеждения с участием в революционной борьбе, как отражения революционных течений¹ среди неквалифицированной романской эмиграции, ушли в далекое прошлое.

В Америке, гласит недавний афоризм небезызвестного иезуитского патера Дuffи, «католическая церковь не занимается политикой, она посвящает себя двум великим целям—религии и финансам»².

Церковь и американский тред-юнионизм. Было бы излишним подробно распространяться об услугах, оказанных католиками американской плутократии: в работе Ф. Гранта «Религия на службе американского капитала» приведен ряд ярких примеров³. Ограничимся поэтому лишь несколькими иллюстрациями. «Все сознательные патриоты и все разделяющие христианские взгляды на общество и цивилизацию,—заявляет один из идеологов американского католицизма проф. Райан,—должны радоваться тому, что рабочее движение в Соединенных штатах организовано согласно с духом и принципами Американской федерации труда. В этом отношении между большинством европейских государств и САСШ лежит резкое и глубокое различие. По ту сторону Атлантического океана рабочее движение имеет характер в значительной степени коммунистический и социалистический, или иным образом враждебный христианским принципам. Особенно должны быть рады этому мы, католики, ибо мы понимаем, какой огромный вред принесли делу католицизма враждебные рабочие организации в Европе»...

Заслуги католицизма оценены по достоинству правящими кругами САСШ. Если раньше они довольствовались тем, что отмечали своим присутствием открытие каждого нового католического учреждения⁴, то уже на Чикагском конгрессе 1926 г. северо-американский министр труда в патетической речи назвал церковь «алмазной плотиной», преграждающей дорогу «волнам

---

¹ См. К. Каутский, Социал-демократия и католическая церковь, сб. «Очередные проблемы международного социализма», стр. 217.

² В. Фау, стр. 677.

³ Ф. Грант, гл. VII, «Римско-католическая церковь на службе у миллиардеров», стр. 77—88.

⁴ F. Klein, Du tort que nous fait aux Etats Unis la politique anticlericale, «Correspondant», 1924 г., № 1491, стр. 322.

революции»¹. Если к этому добавить, что личный состав американской полиции как общей, так и политической в значительной своей части состоит из ирландцев, составляющих одновременно «актив» и католических церковных общин², то картина сотрудничества и «срастания» между католической церковью и американским капиталом получится достаточно полная.

Дела мексиканские. Нам остается теперь дополнить ее несколькими штрихами, характеризующими это сотрудничество на международно-политической арене.

Первым и ближайшим для него поводом послужили события в Мексике. Протестуя в 1928 г. против поездки одного из членов канадского правительства в Мексику, католический епископ Онтаро в открытом письме к канадскому премьеру охарактеризовал правительство последней как «ассоциацию бандитов и убийц»³. Действительно, борьба церкви с государством в Мексике насчитывает за собою почти столетнюю давность. Закон 1833 г., воспрещающий служителям культа преподавание в общественных школах, закон 1860 г. об отделении церкви от государства, закон 1873 г., воспрещающий выполнение обрядов культа вне церковных зданий, закон 1874 г., запрещающий ношение церковной одежды вне церкви, и, наконец, конституция 1917 г.⁴—таковы важнейшие этапы этой борьбы. По собственному признанию католических писателей⁵, мотивы борьбы государства с церковью сводились столько же к борьбе «с обскурантизмом», характерной для эпохи «просветительства» и борьбы местной буржуазии с остатками испанского феодального прошлого, сколько к попытке почти всех буржуазных правительств Мексики использовать крупнейшую церковную земельную собственность (составлявшую в прошлом столетии $\frac{1}{3}$ всего мексиканского земельного фонда) для смягчения аграрного кризиса. Отсюда союз между церковью и крайними консерваторами (владельцами латифундий—«уациенд»), с одной стороны, и неизбежная борьба с церковью всех «либеральных» правительств, вплоть до умеренно-социалистических Обрегона, Кайеса⁶. Но та же самая программа аграрных реформ мексиканской либеральной

¹ «Nouvelles religieuses» от 15/X 1926 г.

² Ф. Грант, стр. 86.

³ G. Lechartier, Le martyre du Mexique, «Correspondant», 1928 г., № 1578, стр. 822.

⁴ M. Brunot, Le conflit actuel de l'Eglise au Mexique, «Europe Nouvelle», 1927 г., № 464, стр. 21—24.

⁵ G. Lechartier, стр. 827.

⁶ См. R. A. Metale, Die neue mexikanische Kulturkampfgesetzgebung, «Zeitschrift für off. Recht», 1929 г., VIII, 2, стр. 281—297.

буржуазии, которая сталкивала ее с церковью, приводила либералов к столь же острому конфликту и с северо-американским капиталом, владельцем крупнейших нефтеносных земель в Мексике. Отсюда весьма показательный синхронизм (совпадение во времени) развития антикатолической и антиамериканской политики и обратно—в отношении прорывов и капитуляции мексиканской буржуазии как на том, так и на другом фронте.

Быстро оправившись после ударов 1917 г., католические организации Мексики к 1920 г. имели нижеследующие достижения (свидетельство католического писателя иезуита Бубэ): «возврат конфискованных недвижимостей», «в некоторых местах—возвращение католических преподавателей», основание ряда печатных изданий (из них крупнейшее—«Revista Social»), образование «национальной ассоциации отцов семейства», «братств христианских школ» (изгнанных из Франции), организация «католической ассоциации мексиканской молодежи», «аграрной лиги», христианско-демократической партии и т. д. ¹ Все эти объединения заняли непримиримо враждебную в отношении правительства и его мероприятий позицию, начиная с самого архиепископа Мексики (Мора дель Рио), который публично и «неопровержимо» (по словам вышеупомянутого Бубэ) доказал неправильность и «революционность» аграрной реформы ².

Тщетно пытался президент Обрегон (письмо от 27 января 1923 г.) убедить католических епископов, что социальные реформы являются «делом благочестивым» и отнюдь не противным христианству, прелаты, озабоченные гораздо больше имуществом церкви, чем ее учением,—«неизменно выступали», по свидетельству Национальной аграрной комиссии, «на стороне помещиков». Окрыленные внешним успехом Мексиканского евхаристического конгресса 1924 г., католические прелаты ответили на «миротворческие» жесты правительства созданием «Лиги религиозной защиты» и объявлением открытой войны правительству. В 1925 г. глава мексиканского духовенства выступил в печати с протестом «против законов, противных естественным правам католиков, уничтожающих брак посредством развода, лишаящих отцов возможности давать своим детям подлинно христианское воспитание, препятствующих свободному отправлению культа и т. д.».

«В этой кампании будут применяться средства, аналогичные тем, которыми пользовались кардиналы и епископы Франции... Католические объединения в настоящий момент организуются

---

¹ М. Brunot, стр. 22.

² «El Universal» от 30/XII 1924 г.

и скоро начнется национальная борьба против светского законодательства»¹. Правительство, со своей стороны, ответило более строгим применением «светских законов», что повлекло за собою закрытие монастырей, высылку служителей культа—иностранных, в том числе и папского делегата Каруана, прибывшего в Мексику инкогнито, по американскому паспорту, соответствующие аресты и, наконец, издание закона (14 июня 1926 г.), усилившего уголовную санкцию за нарушение светского законодательства. Ватикан реагировал рядом выступлений (речь папы Пия XI от 14 декабря 1925 г., письмо его же от 3 апреля 1926 г., послание от 2 июля 1926 г. о молитвах за преследуемых, энциклика от 18 ноября 1926 г.), клеймя «произвол и жестокость» безбожного правительства. В пылу борьбы и переоценив свои силы, св. престол попробовал воскресить практику средневекового отлучения—интердикта, и 21 июля 1926 г., «будучи спрошен верующими мексиканцами—позволительно ли, для избежания великих бедствий, подчиняться требованиям закона», ответил, что «он осуждает закон и одновременно всякое действие, которое могло бы обозначать принятие или признание самого закона, или быть истолковано в качестве такового верующим населением»². На этом основании мексиканское духовенство объявило верующим в «пастырском послании», что «священники удалятся из церквей и богослужения прекратятся, как только начнут применяться новые религиозные законы». Правительство сделало новую попытку компромисса, и президент Кайес (август 1926 г.) «в вежливой беседе» с двумя руководителями мексиканского епископата (Руиц и Диац) высказался за открытие церквей, при условии признания духовенством, в соответствии с конституцией, церковных зданий государственной собственностью. «Прелат ответил,—гласит официальное сообщение,—что они не могут согласиться на это вследствие инструкций, данных им на этот предмет папой»³.

За этим последовала со стороны церковников попытка открытого мятежа и террора, вплоть до покушений на Кайеса и убийства бывшего президента Обрегона. Правительство ответило суровыми репрессиями (расстрел нескольких десятков католических священников, почти поголовные аресты епископов и т. д.). Лига религиозной защиты выставила лозунги—«бойкот правительственных школ, антикатолических журналов и магазинов».

¹ «La Croix» от 24/X 1925 г.

² «Osservatore Romano» от 11/VIII 1926 г.

³ «Nouvelles religieuses» от 1/IX 1926 г.

«ограничение до минимума расходов—ни праздников, ни балов, ни театров, ни кино». На что правительство реагировало ироническим замечанием, что подобного рода действия только облегчат экономическое положение страны.

20 июня 1927 г. папа выступил с новой речью, где, оплакивая участь Мексики, «окровавленной на защите религиозной свободы», прозрачно намекнул ¹, что основная причина как мексиканских, так и китайских событий—коммунистическая пропаганда и происки («зараза учений, разбрасываемых открыто и тайно в целях ниспровержения человеческого общества и государственной организации, распространяющихся как смертельный яд в жилах общества») и преступное бездействие других правительств.

Между тем правительство САСШ сменило своего посла в Мексике, назначив на этот пост Морроу, бывшего директора и компаньона знаменитого Моргана. Одновременно Национальный католический совет в САСШ и «рыцари Колумба» открыли кампанию за немедленную интервенцию в Мексике; на Панамериканской конференции в Гаванне (1928 г.) правительственный делегат САСШ Ч. Юз выступил с принципиальным обоснованием права правительства САСШ вмешиваться в дела «республик-сестер». Двойной аргумент—доллара и интервенции оказался неотразимым для мелкобуржуазного правительства Мексики: 27 марта 1928 г. было опубликовано соглашение между САСШ и Мексикой, удовлетворяющее в основном все требования американских собственников ², а двумя неделями позже последовала декларация президента Кайеса о свободе культа, подкрепленная заявлением министра народного просвещения Кассаурано (от 15 апреля 1928 г.), квалифицирующего как «совершенную ложь» утверждение, что «революция якобы хотела вырвать из сердца мексиканцев верования, исповедуемые ими в течение стольких столетий, и уничтожить религию, унаследованную от наших предков» ³.

Прошел еще год. Мексиканская буржуазия продолжала свою политическую эволюцию. Правительства Портес Хилья и Ортис Рубно сменили Кайеса. «Дружба» с великим соседом (САСШ), подкрепляемая займами и концессиями, росла и прочилась. Посредническими усилиями того же Морроу состоялось окончательное примирение между правительством и церковью в Мексике.

¹ E. Pucci, L'allocution consistoriale du 20 juin, «Europe Nouvelle», 1927 г., № 490, стр. 862—864.

² Текст мексиканского закона о нефтеносных концессиях см. в «Europe Nouvelle», 1927 г., № 467, стр. 116—117.

³ G. Lechartier, стр. 835.

Церковные организации получили свою долю среди возвращенных собственникам концессий. И оборотной стороной новоявленной дружбы явился ничем необоснованный (кроме, разумеется, трафаретного мифа о вездесущей коммунистической пропаганде) разрыв дипломатических сношений между Мексикой и СССР¹.

Ватикан и Аргентина. Переходя к другим государствам американского континента, мы должны отметить, что отношение между курией и Аргентиной носили довольно напряженный характер из-за длительного спора (с 1923 г.) о порядке замещения свободных епископских кафедр. В 1925 г. дело доходило до угрозы высылки папского нунция и до вмешательства в конфликт английского посла². Если вспомнить, что до переворота 1930 г. английское влияние безраздельно господствовало в Аргентине, борясь там с северо-американским «проникновением», то загадка прохладных отношений между курией и аргентинским правительством напрашивается сама собой.

Ватикан и Бразилия. Бразилия напротив, поддерживала весьма дружеские сношения с Римом: визит президента папе, совместное празднование столетия бразильской независимости (1922 г.) и другого юбилейного столетия (1926 г.)—дипломатических сношений с Ватиканом.

Церковь в Чили. Отделение церкви от государства в Чили (1925 г.), послужившее временным поводом к некоторой напряженности отношений и квалифицированное папой как несоответствующее «ни учению церкви, ни человеческой природе»³, не только не послужило источником дальнейших трений, но, по свидетельству католического историка в де ла Бриер, «возродило под другим названием нечто в роде желанного союза между светской и духовной властью»⁴.

Церковь в Перу. Отношения между Перу и Ватиканом не оставляли желать большего (награждение президента папскими знаками отличия, особый благодарственный адрес папе от перуанского парламента и т. д.).

Венецуэла. В Венецуэле весьма суровое для церкви законодательство (законы Бланко) фактически не применялось.

Боливия и Парагвай. Наконец пограничный конфликт между Боливией и Парагваем 1928 г. послужил поводом для тройного вмешательства—папы, Лиги наций (Бриан) и северо-

¹ См. подробности Ф. Грант, *Борьба против религии в Мексике*. М. 1930.

² Von Lama, стр. 454—458 и Ives de la Brière, т. II, стр. 193.

³ «Osservatore Romano» от 14—15/XII 1925 г.

⁴ Ives de la Brière, т. II, стр. 192.

американского правительства. Из почтительного ответа президента Боливии (20 декабря 1928 г.) папе в достаточной мере ясно, что папское вмешательство шло по одной линии с политикой САСШ («следуя этому правилу, Боливия поручила добрым услугам Вашингтонской конференции рассмотрение своего серьезного конфликта с Парагваем») ¹. Если добавить к этому, что спорный участок является нефтеносным, то отсюда ясно, что запахом нефти проникается все больше и больше вся католическая международная акция в Америке.

---

¹ См. текст переписки «Europe Nouvelle», /1929, № 580, стр. 390—391.

ГЛАВА IX.

«КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В АЗИИ, В АФРИКЕ, В КОЛОНИЯХ И ПОЛУКОЛОНИЯХ».

Мы уже имели неоднократно случай (см. гл. I, II, IV и др.) останавливаться на этой политической роли, которую играют на службе современного империализма в колониях его и полуколониях религиозно-миссионерские организации вообще и католические в частности¹. Во избежание повторений мы ограничимся в настоящей главе, посвященной колониальной деятельности современного католицизма, лишь теми ее моментами и теми странами, которые в предшествующем изложении не были нами достаточно освещены.

Католицизм на колониальной службе португальского правительства. Существенное, чтобы не сказать решающее, значение для примирения Португальской республики с римской курией (см. выше гл. VI) имел вопрос церковного статута индо-китайских португальских колоний (Гоа, Дамаун, Диу, Макао).

Еще в прошлом столетии (30-е годы) Ватикан, под предлогом недостаточного рвения португальского правительства к обращению туземцев в христианство, попытался поручить эту задачу в португальских владениях испытанной энергии французских миссионеров, тем самым недвусмысленно содействуя подготовке захвата со стороны Франции последних остатков португальской колониальной империи. Протесты Португалии завершились разрывом с Ватиканом и так называемой «португальской схизмой»², ликвидированной конкордатом 1857 г. Уклонение Ватикана от выполнения условий конкордата 1857 г. привело к подписанию

---

¹ См., напр., М. Зоева, *Империализм и религия в колониях*, М. 1930.

² См. об этом De Bussières, *Histoire de Schisme portugais*, P. 1912, или A. Lasenay, *Histoire des missions le l'Inde*, P. 1898 et *Histoire des missions de Chine*.

нового конкордата 1886 г. и ряда дополнительных к нему соглашений (1887, 1890, 1891 гг.).

Получив, в результате республиканского переворота (1910 г.) в Португалии и отделения церкви от государства (1911 г.) полную свободу действий, Ватикан не замедлил использовать таковую, ориентируясь теперь уже не на Францию, но, что еще опасней для португальских правящих кругов, на Англию—этого главного претендента на португальское колониальное наследство¹. Так, впервые в истории Индии, на пост католического епископа Бомбея оказался назначенным англичанин (1919 г.). С другой стороны, та географическая «чересполосица», в которой находятся колонии Португалии, держала португальское правительство под постоянной угрозой передела церковных округов и административных делений, сопряженного с возможностью значительного материального ущерба (по букве канона 1500) для португальских церковных юридических лиц и их имущества; так, например, при расчленении католической епархии в Кантоне, французские епископы должны были поступиться значительной частью своих доходов и имуществ в пользу епископа итальянского (1920 г.) и ирландского (1924 г.).

Наконец революционно-освободительное движение в Индо-Китае (ср. события в Британской и в Голландской Индии), грозившее подрывом господства империалистических титанов, являлось, естественно, еще более грозным для мелких империалистических хищников португальского типа.

В результате чего португальское правительство признало необходимым выступить с соответствующим контрманевром, обещанным в соглашении между римской курией и Португалией от 15 апреля 1928 г.². Соглашение, подписанное со стороны Ватикана кардиналом Гаспарри, состоит из девяти статей, важнейшие из которых касаются: расширения церковно-административных границ португальского архиепископства Гоа (ст. 1); замещения архиепископства бомбейского «поочередно» лицами португальской и британской национальности (ст. 3); сохранения за португальскими церковными организациями, несмотря на любое изменение церковно-административных границ, всего принадлежавшего им ранее имущества (ст. 5). Ст. 6 определяет новый порядок назначения на епископские должности в португальских колониаль-

---

¹ Ср., например, повторные попытки английской интервенции в португальских колониях — под предлогом «борьбы с рабством» и см. В. Егорьев, Рабство в наши дни, М. 1929.

² Текст соглашения см. «Europe Nouvelle», 1928 г., № 555, стр. 1328—1330.

ных епархиях, в том числе и в тех, которые в настоящее время находятся на территории Британской Индии: кандидат назначается папой и сообщается португальскому правительству; последнее, «если кандидат не встречает затруднений политического характера» представляет кандидата, уже как своего собственного, святейшему престолу, после чего производится одновременное опубликование двух декретов (папского и португальского правительственного) о назначении епископа. При этом ст. 6 предусматривает порядок ведения предшествующих назначению сношений «через апостолического нунция в Лиссабоне или через Португальское посольство при Ватикане» (пункт «в»), предполагая тем самым обязательное наличие дипломатических сношений между курией и португальским правительством.

Столь тесное сотрудничество властей «светской республики» и римского первосвященника не является для нас несколько неожиданным, но всецело соответствует общей линии современного капиталистического общества, вожди которого (в роде Бриана и многих других) давно уже отказались от боевого антиклерикализма своей более или менее «бурной» юности, поняв, что в борьбе с теми силами, которые грозят существованию капиталистического строя, церковь вообще и католической в особенности, не следует, по меньшей мере, пренебрегать. Отсюда чрезвычайно курьезное положение правоверных католических публицистов, горячо протестовавших против требования португальского правительства («этих людей, которые открыто и официально исповедуют безбожие») участвовать, на правах бывших португальских королей, в церемонии назначения нового португальского кардинала Локателли¹ и вынужденных год спустя, после того как, по обоюдному согласию португальских «радикалов» и ватиканских пастырей, означенная церемония была все же выполнена, доказывать с пеной у рта, что «можно рассматривать этот акт как подлинный триумф Ватикана»².

Католическая церковь в Китае. История взаимоотношений Ватикана с Китаем может быть разбита на два обширных периода: первый, охватывающий доимпериалистическую эпоху, и второй, соответствующий последней. В свою очередь, второй можно разделить: 1) на довоенный период, 2) на время от мировой империалистической войны и до подъема национально-революционного движения в Китае и 3) период китайской контрреволюции.

---

¹ См. «La Croix» от 22/IV 1922 г.

² «La Croix» от 6/I 1923 г.

Католицизм в довоенном Китае. Первые же «неравноправные договоры», навязанные капиталистическими государствами Китаю закрепляют привилегированное положение миссионеров. Наиболее в этом смысле показательна ст. 13 франко-китайского Тяньцзиньского договора 1858 г., послужившая прототипом для других договоров с Китаем (ср., напр., ст. 29 американского договора и др.): «Так как христианская религия имеет основной целью вести людей к добродетели, то члены, всех христианских исповеданий будут пользоваться полной безопасностью в отношении своей личности, своего имущества и свободного отправления своих религиозных потребностей; действительное покровительство будет оказано миссионерам, мирно отправляющимся в глубь страны, снабженным законными паспортами, о которых сказано в ст. 8». Ст. 8 предусматривает свободный доступ во все местности Китая—на основании выдаваемых французскими дипломатическими и консульскими агентами паспортов. Комментируя эту статью на страницах своей «Белой книги»¹, Ватикан не без основания указывал, что «статья 13 Тяньцзиньского договора предоставляет Франции самое широкое право покровительствовать во всей Китайской империи лицам и учреждениям не только католическим, но и христианским, каково бы ни было их исповедание, даже еретическое и схизматическое, и какова бы ни была их национальность—даже китайская. Никакая другая держава не получила от этого правительства права покровительства столь общего. Действительно, в то время как державы имеют право покровительства, вытекающее из международного права и ограниченное их собственными подданными, только одна Франция, в силу Тяньцзиньского договора, имеет общее право, делающее ее покровительницей не только католицизма, но и христианства в Китае». Положение это в течение ряда лет признавалось и римской курией и китайским правительством. «Это (т. е. французское) покровительство должно быть свято соблюдено везде, где оно существует,—гласит циркуляр курии от 22 мая 1888 г.—Поэтому следует предупредить миссионеров, чтобы они обращались к консулам и другим агентам Франции каждый раз, когда они будут испытывать нужду в какой-либо поддержке»². Подобные же инструкции давало, со своей стороны, и китайское правительство местным своим властям (см., напр., циркуляр от 15 марта 1899 г.)³: «В случае

---

¹ «Livres Blanc du Saint Siège sur la Séparation», P. 1906, стр. 73.

² Белая книга, стр. 72.

³ Там же, стр. 74.

возникновения серьезных осложнений, каковы бы они ни были, в одной из провинций и невозможности урегулирования их по взаимному соглашению миссионеров с мандаринами, епископ и миссионеры на местах должны просить 'вмешательства посла или консулов той державы, которой папа доверил религиозное покровительство». О том, как понимала европейская буржуазия и ее колониальные агенты свою «религиозную миссию», не приходится много говорить: достаточно только привести франко-китайскую войну 1861 г., поводом для которой послужила казнь китайскими властями французского миссионера, виновного в подстрекательстве населения к восстанию, войну, закончившуюся рядом новых торговых и правовых льгот для французских купцов и товаров, или захват Германией Киао-Чао—в ответ на убийство двух германских католических миссионеров в Шаньдуне (1897 г.). Если вспомнить также, что в силу франко-китайского договора, «будет вполне в согласии с законом для французских миссионеров в любой из провинций взять в аренду или купить землю и построить дома», и что на основании этого католические миссии не замедлили обрасти крупной земельной собственностью (например в Шанхайском и в других сэттльментах); если к этому прибавить, что, по признанию самих европейских правительств (см., например, доклад французского посла в Пекине Жерара французскому министру иностранных дел Перье от 2 мая 1894 г.)¹, китайцев привлекали к католицизму «помимо религиозного призвания безопасность и преимущества, им предлагаемые» (так называемые «рисовые христиане»), то общая картина деятельности католических миссий в Китае, сложившаяся еще в XIX в., получится достаточно яркая².

«С 1886 г.,—пишет тот же Жерар в упомянутом докладе его французскому правительству,—на св. престол пытались воздействовать два влияния некоторых иностранных государств, в частности же Италии и Германии, указывавшие на опасности, которым подвергаются во время нашего конфликта с Китаем католики, смешиваемые под общим наименованием французов, чтобы рекомендовать св. отцу полезность и целесообразность разделить покровительство («протекторат») между различными католическими державами, представленными в Пекине. С другой стороны, Китай, при посредстве более или менее официальных агентов, старается убедить св. престол в том, что покровительство като-

---

¹ «Le Vatican et la Chine» см. «Europe Nouvelle», 1928 г., № 560, стр. 1520.

² См. М. Зоева, гл. IV.

ликам будет одновременно более легким и более надежным, если состоится непосредственное соглашение между императорским (китайским) правительством и римской курией. Именно с этой целью китайское правительство заключило с Германией и Италией соглашение о покровительстве их миссионерам»¹. Информация французского посла в Пекине соответствовала действительности, с той только поправкой, что в числе государств, настаивавших на религиозном «переделе» Китая, находились не только Германия с Италией, но и Англия. Делегация, в составе итальянского миссионера Джуланелли и Денна, английского начальника шанхайских таможен, вручила в 1885 г. римскому папе письмо китайского императора, с предложением об обмене постоянными дипломатическими представительствами. Несколько месяцев спустя, в результате переговоров между китайским правительством и кардиналом Галимберти, намечено было назначение епископа Аглиарди папским нунцием в Китай. Но подобное изменение религиозно-политического статус кво в Китае совершенно не соответствовало видам французских правящих кругов². Последние реагировали на ватикано-китайские переговоры сменой французских послов в Пекине (назначение Констана) и угрозой разрыва дипломатических сношений с Ватиканом (письмо Фрейсина, французского министра иностранных дел от 12 августа 1886 г.).

Уступая этой угрозе, Ватикан 12 сентября 1886 г. через своего государственного секретаря кардинала Якобини известил французское правительство, что св. престол, «учитывая всю совокупность современных обстоятельств, а также и новейшие сообщения, им полученные», решил отъезд своего представителя в Китай временно отложить», каковая отсрочка, как известно, продолжалась почти сорок лет...

Послевоенная политика Ватикана в Китае. Воспользовавшись обстановкой конца мировой империалистической войны, курия (под воздействием государств центрально-европейского блока) в июне 1918 г. сделала новую попытку вступить в непосредственный контакт с китайским правительством. Тай-Чен-Линг, посланник Китая при испанском и португальском правительствах, был назначен китайским представителем при св. престоле, а епископ Петрелли, «апостолический делегат» на Фи-

---

¹ Crispolto Crispolti e Guido Aureli, *La politica di Leone XIII*, Roma 1912, стр. 389 и сл.

² См. Debidour, *L'église catholique et l'Etat sous la troisième République*, т. I, стр. 367—368.

липпинских островах и в Японии, был назначен нунцием в Пекин¹.

Франция не замедлила снова выступить с резким протестом. Не имея возможности прибегнуть к угрозе разрывом—за отсутствием дипломатических сношений—с Ватиканом, французское правительство оказало соответствующее «союзное» давление на китайское, в смысле отклонения кандидатуры Петрелли, ввиду якобы германофильской его ориентации. Таким же манером была провалена и новая кандидатура (Пизани). Не имея больше возможности прикрываться отговорками личного свойства, французское правительство вынуждено было открыть свои карты и повторить (через Дени Кошена—полуофициального делегата Франции в Ватикане и статьи в офицозе французского министерства иностранных дел «Temps»)² старую свою версию—о несовместимости Тяньцзиньского договора с учреждением нунциатуры в Китае. Заслуживает быть особо отмеченным, как не лишнее глубококомыслия, французское предостережение о том, что пересмотр хотя бы одного неравноправного договора повлечет за собой пересмотр и остальных. Все более или менее убедительные соображения курии³ о полной совместимости французского религиозного протектората с пребыванием нунция в Пекине, равно как и попытка соблазнить французское правительство перспективой назначения нунция из числа французских прелатов, не сломили сопротивления Франции. Заручившись полупрохладной поддержкой Англии, Франция, с одной стороны, выступила в Риме от имени Антанты, а с другой—дала понять Ватикану, что его отказ от дипломатической связи с Китаем будет компенсирован возобновлением нормальных дипломатических сношений между Францией и курией.

Двойной демарш возымел свое действие, и 23 августа 1918 г. Лю-Чег-Сянг (китайский министр иностранных дел) заявил о прекращении переговоров с Римом.

Однако послевоенная мировая конъюнктура и, в частности, кризис самой Антанты отнюдь не благоприятствовали дальнейшему сохранению французской религиозной «монополии» в Китае, и таковая в течение ближайшего же пятилетия оказалась фактически похороненной.

В 1921 г. еп. Гебриан, апостолический викарий в Кантоне, назначается «апостолическим визитатором» в Китае, заменяемый год спустя (12 августа 1922 г.) итальянским епископом г. Фиуме

¹ Vol L а т а, стр. 492 и сл.

² «Temps» от 15/VIII 1918 г.

³ «Osservatore Romano» от 14/VII, 24/VII 1918 г.

Константини в качестве «апостолического делегата» в Китае. 8 ноября «делегат» папы прибывает в Гонконг. На запрос французского поверенного в делах статс-секретарь кардинал Гаспарри любезно разъяснил¹, что единственной целью назначения Константини был созыв поместного собора католических епископов в Китае, а если он и после этого собора все же остался в Китае, то исключительно для того, чтобы «наблюдать за проведением в жизнь его решений». Попытка французского посольства в Пекине заставить «апостолического делегата» сноситься с китайскими властями через французское посредство также успеха не возымела, и, к великому огорчению посольства, Константини, собственной персоной, предстал на новогоднем дипломатическом приеме у президента китайской республики. Несмотря на сугубо «временный» характер своей миссии, папский «делегат» на собранные среди китайских католиков деньги приступил к постройке дома для делегации—«убежища скромного, но достойного представителя папы», галантно позаботившись сохранить за этим зданием «чисто китайский стиль»².

В начале 1924 г. Константини созывает в Шанхае первый собор китайской католической церкви, значение которого разъясняет и подчеркивает Пий XI в своей речи 18 декабря 1924 г. Одновременно с этим происходит назначение первых католических епископов—китайцев по национальности и происхождению. В том же 1924 г. новый китайский президент Цао-Кун, извещая папу в собственноручном письме о своем избрании, заверяет о своей готовности приложить все силы, чтобы «дружба между Китаем и св. престолом стала бы еще тесней и крепче». Соответствующий ответ папы 17 июля 1924 г. был вручен его «делегатом» президенту на торжественной аудиенции. Не трудно вскрыть истинную подоплеку этой новоявленной «дружбы»: со стороны Ватикана и стоящих за ним групп—сознание недостаточности одной иностранной (французской или другой) государственной поддержки для дальнейшего церковно-политического «проникновения» и отсюда попытка создания в Китае новой опорной базы среди местной китайской буржуазии (ср. проблему так называемых «компрадоров»); со стороны последней—надежда, в достаточной мере платоническая, вернуть себе при содействии церкви хотя бы относительную свободу действий, в смысле выбора «хозяина» среди отдельных империалистических группировок.

---

¹ «Osservatore Romano» от 2—3/II 1925 г.

² «Osservatore Romano» от 12/X 1924 г.

Католицизм и китайское национально-революционное движение. Эта проблема со всей остротой стала пред обоими партнерами в связи с ростом национально-революционного движения в Китае, успехи и развитие которого грозили в равной мере благосостоянию как тех, так и других. Отходу от революции китайской буржуазии и контрреволюционному перерождению гоминдана (Чан Кай-ши и пр.) соответствует псевдо-революционная и националистическая фразеология Ватикана, пытающегося этой ценой (ср. также, например, северо-американские политические методы в Китае) спасти среди бурь революции церковную агентуру международного капитала. Приемы политического обмана и социальной маскировки тождественны и неизменны—и римско-шанхайская политическая лаборатория католических прелатов мало чем отличается от парижской парламентской кухни или женево-амстердамской стряпни социал-реформистов, социал-фашистов, всех оттенков и масти...

Отметим важнейшие этапы этой последней фазы ватикано-китайских взаимоотношений, фоном для которой явилась массовая ликвидация миссионерских станций и школ (по мере продвижения революционных армий) и паническое бегство самих миссионеров: по данным «христианского китайского ежегодника» за 1928 г., за время 1926—1927 гг. одних только протестантских миссионеров выехало из Китая свыше 3 тыс. человек.

На национальном соборе китайской католической церкви¹ папский делегат Константины наметил, в качестве ближайшей задачи католической церкви в Китае,—распространение католицизма руками самих китайцев: «Таково открытое желание св. отца (папы), чему он дал яркое доказательство путем назначения двух апостолических префектов китайской национальности; китайцы не только не должны перекладывать работы на наших миссионеров, но они должны вменить себе в обязанность сотрудничать вместе с ними».

Эти же мысли находят свое развитие в окружном послании того же Константины к китайскому духовенству², где, доказывая, что «позади католических миссий не скрываются никакие другие интересы и цели», кроме чисто религиозных (?!), что «общественное здание может прочно и твердо стоять только на неизменном и непоколебимом моральном фундаменте», почтенный прелат кончает признанием двух возможных для Китая путей исторического развития: «Или Китай пойдет вместе с нами или

---

¹ «Osservatore Romano» от 29/VI 1924 г.

² Von I. a m a, стр. 499.

против нас, т. е. или он будет спасен принципами христианства и станет великой и могучей нацией, или же он погрязнет в философском материализме и в анархии (читай—в революции), разрушающей все идеалы, всякую власть и всякий порядок...»

15 июня 1926 г. последовала папская энциклика (*Ab ipsis pontificatus*)¹ с попыткой своеобразного (чтобы не сказать запоздалого) противопоставления политики папства и империалистических держав в Китае: «не подлежит сомнению,—гласит энциклика,—что каждое государство, в силу собственного и естественного права, имеет обязанность защищать жизнь, права, имущества своих граждан, в каком бы месте земли они ни проживали; поэтому миссионеры также пользовались этим покровительством, в особенности когда они становились предметом преследований. По этой причине св. престол не отклонял подобного покровительства; но делая это, он не имел другой цели, кроме избавления миссий от произвола и насилий злодеев; напротив, он никоим образом не имел в виду содействовать возможным намерениям, которые могли питать иностранные правительства, одновременно с покровительством своим подданным».

За этим последовало рукоположение новых китайских епископов (всего 6), священников-китайцев и канонизация (объявление святыми) мучеников желтой расы.

1 августа папа обратился с особым посланием «к дорогим сынам—священникам и верующим и через них к высоко благородному народу этой страны»². Послание (кстати, в отличие от римской традиции, написанное не на латинском и не на французском, но на итальянском языке) заверяет, что римский папа «следил и следит с живым интересом за течением событий в Китае и первый (а СССР?) обращался с Китаем не только на началах полного равенства, но с подлинной и особой симпатией, собственноручно посвятив в Риме, в соборе св. Петра, первых китайских епископов». Посылая пожелания «мира длительного и плодотворного, внутреннего и внешнего», папа выражает надежду, что «для осуществления этого мира будут полностью признаны законные пожелания и права народа, наиболее многочисленного на земле, народа древней культуры, знавшего времена величия и славы, и которому, если он удержится на путях справедливости и порядка, обеспечена великая будущность». Католические миссии должны «внести свой вклад в дело мира, благосостояния и прогресса Китая», помня, что «католическая

¹ См. «Europe Nouvelle», 1928 г., № 560, стр. 1517.

² Текст послания см. «Europe Nouvelle», 1928 г., № 560, стр. 1518.

церковь исповедует, учит и проповедует уважение и повиновение законно установленным властям».

Послание заканчивается призывом к развитию церковно-общественной самостоятельности, указанием на необходимость вовлечения в нее китайской молодежи, повторными пожеланиями «мира и процветания» Китаю и «отцовским и апостольским благословением».

26 августа 1928 г. китайские епископы ответили папе прочувствованной благодарностью. Вместе с тем епископы сочли необходимым отметить, что им было нелегко «лояльно содействовать нашему народу в борьбе за будущее: столько печальных воспоминаний примешивалось к революционному началу нового порядка... столько христиан и священников пострадало от беспорядков, вызванных за последние годы усилиями коммунистов...»

Блок гоминдана с Ватиканом. Немедленно отозвалось и нанкинское правительство: 1) изданием «временного положения о миссиях в Китае»¹ и 2) письмом Ванг-Ченг-Пинга, министра иностранных дел, на имя папского делегата.

Согласно «временного положения» «все иностранные миссионеры, допущенные на основании постановлений договоров, заключенных между правительствами соответствующих государств и Китаем, к учреждению миссий и к открытию больниц и школ во внутреннем Китае, могут, от имени своих миссий, арендовать земельные участки, строить и нанимать недвижимости для вышеупомянутых целей» (ст. 1). Соответствующие арендные договоры представляются на предварительную регистрацию местных властей (ст. 2), каковые имеют право отказать в регистрации, если «арендуемый» участок или «число и размер недвижимости, подлежащих найму, сооружению или покупке», превышают потребности миссии (ст. 3). Точно так же разрешение не дается, а выданное аннулируется, если арендованный миссией участок «утилизируется в пользу какого-либо коммерсанта» (ст. 4).

Трудно согласиться с французскими юристами², считающими, что положение 1928 г. резко ограничивает права католических миссий в Китае. Важнейшие его нововведения касаются аренды, заменяющей прежнее приобретение на праве собственности, и обязательной регистрации сделок. Поскольку срок аренды в законе не указан, ничто не мешает иностранным миссиям широко

¹ «Osservatore Romano» от 15/VIII 1928 г.

² См., например, «Europe Nouvelle», 1928 г., № 560, стр. 1519.

практиковать долгосрочную аренду, как известно, в условиях колониальных, являющуюся обычной формой (ср. аренда Порт-Артура, Талиенваня и др.) маскировки территориальных приобретений; что же касается приобретения в собственность строений и зданий, то таковое и новым законом не ограничивается (ст. 3). С другой стороны, разрешительная политика местных властей будет естественно определяться удельным весом и общим направлением внешней политики китайской буржуазии. Поэтому, например, несмотря на новое «положение о миссиях», нанкинское правительство не только вернуло миссиям ряд зданий, у них ранее забранных, но даже компенсировало убытки некоторых из них. Если, тем не менее, прав Бертон, утверждающий в своем «Критическом обзоре достижений христианских миссий», что «христианство никогда не имело твердых позиций в Китае, а с развитием национализма в политике и рационализма в мышлении становится сомнительным, чтобы христианская церковь сумела в будущем даже удержать то, что она имела в Китае»¹, то во всяком случае в этом менее всего будут повинны сегодняшние хозяева Китая—в лице разложившегося гоминдана и генеральско-капиталистических кланов, находящихся на содержании у различных империалистических группировок. И поэтому, несмотря ни на какие нюансы юридической своей терминологии, положение 1928 г. имело несомненной целью не ликвидацию иностранных миссий, но легализацию дальнейшего их существования.

Второй из упомянутых нами документов—письмо нанкинского министра иностранных дел²—содержит выражение «живейшей благодарности» папе за «проявленное им благоволение к Китаю» и за его желание «делами религии содействовать восстановлению Китайской республики и утверждению мира», причем оказывается, что вдохновляющий нанкинское правительство «дух истинного миротворчества» «соответствует самым заветным пожеланиям римского первосвященника».

Римско-китайская идиллия была бы неполной, если бы она не имела бы и оборотной стороны, в виде жестокого предметного урока, преподанного главой католицизма тем китайским интеллигентам, которые имели наивность принять всерьез слова и заверения Рима. В разгар интервенции, в то время как орудия иностранных судов и десантов «христианских» государств расстреливали беззащитное китайское население Шанхая, Гонконга

---

¹ См. М. Зоева, стр. 38.

² «Osservatore Romano» от 30/IX 1928 г.

и других городов, профессора Пекинского университета обратились с телеграммой к папе, «как высшему представителю христианской религии», призывая его противопоставить духу ненависти и убийства, разжигаемому «людьми, воспитанными в христианстве», — «дух братства, являющийся глубочайшей основой христианской религии»¹. Ответ наместника Христа был краток: «Его святость выражает великому китайскому народу свое сочувствие, сожалеет о кровопролитии и шлет пожелания восстановления порядка».

Но когда в 1930 г. китайские красные части победоносно продвигались в Уханском районе, католический епископат проявил значительно большую активность и в словах и в действиях. «Говорят, что Америка использует Чан Кай-ши для империалистического захвата вашей страны, — пишет католический епископ Ухана² командующему одним из отрядов китайской красной армии, — и для убийства китайских рабочих и крестьян, но его преосвященство уверяет, что это неверно...» «Если бы ваш доблестный корпус пожелал войти в состав армии Чан Кай-ши, его преосвященство мог бы взять на себя роль посредника». Итак, последнее достижение ватикано-гоминдановского блока — католический епископат в роли агитпропа и вербовочного бюро для гоминдановских палачей.

Католическая церковь в Японии. Хотя Япония не принадлежит к числу колониальных стран, являясь сама империалистическим государством, но для географической полноты очерка коснемся здесь в двух словах политики католицизма в Японии³. На 50-миллионное население Японии насчитывается едва 80 тыс. католиков.

Со времени XVI в. (эпоха Григория XIII) случаи соприкосновения Ватикана с Японией были весьма немногочисленны. В 1919 г., в связи с мирными переговорами и в целях сохранения в бывших германских дальневосточных колониях католических миссий и их имущества, Ватикан вступил в полуофициальные переговоры с Японией, не увенчавшиеся, впрочем, успехом. Расценивая возрастающее значение Японии, как фактор не только тихоокеанской, но и мировой политики, Ватикан назначил еп. Бумазони-Бьонди (бывшего делегата курии в Индии) делегатом в Японию. Во время пребывания его в Японии правительство последней обнаружило желание к установлению более тесных сношений с Римом. В 1921 г. японский наследный принц

¹ Von L a m a, стр. 499—500.

² См. «Правда», 1930 г., № 197.

³ См. Von L a m a, стр. 485—490.

Хиро-Хито нанес визит папе. А в 1923 г. японское правительство внесло в парламент кредит в 14 тыс. иен на содержание постоянного посольства при Ватикане. Возражая оппозиции, японский министр иностранных дел разъяснил, что организация посольства при Ватикане ни в какой мере не является актом религиозного, но чисто политического значения: «При непрерывно возрастающем значении Японии, контакт с столь важным дипломатическим центром, как Ватикан, должен стать для нее необходимостью».

Ответным жестом папы было пожертвование в том же году 20 тыс. долларов жертвам японского землетрясения и призыв его преосвященство мог бы взять на себя роль посредника. графически церквям (северо-американской и китайской).

Папство и Турция. Поскольку проблема политики католицизма на территории как бывшей Турецкой империи, так и отторгнутых от нее мандатных областей была нами уже освещена в предшествующих главах (см. гл. II, III), нам остается коснуться в нескольких словах взаимоотношений Ватикана и ангорского правительства. Успехи турецкого национально-освободительного движения и связанный с этим крах французского религиозного протектората в Турции побудил Ватикан к непосредственному обмену мнений с турецким правительством по вопросу о дальнейшем режиме христиан-католиков в Турции¹. 7 апреля 1921 г. папа Бенедикт XV принял турецкого уполномоченного Бекир-Сами-бея, а неделю спустя² в папском офицозе опубликована была переписка между кардиналом Гаспарри и Мустафа Кемаль-пашой. Кардинал просил турецкое правительство о немедленной даче распоряжений, «чтобы обеспечить уважение к жизни и имуществу христиан на Кавказе, в Малой Азии и Анатолии». Ответ Кемаля гласил, что ангорское правительство считает своей обязанностью охранять «безопасность и благосостояние всех жителей нашей страны без различия расы и религии», и что приняты «необходимые меры, дабы христиане всех тех местностей, на которые распространяется власть и влияние правительства Великого национального собрания Турции, пользовались полнейшим спокойствием». «Мир и безопасность, которые господствуют везде внутри наших границ там, где иностранное войско (имеется в виду греческо-союзная интервенция) не несет разрушения и смерти, служат неоспоримым доказательством моих утверждений».

---

¹ Von Lams, стр. 502—515.

² «Osservatore Romano» от 14/IV 1921 г.

Разгром греческой армии (1922 г.) и успехи кемалистов, в частности занятие Смирны, побудили Ватикан сделать новую попытку выступления в качестве «покровителя» всех христианских подданных Турции. Одновременно последовала инструкция папы католическому духовенству в Турции организовать кампанию помощи жертвам войны, без различия национальной и вероисповедной принадлежности, и его же телеграфное обращение (24/IX 1922 г.) к Кемаль-паше. В последнем Ватикан призывал турецкое правительство «во имя человечности, немедленно отдать строгий приказ солдатам и населению, чтобы прекратить кровопролитие». На что последовал ответ Кемаля, что избиением населения занимаются не турецкие солдаты, но греческие, у каковых и следует «будить чувства гуманности». После этой отповеди кардинал Гаспарри, уже не ставя вопроса в общетурецком и общехристианском масштабе, ограничился просьбами, касающимися одной только католической колонии г. Смирны. Вместе с этим Мармаджи (папский нунций в Бухаресте) получил предписание от Ватикана выехать в Турцию, чтобы ознакомиться на месте с положением жертв войны¹.

Следующая попытка папского вмешательства в турецкие дела связана с мирной конференцией в Лозанне, во время которой Маглионе, папский нунций в Швейцарии, обратился с нотой к представителям держав, обрисовывая в ней в самых ярких красках преследование и бегство христиан из Турции, захват их имущества, равно как и собственности «религиозных конгрегаций», господство «террора» и пр. Однако конференция не вняла папским предостережениям и вынуждена была удовлетворить категорическое требование турецкого национального движения об отмене режима капитуляций (ст. 24 Лозаннского договора), похоронив вместе с ним и «религиозный протекторат» великих держав², этот постоянный в истории Турции предлог для европейской индивидуальной и коллективной интервенции.

После Лозанны важнейшие сношения Ватикана с Ангорой касались применения турецкого законодательства о светской школе к католическим учебным заведениям (миссия Филиппи в 1924 г.), переговоров о числе и месте оставшихся в Турции католических школ (миссия Дольчи 1925 г.), о праве публичного ношения католических религиозных эмблем (миссия Чезарано) и тому подобных частностей.

Характеризуя создавшееся в новой Турции положение, като-

---

¹ «Osservatore Romano» от 10/XI 1922 г.

² «Osservatore Romano» от 1/II 1925 г.

лические авторы склонны к грустному признанию, что наступил «на много лет, а может быть, и веков конец христианства в Малой Азии»¹.

Потерпев, таким образом, поражение в своей попытке подобрать французское, а кстати и русское (царизма) религиозно-политическое наследство в Турции, столкнувшись не раз с достаточно прочным барьером турецкого революционного законодательства, Ватикан пришел к сознанию невозможности других путей для своей экспансии в Турции, как в форме открытого блока с той империалистической группой, которая сама наиболее заинтересована в турецких делах. Отсюда соглашение курии с Францией о «литургических почестях» на Востоке (1927 г.), отсюда политика папства в Сирии и в Палестине (см. выше гл. II и III). Отсюда же—и ответный маневр английского империализма, договаривающегося на конференции в Ламбетте (1930 г.) с представителями православной (эмигрантской) церкви о «соединении» таковой с англиканской, чтобы предоставить последней «законный повод» выступить затем в Малой Азии и в других местах в роли преемницы «белого царя» и «покровительницы» православия.

Папство и арабские государства. Наш очерк вне-европейской акции Ватикана был бы не полон, если бы мы не упомянули попыток курии протянуть свои нити к Ираку, Трансиордании и Абиссинии². Визит эмира Фейсала в Рим (1919 г.), встреча кардинала Джорджи с эмиром Абдаллой (1924 г.) в Аммане и свидание того же эмира с кардиналом Дугерти (1925 г.)—таковы отдельные ходы «арабской игры» Ватикана.

Папство и Абиссиния. В 1918 г. папа посылает своего чрезвычайного посла в Адис-Абебу с собственноручным письмом к императрице эфиопской Зеодите и с драгоценными подарками как ей, так и принцу-регенту (Рас-Тафари). В 1919 г. организуется в Риме коптская семинария—специально для подготовки абиссинского духовенства. Следует иметь в виду, что до сих пор абиссинцы всю свою высшую церковную иерархию получали от коптского патриарха, иначе говоря—под прямым контролем Англии. В 1920 г. Гонзалво-де-Сальвиак доставил папе ответные письма и подарки от абиссинского двора. А в 1924 г. сам нынешний император Абиссинии Рас-Тафари-Маконнен нанес торжественный визит папе. Причем весьма симптоматично, что

¹ Von L a m a, стр. 509.

² Там же, стр. 500—502, 516—517.

в своем письме к папе Тафари, будучи сам, как известно, представителем восточной монофизитской «ереси», величает римского первосвященника «преемником апостола Петра» и «главою христианской церкви», то ли в виде политического ему аванса, то ли в качестве выражения серьезных надежд, возлагаемых феодальным африканским владыкой, зажатым в англо-франко-итальянском треугольнике, на сотрудничество с ватиканской дипломатией.

На основании материалов, как изложенных в настоящей главе, так и в предшествующих, нам нетрудно теперь дать общую характеристику политики современного католицизма в колониях и полуколониях. Везде и неизменно (от Мексики до Китая) католические организации, в целом и в отдельности, являются форпостами и агентурой международного капитала в современной, т. е. империалистической фазе его развития. Под его руководством и по его заказу ведут они свою, по форме религиозную, по существу—чисто политическую работу, сотрудничая и непосредственно участвуя в экономической эксплуатации и политическом закабалении колониальных народов и государств.

Борьба и соперничество религиозных миссий являются на деле не чем иным, как формой, столь типичной для эпохи монополистического капитализма—борьбы за колониальный передел.

Новые методы католической деятельности в колониях. Используя религию для закрепления и перераспределения позиций империализма в колониальном мире и расширения его базы, католические (равно как и все другие) миссии, естественно, оказываются в непримиримом противоречии с попытками национально-освободительного, а тем более, революционного движения в этих странах, выполняя вполне последовательно, в борьбе с ним поочередно роль идеологического барьера, плацдарма для внешних интервенций и орудия для разложения национально-освободительного движения изнутри. Естественный отсюда вывод—крах всей миссионерской деятельности, по мере пробуждения и роста национально-классового самосознания среди эксплуатируемых и угнетаемых масс колониального населения. В результате мы имеем налицо общепризнанный «кризис» миссий¹ и попытку ревизии самых методов миссионерской работы: для протестантизма—постановления иерусалимской конференции 1924 г. и Международного миссионерского совета 1928 г., для католицизма—энциклика Пия XI «*Rerum Ecclesiae Gestorum*»

¹ См. Mead Earle, *American Missions in the Near East*, *Foreign Affairs* avril 1929; Kawakami, *Les Missions et la Chine*, «*Esprit international*» or 1/VII 1928 г.; M. Pernot, *La crise des missions américaines dans le Proche-Orient*, «*Europe Nouvelle*», 1929 г., № 589.

(28 февраля 1926 г.). Существо этой ревизии тождественно: всемерное завуалирование неоспоримой связи между миссионерскими «достижениями» и империалистической экспансией мировых держав, ставка на национальные церкви, т. е. на тесный блок с верхушкой местной буржуазии, акцент на «филантропическую (вместо приобретательской) деятельность миссий и т. д.

Чрезвычайно любопытную форму применения этих новых методов находим мы в практике последнего католического Евхаристического конгресса в Карфагене (1930 г.)¹. Созыв конгресса на территории полунезависимого мусульманского Туниса имел своею основною целью установить «симпатический контакт между католическим христианством и Исламом» (Ив де ла Бриэр). Второй задачей организаторов конгресса было «извлечь для Франции (как покровительницы Туниса) ценные преимущества морального порядка». Если первое заседание более или менее оправдалось, коль скоро понимать под «исламом» тунисских наемников парижской биржи, и поскольку на укрепление «симпатического контакта» мусульманский властитель Туниса ассигновал два миллиона франков католическому конгрессу (ср. сделанный по этому поводу запрос правительству во французской палате депутатом Гомаром и грациозно-циничный ответ Бриана о том, что поведение тунисского бей вполне соответствует интересам Франции, и что сам бей, насколько известно г-ну Бриану, «не принадлежит к числу воинствующих католиков», то второе привело только к обострению франко-итальянского соперничества в Африке (инцидент с итальянским флагом на судне, доставившем папского легата в Карфаген и др.) и к соответствующему препирательству, отнюдь не «симпатического свойства», между обеими «латинскими сестрами».

---

¹ См. Ives de la Brière, Le congrès-eucharistique de Carthage, «Europe Nouvelle», 1930 г., № 689, стр. 734—735.

ГЛАВА X.

«ПАПСТВО И СССР».

Дореволюционные взаимоотношения папства и российского правительства. История взаимоотношений Ватикана с Россией уходит в седую давность русского средневековья, до эпохи Владимира—Ярослава (XI в.) включительно. В одном только XV в. насчитывается восемь посольств от московских великих князей к римскому папе (Фрязин и др.)¹. Весьма интенсивно развиваются эти сношения в XVI и XVII вв. (от посольства Посевина и Шевригина при Иване Грозном и вплоть до перипетий «смутного времени»². Весьма любопытно, что в этом периоде все сношения России с курией вращаются вокруг проблемы взаимоотношений России с Польшей, и сама курия выступает, как правило, в качестве агентуры польского правительства. Регулярный характер принимают эти сношения только с XIX в. (опять в связи с присоединением польских областей к царской России), и накануне мировой империалистической войны мы имеем уже постоянное посольство Петербургского двора при курии, последовательно занимаемое крупнейшими представителями царской дипломатии (Чарыков, Извольский, Сазонов). Вместе с тем, однако, Петербург категорически отказывается от принятия к себе папского нунция, опасаясь фактического превращения последнего в министра по делам Польши. Преимущественное содержание римско-петербургских сношений, не считая вмешательства курии в подготовку франко-русского союза,—положение католической церкви в губерниях, по тогдашней терминологии, Привислинского края и в тех районах (Белоруссия, Литва), где имелась значительная прослойка населения католического вероисповедания. Политика принудительной руссификации и нацио-

¹ См. Pierling, *La Russie et le Saint-Siège*; Е. Шмурло, К истории сношений московских государей с римскими папами, сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому, М. 1909, стр. 57 и сл.

² E. Smurlo, *Le Saint-Siège et l'Orient orthodoxe russe*, Prague 1928; Pierling, *Rome et Demetrius*, Paris 1879.

нального гнета, всей своей тяжестью давившая поляков, наравне с другими угнетаемыми российским царизмом национальностями, с привилегированным положением православной церкви, как орудия российской великодержавной политики, и с неизбежным после каждой попытки польского освобождения ущемлением (ср., например, борьбу с унией, ликвидацию холмского диоцеза и др.) поляков и католиков (трактовавшихся царским правительством как синонимы) значительно осложняла взаимоотношения курии с Петербургом. Но стоило царизму, под давлением событий 1905 г., пойти на отмену некоторых наиболее стеснительных ограничений католицизма и попытаться взять курс на польского помещика и фабриканта, как между курией и царским правительством установились отношения настолько «сердечные», что курия потребовала от католического духовенства Польши внушать неуклонно своей пастве повиновение царским властям и бороться с революционной (хотя бы и национально-освободительной) пропагандой. Пользуясь войной 1914 г., курия пыталась проявить некоторую самостоятельность, чтобы выторговать от царизма расширение прав католических организаций в России, на что Петербург реагировал отзыванием своего посла при Ватикане Нелидова, с оставлением там только «поверенного в делах» (Бож) ¹.

Папство и Октябрьская революция Российское временное правительство сделало попытку активизировать свое представительство при курии, назначив туда послом сначала Броневского, не успевшего, впрочем, доехать до Рима, ввиду другого назначения, а затем Лысаковского, вручившего свои верительные грамоты папе 30 сентября 1917 г., т. е. почти накануне Октябрьского переворота, оставшегося там и после такового, но уже в качестве представителя различных белогвардейских правительств. Отношения курии к событиям в России весьма ярко вырисовываются из донесений того же Лысаковского ²: «св. престол будет с симпатией относиться к России» (разумеется к России № 2) «в особенности при нынешней политической конъюнктуре и борьбе с большевизмом, которого он более всего боится» ³. 8 ноября 1919 г. Лысаковский был принят папой Бенедиктом XV, выразившим ему свою надежду, что «в скором времени покончено будет с большевиками и Россия снова будет процветать». С другой стороны, в августе 1918 г. папа, через могилевского католического архиепископа барона Роппа, впервые

¹ Von Lams, стр. 962 и сл.

² Из письма Лысаковского к Сазонову от 14/X 1919 г.

³ Кандидов, Религиозная контрреволюция и интервенция, М. 1930, стр. 58 и сл.

обращается к советскому правительству с представлением об освобождении бывшей императрицы и царских детей¹. Следующее выступление папы выразилось в аналогичном представлении за одного из великих князей².

В том же 1918 г. происходит назначение А. Ратти (будущий папа Пий XI) апостольским визитатором в Россию, не получившего, однако, разрешения советского правительства на въезд и не смогшего поэтому приступить к осуществлению своих функций.

Папство в период гражданской войны в СССР. С 1919 г. устанавливается связь между контрреволюционными организациями православного духовенства и Ватиканом. Архиепископ омский Сильвестр и симбирский Вениамин обращаются к папе 7 февраля 1919 г. с телеграфным протестом: «Коммунисты-большевики принялись подвергать уничтожению не только интеллигенцию и культурные ценности гражданские, но также они преследуют все религии с их представителями и уничтожают почитаемые памятники религиозных культов... насилуют монахинь, социализируют женщин, полная разнузданность страстей и т. д.».

В своем ответе папа выразил «сочувствие от всего сердца» и заверил, что «воссылает к небу горячие молитвы о том, чтобы мир и спокойствие как можно скорее вновь водворились в России».

12 марта 1919 г. статс-секретарь курии кардинал Гаспарри обращается от имени папы с телеграммой к т. Ленину: «Св. отец закликает вас отдать строгий приказ, чтобы служители всех культов были почитаемы. Человечество и религия будут вам признательны».

Ответ дан был народным комиссаром по иностранным делам т. Чичериным, указавшим, что отделение церкви от государства в РСФСР имеет своим следствием, что религия рассматривается как частное дело граждан. Ни один служитель культа не пострадал из-за своих религиозных убеждений. Что же касается тех из них, которые участвовали в контрреволюционных заговорах, то советское правительство считает, что духовенство должно подчиняться обязательным для всех граждан законам. Вместе с тем, т. Чичерин констатирует, что со стороны папы не вызвали никаких протестов «достойные сожаления бесчисленные зверства, произведенные чехо-словаками, правительствами Колчака, Деникина, Петлюры и находящимися сейчас у власти в Польше пар-

¹ «Osservatore Romano» от 12/VIII 1918 г.

² «Osservatore Romano» от 28/IX 1918 г.

тиями, руководимыми католическими архиепископами», вплоть до таких зверств, как убийство членов российской красно-крестной миссии (о других действиях польского католического духовенства см. гл. VII) ¹.

В марте же 1919 г. папа предпринял перед советским правительством шаги к освобождению зарекомендовавшего себя анти-советской деятельностью могилевского архиепископа барона Роппа, каковой и был выпущен за границу одновременно с высылкой из Польши в СССР группы польских революционеров.

Поощряя одной рукой контрреволюционное сопротивление католического духовенства (см., например, деятельность еп. Цепляка, ксендзов Буткевича, Мациевича и др.), призывая последнее к открытой борьбе с советскими законами об отделении церкви от государства («св. отец безусловно отвергает составление каких бы то ни было договоров с советским правительством»), Ватикан одновременно добивается, но тщетно, заключения соглашения с советской властью питая иллюзию, что разложение православной церкви и лишение ее покровительства государственной власти открывают перед католицизмом в России радужные перспективы (предложение, переданное через бар. Роппа в декабре 1920 г.).

Папство и помощь голодающему Поволжью. В 1921 г. для подкрепления проектов своей «моральной интервенции» в России папа выступает одним из инициаторов кампании по оказанию помощи голодающим в Поволжье. 5 августа 1921 г. папа обращается с соответствующим письмом к своему статс-секретарю, доводя его до сведения всех представленных при Ватикане правительств, Верховного совета государств Антанты и Лиги наций. Затем за счет пожертвования папской казны (1 млн. лир) и собранных заграничными католическими организациями (главным образом, американскими) средств начинается формирование католической миссии помощи, составленной окончательно из 11 членов, представителей различных католических орденов (из них 3 иезуита). Иезуиты, вообще, играли виднейшую роль в организации миссии, дабы, говоря словами католических газет, «уплатить России свой долг благодарности» ² за предоставленное в XVII и XVIII вв. иезуитскому ордену царским правительством убежище в России. В 1922 г. между кардиналом Гаспарри и т. Воровским подписывается соглашение об условиях работы католической миссии на советской территории. В основу

---

¹ См. также Кандидов, стр. 68.

² Von Latta, стр. 372.

этого соглашения положены аналогичные соглашения советского правительства с Ф. Нансеном и германским Красным крестом, причем обязательство представителей Ватикана воздерживаться от политической деятельности подкрепляется клятвой с их стороны¹. 25 августа миссия высаживается в Крыму.

Папство и «русский вопрос» на Генуэзской конференции. Генуэзская конференция, с ее попыткой экономического «восстановления» Европы послужила поводом для трех выступлений курии². В письме от 7 апреля 1922 г. к архиепископу Генуэзскому папа испрашивал «благословение всевышнего» для конференции и выражал пожелание, чтобы «решения, которые, мы в том уверены, будут приняты во имя любви, явились источником согласия, к которому столь горячо стремится несчастное человечество и которое, способствуя сближению народов, снова, после восьми лет скорби и разорения, выведет их на светлый путь труда, прогресса и цивилизации».

29 апреля папа развил те же мысли в письме к своему статс-секретарю, выставив при этом несколько дополнительных соображений, важнейшие из которых сводились к указанию, что «возвращение человечества к нормальному состоянию» послужит на пользу всем государствам, в особенности же «несчастному населению окраин Европы, уже испытывавшему ужасы войны, междоусобных распри и религиозных гонений и косимому голодом и эпидемиями, тогда как, обладая столькими источниками богатств, оно могло бы явиться драгоценным орудием социального восстановления...»

5 мая помощник статс-секретаря курии Пиццардо получил от папы для рассылки державам дополнительный меморандум к его письму от 29 апреля нижеследующего содержания: «В исторический час, когда обсуждается вопрос о том, чтобы вновь допустить Россию в семью цивилизованных народов, св. престол выражает пожелание об ограждении в России интересов религии, являющейся основой всякой истинной цивилизации. Св. престол предлагает поэтому, чтобы в соглашении, имеющем быть установленным между державами, представленными в Генуе, в той или иной форме, но вполне ясно и определенно фигурировали следующие три условия:

¹ См. Е. Коровин, Международное право переходного времени, гл. VI; его же, Иностранная филантропическая деятельность в РСФСР и ее правовые формы, «Советское право», 1922, № 1, стр. 108 и сл.

² См. их текст в «материалах» Генуэзской конференции, изд. НКВД, 1922, стр. 455—459.

1) Полная свобода совести всем российским гражданам, а равно всем гражданам других стран в России гарантируется.

2) Равным образом гарантируется как частное, так и публичное отправление религии и культа.

3) Недвижимое имущество, принадлежавшее или еще и ныне принадлежащее какой бы то ни было религиозной общине, будет возвращено таковой и никаких правонарушений в этом отношении совершаться не будет».

Английская делегация (Ллойд-Джордж), ознакомившись с меморандумом, выразила свое пожелание, чтобы 3-й пункт был бы отложен обсуждением до следующей (Гаагской) конференции.

Папство и изъятие церковных ценностей. 14 мая 1922 г. курия обращается к т. Чичерину с просьбой об освобождении патриарха Тихона и других церковников, арестованных за сопротивление изъятию церковных ценностей, предназначенных для помощи голодающим¹. Тов. Чичерин 17 мая в ответ на эту просьбу довел до сведения курии, что Тихон, несмотря на привлечение его к законной ответственности, не находится в заключении.

Борьба католического духовенства с изъятием церковных ценностей имела своим следствием в 1923 г. судебный процесс католических прелатов Цепляка (преемника Роопа), Буткевича и их соучастников². После того как процесс завершился приговором к высшей мере наказания главных виновников, и приговор в отношении Буткевича был приведен в исполнение, курия реагировала на это, кроме непосредственных обращений к советскому правительству, попыткой организации соответствующей международной кампании (выступление английского поверенного в делах Ходжсона от 30 марта 1923 г., польский протест и др.).

23 мая 1923 г. Пий XI выступил с речью в консистории о «скверных и печальных делах, творящихся в России», выставя героев судебного процесса в Москве как невинных жертв «ненависти и издевательства над религией» и сравнивая их с мучениками гонений первых веков христианства.

24 мая 1923 г. папа даровал индульгенцию (отпущение грехов) за 300-дневное произнесение особой молитвы—«Спаситель мира, спаси Россию».

12 ноября 1923 г. в энциклике, по случаю 300-летия памяти архиепископа полоцкого Юсафата Кунцевича, папа упомянул о страданиях «славян», о «кровавых преследованиях Христа, пасты-

¹ Osservatore Romano» от 18/VI 1922 г.

² См. «Революция и церковь», 1923 г. № 1—3.

рей и епископов», высказываясь за необходимость «основать и вдохновить восточный католический институт», имеющий специально в виду подготовку кадров католических агитаторов и проповедников для СССР.

В 1924 г. иезуит Вольтш, зарекомендовавший себя (в деле Цепляка и др.) открытым контрреволюционером, был заменен гр. Германом на посту руководителя католической миссии помощи в СССР. Просьба Ватикана о передаче ему из советских музеев останков одного святого иезуита (Боболя) была советским правительством удовлетворена, и, выступая 24 марта 1924 г. в консистории, папа несколько сбавил тон в оценке «русских событий». Необходимо иметь в виду, что этот момент совпадает с наступлением эры «демократического пацифизма» (Макдональд-Эррио) и с французским и другими «признаниями» советского правительства.

Ликвидация католической миссии помощи. Летом 1924 г. католическая миссия помощи, в деятельности которой помощь контрреволюции все более превалировала над помощью голодающим, вынуждена была прекратить свою «плодотворную» работу в СССР и оставить его пределы. Лишившись, таким образом, своего важнейшего организационного центра на советской территории, папа не преминул реагировать на это речью в консистории от 18 декабря 1924 г., заверив о своем намерении и впредь оказывать покровительство «нуждающимся русским, как в их отечестве, так и вдали от него», иначе говоря, обязался субсидировать российскую белогвардейскую эмиграцию.

Вместе с тем папа авторитетно разъяснил в свое оправдание¹, что, вступая в различные сношения с советским правительством, он никоим образом не имел в виду, «благоприятствовать правительству такого рода», а, напротив, «считал своей обязанностью неоднократно во всеуслышание увещевать и напоминать, в особенности государственным мужам, дабы все, кто любит мир и благосостояние народов, почитает святость, радеет о семье и человеческом достоинстве,—общими силами удаляли бы от себя и своих сограждан весьма тяжелые опасности и несомненный вред, который означает социализм и коммунизм».

Католическая церковь в СССР и иностранный шпионаж. Наш очерк ватиканской политики в отношении СССР был бы неполон, если бы мы не упомянули ряда попыток католических церковников создать в СССР свои собственные контрреволюционные ячейки (дело Л. Федорова и др.), часто

---

¹ См. «Osservatore Romano» от 19/XII 1924 г.

являвшиеся явной или скрытой агентурой иностранного шпионажа (Слоскан, Скальский, Федукевич и др.)¹, а также попытки католической церковно-политической акции на территории союзных советских республик (Грузии, Армении)². В отношении первых заслуживает особого внимания деятельность «Восточного института» в Риме—этого оперативного штаба католического движения в СССР, возглавляемого М. д'Эрбиньи, лично посетившим СССР и выступившим затем автором работ с таким красочным названием, как «Советская тирания и русское несчастье»³.

Католическая контрреволюция в Закавказских советских республиках. Грузинские планы курии датируют свое происхождение еще периодом меньшевистского господства в Грузии, когда в сентябре 1918 г. грузинский католикос (патриарх) Кирон II, завязав переговоры с курией о соединении православной и католической церковью, предложил одновременно назначить католического архиепископа в Тифлис. В ответ на это Ватикан назначил доминиканца Мориондо «апостолическим викарием и администратором» Кавказа, поручив неаполитанской «провинции» иезуитского ордена—распространить свою деятельность на Грузию. Архиепископ Сметс, в качестве преемника Мориондо с 1921 г., представлял Ватикан в Грузии; но после меньшевистского восстания 1924 г. вынужден был перенести свою резиденцию из Тифлиса в Тегеран.

Потерпев провал в Грузии, Ватикан обращает свое внимание на Армению и в том же 1924 г. направляет туда группу католических монахов-мхитаристов (Акинян и др.) для «научно-исследовательской работы по армянским древностям». Однако в инструкции св. конгрегации архиепископу Сметцу речь шла не о филологических и палеографических изысканиях, но о необходимости «предоставить в распоряжение Комитета опытных священников армян-мхитаристов», учитывая всю важность той моральной проблемы, которая касается стольких тысяч сирот и, в большей степени, будущности армянской республики». В 1926 г., донося Ватикану о достижениях своей миссионерской работы, Акинян писал: «Дабы добиться успеха наших первых шагов на неводеланной почве, нужно, чтобы наши миссионеры ознакомились с национальными

¹ См. Р. Новицкий, Святейшие молитвы, «Антирелигиозник», 1930 г., № 3, стр. 13—20; см. также Я. Ковальчук, Про ксендзов, М. 1930 г., Я. Островский, Терциары и католическая контрреволюция, М. 1930 г.

² Von Lapa, стр. 400; В. Айтемис, Советская Армения и Ватикан, «Антирелигиозник», 1930 г., № 4, стр. 10—13.

³ М. d'Herbigny, L'unité dans le Christ, «Correspondant», 1923 г., № 1449, стр. 385—405.

делами и следили бы за ними, дабы завоевать мысли руководителей правительства. Таким образом имена миссионеров сохраняются в уважении и у друзей и у противников, которые, обратив свое внимание на литературную работу, замолчат о других делах миссии...»

А какого рода были эти «другие дела» — видно из показаний того же Акинина, что он предполагал организовать помощь местным торговцам путем объединения мелкой торговой массы в кредитное товарищество, и из донесения его в Рим о переговорах с армянским духовенством, в результате каковых «в некоторых из них созрела идея унии... причем я стараюсь осторожно объяснить им пользу, которую можно создать для нации и прогресса ее, если удастся отбросить предвзятые мнения о католической церкви и войти в унию». Но ранее, чем эти широкие замыслы получили свое осуществление, деятельность армянской агентуры Ватикана была прекращена «по независящим» от него обстоятельствам.

Папство и реконструктивный период. С 1927 г. происходит заметный перелом в политике Рима по отношению к СССР. Разгром и ликвидация всех политических агентур Ватикана на территории Советского Союза (от контрреволюционных епископов до «филантропических» и «научных» миссий включительно) приводит курию к признанию невозможности «мирного проникновения» в СССР. С другой стороны, события в колониях и полуколониях международного капитала, в частности в Китае, наглядно свидетельствуют, что крах католической экспансии — не случайный продукт советской почвы, но неизбежное следствие революционного движения широких трудящихся масс, оплотом и авангардом которого неизменно остается единственное в мире государство пролетарской диктатуры. Наконец, с завершением восстановительного периода и вступлением СССР в реконструктивный период приходится окончательно отбросить заветные надежды на капиталистическую реставрацию в России и на капиталистическое перерождение советского строя.

Язык курии в отношении СССР становится все более резким: в каждом поражении католицизма в любой стране земного шара оказывается повинным СССР. В качестве одного из многих примеров приведем речь папы в консистории 20 июня 1927 г.¹: «В беспредельных округах Китая, раздираемых гражданской войной, царствуют повсюду ужас, грабеж и траур; с нашими миссионерами, нашими монахинями, их жилищами, приютами, обраща-

¹ «Europe Nouvelle», 1927, № 492, стр. 944—946.

ются с крайним варварством: были даже поджоги и избиения. Все эти ужасы, по нашему мнению, китайский народ сам, великодушный по природе и друг общественного спокойствия, не допустил бы и не потерпел бы, если бы семена раздора и революции не были бы ввезены из за границы...

«Это усиление варварства (имеются в виду события в Мексике) и это ожесточение в борьбе с католической верой, равно противные гуманности и цивилизации не являются ли следствием, как мы повторяем это с самого начала нашего первосвященства, заражения доктринами, распространяемыми публично и тайно в целях ниспровержения человеческого общества и государственной организации».

«Крестовый поход». Считая излишним (после работы гг. Варьяш и Вальковской, Шейнмана¹ и др.) распространяться о реакции капиталистического мира на пятилетний план социалистической реконструкции и первые годы осуществления его на практике (планы интервенции, «план-Европы», борьбы с советским «демпингом» и пр.), мы ограничимся констатацией, что на антисоветскую мобилизацию Детердинга и К^о святейший престол отозвался 2 февраля 1930 г. письмом папы на имя кардинала Помпили² генеральному его викарию в Риме. В этом письме папа заявляет о своем глубоком потрясении «ужасными и святотатственными злодеяниями против бога и души, которые повторяясь усиливаются изо дня в день среди бесчисленного населения России»; перечисляет свои прежние выступления «в защиту» религии в СССР (генуэзские условия, голодная кампания, изъятие церковных ценностей, процесс патриарха Тихона); особо оплакивает страдания представителей католического духовенства (Слоскан, Фризон, Федоров), «развращение юношества», вовлекаемого в Союз безбожников и понуждаемого «осквернять свои души всеми пороками и наиболее постыдными материалистическими заблуждениями». Сообщая о новейших своих мероприятиях в отношении СССР (образование специальной комиссии кардинала Синчеро—«чтобы найти опору и поддержку в наших усилиях противодействовать этому злу», составление двух новых молитв—св. Терезе и младенцу Иисусу, ноябрьская кампания, проведенная Институтом Востока—«для широкого освещения перед обществом некоторых из святотатственных покушений»), папа признает их недостаточность: «Но требуется воздействие более серьезное, чем

---

¹ И. Варьяш и О. Вальковская, За и против СССР, 1930, изд. Комакадемии. М. Шейнман «Крестовый поход», М. 1930.

² «Osservatore Romano» от 9/II 1930 г.

официальные публикации об этих богохульствах и злодеяниях». В качестве примера последних приводится принуждение «служащих учреждений, мужчин и женщин подписывать формальные заявления об отступничестве от религии с хулой на бога, под угрозой лишения их карточек на хлеб, одежду, жилище, без которых каждый житель этой несчастной страны обречается умереть с голода, от бедности, от холода». «Чтобы бороться всеми возможными способами против этих святотатственных посягательств, а также в целях привлечения к избавлению верующих всего мира», папа назначает на 19 марта особые торжественные молебствия «об искуплении и исправлении», приглашая «весь христианский мир присоединиться к нашему молению в этот день или в другой праздничный день, для этого назначенный». Папское послание заканчивается недвусмысленной угрозой, предшествующей обязательному «апостольскому благословению»: «Уверенный, что чудесное провидение в момент, для этого назначенный, приготовит и даст необходимые средства для исправления разрушений моральных и материальных этого громадного государства, занимающего одну шестую часть земного шара, мы усиленно займемся приготовлением души и в этом молении будем просить об устроении и умилоствовании и выражаем уверенность, что божественное милосердие снизойдет на русский народ. И с этой уверенностью, от всего сердца, посылаем вам, господин кардинал, и всем, кто соединится с нами в этом крестовом походе молитв, апостольское благословение—залог небесной милости».

Папское выступление послужило сигналом к мобилизации против СССР всех сил мировой реакции, начиная с кардиналов, протестантских и англиканских епископов, еврейских раввинов и кончая такими политическими организациями, как фашистский «Стальной шлем», британские консерваторы и деятели II Интернационала: события эти слишком памятливы и хорошо известны, чтобы нужно было о них здесь подробно распространяться¹. Известен также тот дружный отпор², который встретила проповедь «Крестового похода» со стороны пролетарских организаций за границей (массовые митинги и протесты) братских компартий (парламентские выступления Кашена во Франции, Штекера в Германии, Жарского в Польше, Копецкого в Чехо-Словакии) и даже

---

¹ См. сб. «За и против СССР», стр. 36—83; см. также «Антирелигиозник», 1930 г., особенно № 3 и 4:

² См. сб. «За и против СССР», стр. 84—116; см. также В. Копецкий, Союз поповского кадила с фашистским мечом, М. 1930.

наиболее добросовестных представителей буржуазного радикализма (организации «свободомыслящих», общества «друзей СССР», Ромен Роллан и др.). В результате—новая попытка империалистической интервенции под церковным знаменем была на этот раз сорвана.

Но как международный капитал не отказывается от своих интервенционистских планов, но напротив, ежедневно изобретает новые формы своего наступления на СССР (анти-демпинг, басня о принудительном труде и др.), так и церковная контрреволюция не складывает своего оружия. Не далее как в последние рождественские праздники 1930 г. папа выступил с новой речью, в которой заявил, что продолжает ежедневно молиться о всех «гонимых и страждущих» в Советском Союзе, «томящихся» в Сибири и на далеких окраинах Севера, говоря проще—об обитателях Нарьма и Соловков, и что он надеется, что и они дождутся своего «рождественского праздника». Ясно всем и каждому, что праздник на улице советской контрреволюции не может быть ничем другим, как «кровавым воскресеньем»—для трудящихся Советского Союза.

Все изложенное выше в достаточной мере объясняет подлинные причины враждебности церковных организаций всего мира к Советскому Союзу: католицизм и лютеранство, архиепископ кентерберийский и нью-йоркский раввин равно и в такой же степени враждебны Советскому государству, в какой враждебен ему современный империалистический капитал, с его колониальной, национальной, военной и рабочей политикой. Временная «передышка», в лучшем случае, скрытая спекуляция на термидорианском «перерождении» или открытая, беспощадная борьба, животный страх и утробная ненависть обреченного историей класса к его прижизненному преемнику—таковы возможные формы отношений мира грабежа и эксплуатации к миру раскрепощенного труда и строящегося социализма. И в тот день, когда грандиозный процесс развертывающейся в СССР социалистической стройки хоронит последние надежды на капиталистическое перерождение советской страны, начинается в ответ на «вступление СССР в социализм» дружная мобилизация всех сил и ресурсов мировой реакции. И вот почему из глубин истории встают живые призраки средневековья; вот почему дряхлеющий Рим пытается сказать свое слово («Roma locuta est»), созывая современных «крестоносцев» капитала от оейфов и прилавков, из рынков и поместий, от бирж и контор на «священный», «крестовый» поход против исчадия ада и порождения антихриста—Страны Советов и диктатуры пролетариата.

В оценке советским общественным мнением значения последнего выступления воинствующего клерикализма против СССР приходится часто сталкиваться с двумя оттенками суждений. По мнению одних, «крестовый поход» не заслуживает с нашей стороны серьезного внимания, поскольку, в условиях современного империализма, о церкви, как о самостоятельном общественном факторе, не приходится говорить: сама церковь—одна из многих личин и масок нашего классового врага, и следовательно вся церковная шумиха—обычный, повседневный маневр враждебных строительству социализма сил. Напротив, в глазах других, церковь—это новый отряд и новые пополнения капиталистической армии, вступающие в бой, и соответственно умножающие силу и боеспособность противников социализма.

Едва ли нужно подробно доказывать, что как недооценка похода церковников, так и его переоценка, в различной степени, но обе неправильны по существу.

Не подлежит сомнению неоспоримость положения о современной церковной организации, как об одной из империалистических личин. Но, с другой стороны, столь же бесспорно, что именно эта маска тем и ценна для современного монополистического капитала, что помогает ему мобилизовать под свои знамена элементы, по социальной своей природе чуждые и даже враждебные ему (мелкая буржуазия, мелкое крестьянство и т. д.), содействуя тем самым заполнению рва, разделяющего их от магнатов финансового капитала и крупной индустрии, и превращению их самих в «попутчиков» воинствующего империализма. Таким образом практика взаимоотношений папства и СССР лишней раз иллюстрирует характер современного взаимодействия монополистического капитала и католической церкви, типичные черты первого и чисто служебную роль последней.

Уже давно, на заре своей истории, выйдя из мрака катакомб, церковь связала свою судьбу с господствующим классом. Но, блокируясь с отдельными его прослойками и лавируя среди них, располагая крупнейшей по тогдашнему масштабу материальной базой, помогая одним господствующим группам (агариам) сегодня и страхуя через других (торговый капитал) свой завтрашний день, церковь сохраняла в прошлом относительную свободу действий. Отсюда папские грезы всемирной теократии, теория «двух мечей» и королевские «хождения в Каноссу».

Неумолимый закон капиталистического развития покончил навсегда с былой самостоятельностью церкви: один многоголовый «хозяин»—финансовый капитал, единое поле деятельности—выполнение его социального заказа. Давно похоронены в крови и в

пыли столетий величавые мечты католического универсализма. В кровавом испытании всемирной империалистической бойни епископы и патеры, все оказались «преданными без лести» своему банкиру, своему тресту, все показали себя послушными марионетками в различных, но твердых «хозяйских» руках. Теперь уже не только гегемоны капиталистического мира позволяют себе роскошь иметь у себя в услужении свою государственную церковь, но и мелкие капиталистические «хозяйчики», «комми-воаяжеры» международного империализма, обзаводятся собственной «ручной», «домашней» церковью. Тяжело дышится под «стальным шлемом» фашизирующегося капиталистического государства. А «хозяин» становится с каждым днем все требовательней. Делец и скептик, обожествляющий сам только чековую книжку и не знающий другого провидения кроме биржевого курса, он предъявляет церкви непосильный счет—защитить кадиллом и трепником его колониальные фактории, взнудать проповедями национально-освободительное движение, разложить изнутри пролетарскую армию и остановить крестным знаменем железную поступь миллионных когорт.

И чем явственней выступают трупные пятна капиталистического «загнивания», чем сильнее становятся конвульсии капиталистических «кризисов» и приближаются раскаты последней революционной грозы, тем чаще обращается «хозяин» и его социалфашистские и прочие «приказчики» к услугам церкви, тем щедрее готовы они ей заплатить, будет ли то за идеологическую подмогу, будет ли то за успешную вредительскую диверсию или организованный шпионаж.

Презирающий собственное прошлое и отгородившийся от него надежным барьером музейных решоток, «хозяин» готов сегодня извлечь из архивов истории тронутые плесенью и изъеденные молью знамена и хоругви средневековья, реликвии и мощи и на защиту банков и заводов мобилизовать алхимию и магию, аббатов и привидения, лишь бы только продлить еще на месяц свою власть и господство, лишь бы отсрочить, хотя бы на день, неотвратимый час своей гибели.

ВЫВОДЫ

Отсюда величайшей важности задача подлинно революционного и подлинно мирового значения, стоящая перед советскими работниками культурного фронта,—задача беспощадного разоблачения во всех областях знания, оружием науки и марксистского метода, классово-природы и сущности современных церковных организаций, их роли в обслуживании «социального заказа» империализма и их методов контрреволюционной работы и дей-

ствия, ибо «люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана политики, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскать интересы тех или иных классов» (Ленин).

№ 1.

Соглашение между Францией и святейшим престолом относительно оказания литургических почестей в странах, где осуществляется религиозный протекторат Франции.

Св. престол озабочен в знак признания французского религиозного протектората объединением литургийных почестей, подлежащих оказанию во время церемоний католического обряда представителям Франции в странах Востока, где этот религиозный протекторат существует на основании международных договоров, капитуляций, предписаний, обычаев и обрядов.

Правительство французской республики и св. престол пришли к следующему соглашению:

I. В странах Востока, где религиозный протекторат Франции существует в настоящее время на основании международных договоров, капитуляций, предписаний, обрядов и обычаев, а также в местностях или церквях, где он существует, почести, подлежащие оказанию представителю Франции, будут ему воздаваться в дни рождества, пасхи и пятидесятницы.

II. Почести, предусмотренные в статье первой, следующие:

а) представитель Франции будет приглашаться к торжественной литургии;

б) почетное место будет ему предоставлено напротив и вне священнического места и клироса; однако в церквях и часовнях, где французская консульская скамья являлась определенной и несменяемой частью инвентаря церковного здания, с момента подписания настоящего договора представитель Франции также сохранит этот обычай даже в том случае, если консульское место находится внутри клироса или священнического места;

в) духовенство должно будет встретить представителя Франции у входа в церковь, предложить освященную воду и проводить до назначенного места;

г) во время богослужения духовенство будет кадить ему прежде, чем присутствующим;

д) по окончании службы духовенство должно проводить представителя Франции до выхода из церкви.

III. Эта привилегия может быть приостановлена в случае сопротивления местных властей.

Святейший престол также оставляет за собой право отменить эту привилегию, если французское правительство не сохранит своего посольства при св. престоле.

Если представитель Франции не принадлежит к католическому вероисповеданию, то ему надлежит выбрать из среды своих сотрудников лицо, достаточно квалифицированное, и делегировать его вместо себя для участия в церковных богослужениях, а также и для принятия вышеуказанных почестей.

Аналогично могут поступить св. престол и правительство французской республики, если признают, что представитель Франции, несмотря на свое католическое вероисповедание, открыто выражает чувства, не совместимые с католическим вероисповеданием.

Учинено в Париже в двойном экземпляре 4 декабря 1926 г.

Подписано:

*А. Бриан, Луиджи Маглионе,
Архиепископ Цезарии,
апостольский нунций.*

№ 2.

Соглашение между Францией и святейшим престолом относительно оказания литургических почестей в странах, в которых капитуляции отменены или не применяются.

Хотя отмена капитуляций на территории Турции была санкционирована 28-й статьей Лозаннского договора и предусмотрена 5-й статьей мандата над Сирией, 8-й статьей мандата над Палестиной и 9-й статьей договора между Великобританией и Ираком, из которых может проистечь в первом случае отмена, а во втором—отказ от протектората Франции, а следовательно и отмена религиозных почестей, воздаваемых на этом основании дипломатическим и консульским агентам Франции, тем не менее, в благодарность за услуги, оказанные в течение сотен лет дипломатическими и консульскими агентами Франции, отдельным лицам и католическим общинам всех национальностей во всех восточных странах, св. престол дарует Французской республике привилегию получать для французских дипломатических и консульских агентов нижепоименованные литургийные почести:

I. В дни, которые подробно будут обозначены в следующей статье:

а) представитель Франции будет приглашаться к торжественной литургии;

б) почетное место будет ему предоставлено напротив и вне священнического места или клироса. Однако в церквях и часовнях, где французское консульское место являлось определенной и несменяемой частью мебели церковного здания, с момента подписания настоящего договора, представитель Франции также сохраняет пользование этим местом, если консульское место расположено внутри клироса или священнического места;

в) духовенство должно будет встретить представителя Франции у входа в церковь, предложить ему освященную воду и проводить до его места;

г) во время богослужения духовенство будет кадить ему прежде, чем присутствующим;

д) по окончании обедни духовенство должно проводить его до выхода из церкви.

II. Сообразно с первой статьей, почести, относящиеся к представителю Франции, будут воздаваться в дни рождества, пасхи и пятидесятницы на территории, являющейся в настоящее время частью Турции.

На территориях Сирии и Ливана эти почести будут оказаны в традиционные числа и следуя установленным обычаям.

Эта привилегия может быть приостановлена в случае сопротивления ей местных властей.

Св. престол также оставляет за собой право отменить эту привилегию, если французское правительство не сохранит своего посольства при св. престоле. Если представитель Франции не принадлежит к католическому вероисповеданию, то ему надлежит выбрать из среды своих сотрудников лицо, достаточно квалифицированное, и делегировать его вместо себя для участия в церковных богослужениях, а также и для приема вышеуказанных почестей.

Аналогично может быть поступлено, если св. престол и правительство Французской республики совместно констатируют, что представитель Франции, несмотря на свое католическое вероисповедание по происхождению, открыто выражает чувства, не совместимые с католической религией.

III. Св. престол не противится местным обычаям, которые сохраняют за представителем Франции специальные почести, но соответствующие местным обрядам католической литургии, включая сюда при вступлении упомянутых представителей в испол-

нение своих обязанностей, песнопение «Te Deum» («тебе бога хвалим») в церквах и часовнях, на которые распространено право собственности и покровительства Франции или которые присоединены к французским учреждениям. То же самое соблюдается относительно церквей или часовен восточного обряда, где эти почести воздаются по традиции, как следствие векового обычая в знак особой благодарности за добрые услуги Франции.

IV. Решено, что на территориях Сирии и Ливана, порученных мандату Франции, литургия в приходах будет включать в воскресные дни и дни религиозных и национальных праздников, кроме церквей и часовен, предназначенных для частных служб иностранной колонии, песнопение «Domine, salvam fac rem publicam» с исключением других песнопений, не совместимых с авторитетом, конституционной формой мандатной державы и с органическим статутом территорий,, находящихся под мандатом.

Учинено в Париже в 2 экземплярах 4/XII 1926 г.

Подписано:

А. Бриан, Луиджи Маггионе.
Архиепископ Цезарий,
апостольский вунций.

№ 3.

Конкордат между св. престолом и Польшей.

Во имя пресвятой и нераздельной троицы.

Его святость папа Пий XI и президент Польской республики г-н Станислав Войцеховский, одушевленные желанием определить состояние католической церкви в Польше, а также и законы, которые прочно и достойным образом будут управлять церковными делами на территории республики, решили на этот предмет заключить конкордат.

Вследствие этого его святость папа Пий XI и президент Польской республики г-н Станислав Войцеховский соответственно назначили своими уполномоченными—со стороны его святости: его высокопреосвященство, преосвященнейшего кардинала Пьера Гаспарри, своего государственного секретаря. Со стороны президента Польской республики: его превосходительство, г-на Владислава Скржинского, посла Польской республики при св. престоле и г-на профессора Станислава Грабского, депутата польского сейма, бывшего министра культов и народного просвещения.

Вышепоименованные полномочные министры, обменявшись своими полномочиями, утвердили следующие постановления, с которыми отныне обязались сообразоваться высокие договаривающиеся стороны.

Ст. 1. Католическая церковь без различия обрядов будет пользоваться полной свободой в пределах Польской республики. Государство гарантирует церкви свободное отправление ее духовной власти и церковной юрисдикции, равно как и свободное управление движимым и недвижимым имуществом сообразно с законами божественными и каноническим правом.

Ст. 2. Епископы, духовенство и верующие будут свободно и непосредственно общаться со св. престолом. При исполнении своих обязанностей епископы будут свободно и непосредственно общаться с духовенством и верующими, опубликовывать также свои инструкции, распоряжения и пастырские письма.

Ст. 3. С целью поддержания дружественных отношений между св. престолом и Польской республикой будут находиться: в Польше—апостольский нунций (папский посол), а при св. престоле—посол республики. Полномочия апостольского нунция будут иметь силу и на территории вольного города Данцига.

Ст. 4. Гражданские власти будут оказывать духовенству содействие при приведении в исполнение церковных постановлений и декретов в следующих случаях:

а) в случае отрешения или смещения духовного лица, его лишения церковного дохода после обнародования церковного декрета, касающегося вышеупомянутых отрешения или смещения, а также в случае защиты права ношения духовной одежды;

б) в случае взимания налогов или уплаты сборов натурой, предназначенных для нужд духовенства и предусмотренных государственными законами;

в) во всех остальных случаях, предусмотренных законами, находящимися в силе.

Ст. 5. При исполнении своих функций духовенство будет пользоваться специальной юридической защитой. Равно как и государственные чиновники, оно будет пользоваться правом изъятия от судебного ареста определенной части своего содержания.

Священнослужители, получившие посвящение, монахи, давшие обеты, ученики, поступившие в семинарии, и послушники, принявшие послушание до момента объявления войны, освобождаются от военной службы, за исключением поголовного восстания. В последнем случае посвященное в сан духовенство будет нести свое служение в армии без ущерба приходским нуждам, в то время как другая часть его будет назначена исполнять са-

нитарные обязанности. Духовенство будет освобождено от гражданских обязанностей, несовместимых с призванием священства, как например, присяжных заседателей, членов суда и т. д.

Ст. 6. Гарантируется полная неприкосновенность церквей, часовен и кладбищ, без ущерба для общественной безопасности.

Ст. 7. Армии Польской республики будут пользоваться всеми изъятиями, данными св. престолом всем армиям, согласно предписанию церковного права. В частности, по отношению к военным и их семьям военные священники, будут иметь права приходских священников и исполнять обязанности своего служения под руководством епископа армии, который будет иметь право их назначения. Св. престол разрешает духовенству в отношении его военной службы подчиняться военным властям.

Ст. 8. В воскресные дни и день национального праздника 3 мая священнослужители должны читать за литургией молитву о благосостоянии Польской республики и ее президента.

Ст. 9. Ни одна часть Польской республики не будет находиться в зависимости от епископа, местопребывание которого находится за пределами Польского государства. Католическая иерархия в Польской республике будет установлена следующим образом:

А. Латинский обряд.

I. Церковная область Гнезно и Познань: архиепископство Гнезно и Познани, епархии в Шельмно и Влоцлавске.

II. Варшавская церковная область: варшавское архиепископство, епархии в Плоцке, Сандомире, Люблине, Подляшке и Лодзи.

III. Виленская церковная область: архиепископство Вильны, епархия в Ломже и Пинске.

IV. Львовская церковная область: архиепископство Львова, епархии в Пршемшле и Луцке.

V. Краковская церковная область: архиепископство Кракова, епархии в Тернополе, Кельцах, Ченстохове и в Силезии.

В. Греко-русинский обряд.

Церковная область Львова: архиепископство Львова, епархии в Пршемшле и Станиславова.

С. Армянский обряд: архиепископство Львова.

Св. престол не допустит изменений в вышеуказанной иерархии или в ограничении пределов областей и епархий, разве только согласовав с польским правительством, за исключением незначительных исправлений, необходимых для духовного блага.

Ст. 10. Состояние и изменение духовных доходов, конгрегаций и духовных орденов, так же как и церковных домов и учре-

ждений, будет находиться в зависимости от надлежащей духовной власти, которая будет действовать в согласии с правительством всякий раз, когда эти мероприятия повлекут расходы для государственного казначейства. Иностранцы не получают духовных должностей начальников орденских провинций иначе как с соответствующего согласия властей.

Ст. 11. Выбор епископов и архиепископов принадлежит св. престолу.

Его святость соглашается обращаться к президенту республики перед назначением архиепископов и епископов, епархиальных помощников епископов *«cum iure successionis»* (с правом преемства), равно как и армейского епископа, с целью удостовериться, что у президента республики нет мотивов политического характера против этого выбора.

Ст. 12. Вышеупомянутые архиепископы и епископы прежде чем приступить к исполнению своих обязанностей должны принести президенту республики присягу верности следующего содержания: «Перед богом и св. евангелием я обещаю и клянусь, как подобает епископу, в верности Польской республике; я клянусь и обещаю честно уважать вместе с моим духовенством правительство, установленное конституцией. Кроме этого я клянусь и обещаю, что не буду участвовать в соглашении или в совете, могущих принести вред Польскому государству или общественному строю; также я не позволю моему духовенству участвовать в подобных действиях. Для блага и в интересах государства я буду стараться устранять от него любую опасность, могущую ему угрожать».

Ст. 13. 1) Во всех народных школах, за исключением высших, религиозное обучение является обязательным. Католическую молодежь будут обучать преподаватели, назначенные школьными властями, исключительно из среды лиц, которым духовные особы разрешили быть законоучителями. Надлежащие духовные власти будут наблюдать за религиозным преподаванием касательно его содержания, а также и нравственности преподавателей. В случае, если духовное лицо берет обратно от преподавателей данное ему разрешение на обучение, то этим самым последний лишается права быть законоучителем. Те же принципы, касающиеся выбора и увольнения преподавателей, должны применяться к профессорам, их заместителям и университетским помощникам факультетов католического богословия при государственных университетах.

2) Католическая церковь, сообразно с каноническим правом, будет иметь во всех епархиях духовные семинарии, которыми

она будет управлять, а также и назначать преподавателей. Свидетельства об окончании высших семинарий будут достаточными для получения права преподавать закон божий во всех государственных школах, за исключением высших.

Ст. 14. Собственность, движимая и недвижимая, принадлежащая церкви, не будет подчинена ни одному юридическому акту, могущему без согласия духовных властей изменить ее назначение, исключая случаев, предусмотренных законами, как например отчуждение собственности по случаю приведения в порядок путей сообщения—сухопутных и морских в случае необходимости национальной защиты и в других аналогичных случаях. Во всяком случае, предназначение движимого и недвижимого имущества исключительно для нужд богослужения, как-то: церквей, предметов культа и т. д., не может быть отменено прежде чем надлежащие духовные власти найдут возможным лишить это имущество его священного характера. Всякого рода постройки, реставрация церквей и часовен будут производиться согласно предписаний технического и художественного характера закона, касающегося построек зданий и охраны памятников. В каждой епархии будет создана комиссия, назначенная епископом, в согласии с надлежащим министром, для охраны в церквях и в духовных помещениях предметов древности, произведений искусства, документов, архивов, рукописей, представляющих историческую или художественную ценность.

Ст. 15. Священнослужители, их имущество и имущество юридических лиц духовных и церковных подлежат обложению наравне с лицами и имуществом граждан республики и светских юридических лиц, за исключением, однако, зданий, посвященных религиозным богослужениям, духовных семинарий, домов для формирования кадров монашества, также общежитий монахов и монахинь, давших обет нищеты, а также за исключением имуществ, доходы с которых предназначены для нужд религиозного культа и не служат индивидуальному доходу для извлечения прибыли. Жилища епископов, приходского духовенства, равно как и их служебные помещения, будут облагаться со стороны фиска как официальные жилища чиновников и помещения государственных учреждений.

Ст. 16. Все юридические, церковные и духовные лица польской национальности имеют право, согласно церковному праву и государственному закону, приобретать, уступать, владеть и управлять собственностью, как движимой, так и недвижимой, равно как и правом искать в суде, а также и выступать перед любыми инстанциями или государственной властью в защиту

своих гражданских прав. Юридические церковные лица будут признаны польскими гражданами, если цель, для которой они основались, касается церковных и религиозных дел Польши, или в случае, если лица, утвержденные заступать их место и управлять их собственностью, имеют местопребывание на территории Польской республики. Юридические церковные и духовные лица, не отвечающие вышеупомянутым условиям, будут пользоваться гражданскими правами, дарованными республикой для иностранцев.

Ст. 17. Юридические, церковные и духовные лица уполномочены, согласно канонического права и государственного закона, устраивать, владеть и управлять кладбищами, предназначенными для погребения католиков.

Ст. 18. Духовные лица и верующие всех обрядов, находящиеся за пределами своих епархий, подчиняются местному духовному лицу, согласно канонического права.

Ст. 19. На основании предписаний канонического права республика гарантирует надлежащим властям право устанавливать функции, должности и доходы духовенства. При назначении на приходские должности применяются следующие правила: на территории Польской республики без согласия Польского государства не могут пользоваться приходскими должностями и доходами следующие лица: 1) иностранцы, не принявшие гражданства, так же как и лица, не получившие богословского образования в польских институтах богословия или в папских учреждениях, 2) лица, деятельность которых направлена против государственной безопасности. Прежде чем приступить к назначению лиц на церковные должности духовная власть осведомляется у надлежащего министра республики относительно препятствий, могущих существовать при рассмотрении требований, предусмотренных пп. 1 и 2. Если вышеупомянутый министр не представит в месячный срок возражений против лица, назначение которого рассматривалось, то духовная власть приводит в исполнение это назначение.

Ст. 20. Если власти республики возражают против действий духовного лица, направленных против государственной безопасности, надлежащий министр представляет упомянутые возражения духовной власти, которая в согласии с министром принимает в 3-месячный срок соответствующие меры. В случае расхождения во мнении между духовной властью и министром св. престол поручает решение вопроса двум духовным особам по своему усмотрению, которые в согласии с двумя делегатами президента республики принимают окончательное решение.

Ст. 21. Право «покровительства» как государства, так и частных лиц остается в силе до нового соглашения. Представление достойного духовного лица на вакантное место будет приведено в исполнение покровителем в 30-дневный срок из числа трех имен, предложенных духовной властью. Если в месячный срок представление не было произведено, то замещение должности остается свободным. Когда дело касается приходской должности, то, прежде чем привести в исполнение назначение, духовная власть должна запросить надлежащего министра согласно 19-й статье.

Ст. 22. Если духовные или монашествующие лица обвиняются светской судебной палатой в преступлениях, предусмотренных уголовными законами, судебная палата немедленно уведомляет надлежащую духовную власть о каждом деле такого рода и передает ей в подлежащем случае обвинительный акт и судебный приговор с его мотивами. Духовная власть или ее представитель имеют право, по окончании судебной процедуры, ознакомиться с судебным делом этого процесса. В случае ареста или заключения в тюрьму вышеупомянутых лиц гражданские власти приводят это в исполнение с уважением, подобающим их положению и иерархическому рангу. Духовные и монашествующие лица будут содержаться в тюрьме и переносить наказание заточения в помещениях, отделенных от помещений, предназначенных для светских лиц, если не будут лишены своего духовного сана надлежащей духовной властью. Если они приговорены судом к тюремному заключению, то будут заключены в монастыре или в другом церковном доме в помещениях, предназначенных для этой цели.

Ст. 23. Ни одно изменение в языке, применяемом в епархиях латинского обряда при произнесении проповедей, дополнительных молитв и курсов, кроме духовных наук, преподаваемых в семинариях, не будет произведено без специального разрешения конференции епископов латинского обряда.

Ст. 24. 1) Польская республика признает право собственности лиц юридических церковных и монашествующих путем признания собственности движимой и недвижимой, капитала, рент и других прав, которыми эти юридические лица обладают в настоящее время на территории Польского государства. 2) Польская республика изъявляет согласие, чтобы вышеупомянутые права собственности, в случаях, когда они еще не внесены в реестр заклада недвижимости юридическими лицами, ими обладающими соответствующими правами, как-то: епархия, архиерейский дом, капитул, конгрегация, религиозные учреждения, семинарии, при-

ходские и другие должности и т. д. были включены в декларацию надлежащей духовной власти, удостоверенную надлежащей гражданской властью. 3) Вопрос, касающийся собственности, которой церковь была лишена Россией, Австрией и Пруссией, и собственности, которой в настоящее время владеет Польское государство, будет урегулирован дальнейшим соглашением. До того времени Польское государство гарантирует церкви ежегодную дотацию, не меньше реальной стоимости дотаций, предоставленных правительствами России, Австрии и Пруссии на территории, принадлежащей в настоящее время Польской республике. Вышеупомянутые дотации будут распределены, как это указано в приложении А. В случае разделения указанной собственности монастырские доходы, семинарии и приходские доходы, не обладающие в настоящее время землями или обладающие ими в недостаточном количестве, получают в собственность, по мере возможности, имущество до предела 180 га на епископский «стол» и 180 га для семинарии и сообразно с качеством земли от 15 до 30 га для приходской должности. Общая сумма денежных поступлений, назначенная в приложении А, будет доведена для епархий, в которых будет происходить распределение земель, до 50 злотых ежегодно с каждого гектара. 4) Будет сохранено назначение имуществ, которые Польская республика потребует обратно у прежних государств, участвовавших в разделе как наследница прав, принадлежавших этим государствам вследствие их законных отношений с юридическими духовными и монашескими лицами Польши, и права, которые касаются или уплаты податей натурой и принесения присяги, или управления недвижимым имуществом и капиталами, предназначенными для церкви. 5) Для улучшения экономического и социального положения земледельческого населения и для укрепления христианского мира в стране св. престол соглашается, чтобы Польская республика выкупила доходы епископские, семинариев, капитулов, приходских должностей, также и частные доходы, связанные с обладанием земельной собственностью, превышающие количество пахотных земель для каждой из этих единиц от 15 до 30 га, в зависимости от качества почвы, на приход и простую должность; 180 га на капитул и 180 га на епископский стол и 180 гектаров на семинарию. В епархиях, семинарии которых не владеют пахотными землями, отличными от земель епархий, будут свободными от выкупа 180 га из земель епархии независимо от 180 га, предназначенных для епископского стола. 6) Вышеупомянутые юридические церковные лица будут иметь право самим выбирать часть земель, которые в вышеуказанном количе-

стве перейдут в их собственность. 7) Стоимость выкупа вышеуказанных земель будет оплачиваться согласно правил, применяемых при выкупе земель частных владельцев, и останется в распоряжении церкви. 8) Св. престол также соглашается, чтобы пахотные земли, принадлежащие домам конгрегаций и монашеских орденов, а также и благотворительным учреждениям, рассматриваемые каждая в отдельности как различные земледельческие единицы, были выкуплены государством в согласии с правилами, которые применяются при выкупе земельной собственности, принадлежащей юридическим светским лицам, с правом для каждой вышеупомянутой единицы, как и для каждого благотворительного учреждения, сохранить не менее 180 га пахотной земли. 9) Лица юридические церковные и монашеские будут иметь право наравне с лицами юридическими светскими приступать непосредственно к раздроблению пахотных земель.

Ст. 25. Законы, постановления или декреты, противоречащие постановлениям предшествующих статей, будут аннулированы с момента вступления в силу настоящего соглашения.

Ст. 26. В 3-месячный срок со дня вступления в силу настоящего соглашения св. престол с согласия правительства приступит к разграничению и размежеванию духовных областей и епархий, перечисленных в ст. 9. Границы духовных областей и епархий будут сообразованы с границами Польского государства. Духовная собственность, имеющая местоположение в Польше, но принадлежащая лицам юридическим церковным и монашеским, имеющим местопребывание за пределами Польского государства, и обратно, явится предметом специального договора.

Ст. 27. Настоящее соглашение войдет в силу через два месяца со дня обмена ратификационными документами.

Рим, 10/II 1925 г.

Подписано:

*Петр кардинал Гаспарри.
Владислав Скржинский.
Станислав Грабский.*

Приложение А.

Дотации, предоставляемые католической церкви Польским государством сообразно ст. 24 настоящего соглашения, исчисляются следующим образом:

I. Дотации духовенству.

Ежемесячные дотации согласно действующего коэффициента для государственных чиновников: 1) кардиналам 2 500 пунктов плюс 800 злотых на содержание священников, экипажей и т. д.; 2) архиепископам и епископам—2 тыс. пунктов плюс 600 злотых на содержание священников, экипажей и т. д.; 3) епископам епархий—1 700 пунктов плюс 600 злотых на содержание священников, экипажей и т. д.; 4) епископам-помощникам—1 250 пунктов; 5) членам капитула—600 пунктов; 6) священникам—270 пунктов; 7) ректорам церковных филиалов, викариям и чиновникам консисторий—200 пунктов; 8) монашествующим конгрегациям, получающим дотации от государства,—125 пунктов; 9) профессорам семинарий—600 пунктов; 10) ученикам семинарий—125 пунктов; 11) аудитору церковного трибунала (получает жалование, одинаковое с окладом ординарных профессоров университетов); 12) секретарь аудитора получает 600 пунктов; 13) преподаватели богословских институтов, имеющие права преподавателей гимназии, получают жалование наравне с преподавателями средних школ.

II. Ежегодная дотация в фонд духовенства—383 413 злотых.

1) Пенсии (за выслугу) духовенству по случаю отставки—254 117 злотых; 2) пенсии вдовам и сиротам греко-католического духовенства—129 296 злотых.

III. Ежегодная дотация на содержание хора в соборах и на содержание церковных низших чиновников—63 298 злотых.

IV. Ежегодные расходы духовной администрации—750 940 злотых.

1) Пастырские объезды епископов—340 тыс. злотых; 2) епископские консистории—66 тыс. злотых; 3) ведение приходских реестров—197 940 злотых; 4) почтовые расходы—147 тыс. злотых.

V. Ежегодная субсидия церковным учреждениям—20 900 злотых.

VI. Годовой фонд для построек—1 016 тыс. злотых.

VII. Прочие ежегодные расходы—45 тыс. злотых.

Вышеупомянутые пожертвования через посредство министра финансов будут переданы отдельно каждой епархии в общих суммах, установленных на основании подробной сметы бюджета, представленной подлежащей власти.

При распределении между епархиями суммы дотаций, предназначенной государством для духовенства, будет приниматься в расчет доход от земель, принадлежащих приходскому имуществу. Вышеуказанные дотации будут подобающим образом увеличены, в случае необходимости, а также если их увеличить

позволит финансовое состояние государства, с целью надлежащим образом обеспечить приличное материальное положение священникам и другим членам духовенства, на основании специального соглашения, имеющего предметом «*jure stolae*».

Распределение вышеперечисленных дотаций будет поручено в каждой епархии местному духовному начальнику, который представит присягу верности, предусмотренную 12-й статьей, после того как настоящее соглашение вступит в силу.

Подписано:

*Петр кардинал Гаспарри.
Владислав Скржинский.
Станислав Грабский.*

Политический договор между св. престолом и Италией, подписанный в Латеранском дворце 11 февраля 1929 г.¹

(Уполномоченные: Италии — *Б. Муссолини*, Римской курии — кардинал *П. Гаспарри*.)

Во имя пресвятой Троицы.

Принимая во внимание, что св. престол и Италия признали уместным устранить всякие основания к дальнейшему существованию имевшегося между ними разногласия и достигнуть окончательного урегулирования взаимоотношений, которые отвечали бы справедливости и достоинству обеих высоких сторон и которые, обеспечивая за св. престолом устойчивым образом фактическое и правовое положение, гарантирующее ему абсолютную независимость в деле выполнения его высокой миссии в мире, позволили бы св. престолу признать окончательно и бесповоротно улаженным «римский вопрос», возникший в 1870 г. в связи с присоединением Рима к королевству Италии под династией Савойского дома;

что ввиду необходимости обеспечить за св. престолом абсолютную и явную независимость, гарантировать ему бесспорный суверенитет также и в международном отношении, было признано нужным создать на основе особых норм город Ватикан, признав в отношении его за св. престолом полную собственность, исключительную и абсолютную власть и суверенную юрисдикцию,—

его святейшество верховный первосвященник Пий XI и его величество Виктор-Эммануил III, король Италии, решили заключить договор...

---

¹ Текст перевода сообщен *А. В. Сабаниным*.

Ст. 1. Италия признает и подтверждает принцип, освященный в ст. 1 конституции (сардинского) королевства 4 марта 1848 г., в силу которого католическая, апостольская и римская, религия является единственной государственной религией.

Ст. 2. Италия признает суверенитет св. престола в международной области как атрибут, присущий его природе, в соответствии с его традициями и с требованиями его миссии в мире.

Ст. 3. Италия признает за св. престолом полную собственность и исключительную и абсолютную власть и суверенную юрисдикцию над Ватиканом в его настоящем составе со всеми его принадлежностями и дотациями, создавая таким образом для особых целей и на основаниях, о коих говорит договор, город Ватикан. Границы упомянутого города указаны в плане, составляющем приложение I к настоящему договору, образующее составную его часть.

При этом остается установленным, что площадь св. Петра, хотя и составляя часть города Ватикана, будет попрежнему в качестве общего правила открыта для публики и подчиняться полицейским чинам итальянских властей. Полномочия этих властей будут прекращаться у подножия лестницы базилики, несмотря на то, что последняя будет попрежнему предназначаться для публичных отправлений культа; вследствие этого эти власти не будут подниматься или входить в упомянутую базилику, если только они не будут приглашены вмешаться компетентной властью.

В тех случаях, когда св. престол в целях особых надобностей службы сочтет нужным временно закрыть площадь св. Петра для свободного передвижения публики, итальянские власти, если только они не будут приглашены компетентной властью остаться на местах, удалятся по ту сторону внешней линии Вергиниевской колоннады и ее продолжения.

Ст. 4. Суверенитет и исключительная юрисдикция, которые Италия признает за св. престолом над городом Ватиканом, влечет за собой то, что на последний не может распространяться никакое вмешательство со стороны итальянского правительства и что в нем не будет никакой другой власти кроме власти св. престола.

Ст. 5. Во исполнение того, что постановлено в предыдущей статье до вступления в силу настоящего договора, территория, образующая город Ватикан, должна быть заботами итальянского правительства освобождена от всяких обязательств и от всяких могущих занимать ее лиц. Св. престол озабочится закрытием

доступов к ней, отгородив открытые места, за исключением площади св. Петра.

Остается далее условленным, поскольку то касается существующих там недвижимостей, принадлежащих религиозным учреждениям и органам, что св. престол, при условии отсутствия у итальянского государства интереса к этому вопросу, будет принимать от себя непосредственно меры к урегулированию своих отношений с ними.

Ст. 6. Италия путем надлежащих соглашений с заинтересованными органами позаботится о том, чтобы за городом Ватиканом была обеспечена в виде собственности потребная дотация воды.

Кроме того она заботится о смычке железнодорожной станции с государственными железными дорогами путем постройки в городе Ватикане, в местности, указанной в приложенном плане (Приложение I), и путем пробега собственных вагонов Ватикана по итальянским железным дорогам.

Далее она озаботится связью, которая также будет прямой с другими государствами, в отношении телеграфной, телефонной, радио-телеграфной, радио-телефонной и почтовой службы города Ватикана.

Наконец, она озаботится также согласованием других общественных служб.

Все вышесказанное будет выполнено за счет средств итальянского государства в годичный срок с момента вступления настоящего договора в силу.

Св. престол озаботится приведением за свой счет в порядок доступов в Ватикан, как уже существующих, так и тех, которые впоследствии будет сочтено нужным открыть.

Между св. престолом и итальянским государством будут выработаны соглашения относительно передвижения по территории последнего сухопутных средств передвижения и воздушных судов города Ватикана.

Ст. 7. На территории вокруг города Ватикана итальянское правительство обязуется не допускать новых построек, выходящих окнами на территорию Ватикана, и распорядится с той же целью о частичном сношении (построек) уже существующих (на участке) от ворот Кавалледжери и вдоль по улице Аврелия и по аллее Ватикана.

В соответствии с нормами международного права воспрещается воздушным судам какого бы то ни было вида летать над территорией Ватикана.

Всякие строительные или уличные изменения на площади Рустикуччи и в зонах, прилегающих к колоннаде, на которые не

распространяется экстерриториальность, о которой говорится в ст. 15, будут, если они могут интересоваться город Ватикан, производиться с общего согласия.

Ст. 8. Италия, почитая личность верховного первосвященника священной и неприкосновенной, заявляет, что покушение против нее и подстрекательство к совершению такого покушения, наказуемы теми же карами, которые установлены за покушение против личности короля и подстрекательство к совершению такого покушения.

Публичные оскорбления и надругательства, наносимые на итальянской территории личности верховного первосвященника путем речей, действий и писаний, наказываются как оскорбления и надругательства над личностью короля.

Ст. 9. В соответствии с нормами международного права суверенитету св. престола подчинены все лица, имеющие постоянное местожительство в городе Ватикане. Это местожительство не утрачивается фактом простого временного проживания в другом месте, не сопровождаемого утратой жилища в самом указанном городе или другими обстоятельствами, подтверждающими отказ от указанного местожительства.

Переставая быть подчиненными суверенитету св. престола, лица, упомянутые в предыдущем разделе, будут без прочих формальностей почитаться в Италии как итальянские граждане, если только они по смыслу итальянского закона, независимо от предусмотренных выше фактических обстоятельств, не могут считаться гражданами другого государства.

К тем же лицам, пока они подчинены суверенитету св. престола, будут применяться на территории итальянского королевства нормы итальянского законодательства также и в вопросах, в отношении которых должен соблюдаться личный статут, если только эти вопросы не регулируются нормами, изданными св. престолом. Если же речь идет о лице, которое может считаться гражданином другого государства, то к нему будут применяться законы государства, к которому оно принадлежит.

Ст. 10. Служащие церкви и лица, принадлежащие к папскому двору, список которых будет выработан по соглашению между высокими договаривающимися сторонами, будут всегда и во всех случаях, даже если они не будут гражданами Ватикана, освобождены Италией от военной службы, от функций присяжных заседателей и от несения всякого рода повинностей личного характера.

Это же постановление относится также к штатным чиновникам, объявленным св. престолом необходимыми и находящимся на

постоянной службе и на определенном жаловании в учреждениях св. престола, а также в департаментах и учреждениях, находящихся вне пределов города Ватикана и перечисленных ниже в ст. 13, 14, 15 и 16.

Эти чиновники будут указаны в другом списке, который подлежит согласованию, как то было указано выше, и который ежегодно будет поверяться св. престолом.

Священнослужители, которые по долгу службы участвуют за пределами города Ватикана во внешних формах выражения действий св. престола, не должны подвергаться по этой причине никаким ограничениям, расследованиям или преследованиям со стороны итальянских властей.

Всякое иностранное лицо, облеченное в Риме священнослужительскими функциями, пользуется теми же личными гарантиями, которыми обладают итальянские граждане в силу законов королевства.

Ст. 11. Центральные органы католической церкви свободны от всякого вмешательства со стороны итальянского государства (за исключением постановлений итальянских законов, касающихся приобретения качеств юридического лица), а также от обязательного отчуждения недвижимых имуществ.

Ст. 12. Италия признает за св. престолом активное и пассивное право посольства, согласно общих правил международного права.

Посланники иностранных правительств при св. престоле продолжают пользоваться в королевстве всеми прерогативами и преимуществами, которые присвоены дипломатическим агентам согласно международному праву, и их резиденции могут продолжать оставаться на итальянской территории, пользуясь следующей им по нормам международного права неприкосновенностью даже если их государства не имеют дипломатических отношений с Италией.

Остается условленным, что Италия обязуется всегда и во всех случаях позволять пропуск корреспонденции от всех государств, включая и воюющих, на имя св. престола и обратно, а также и свободный доступ епископов всего света к апостольскому престолу.

Высокие договаривающиеся стороны обязуются установить между собою нормальные дипломатические отношения путем аккредитования итальянского посла при св. престоле и папского нунция при Италии, который будет старейшиной дипломатического корпуса в силу обычного права, признанного на Венском конгрессе актом от 9 июня 1815 г.

В силу признания суверенитета и не нанося ущерба тому, что поставлено ниже в ст. 19, дипломаты св. престола и курьеры, посылаемые от имени верховного первосвященника, пользуются на итальянской территории, также и во время войны, тем же режимом, что и дипломаты и кабинетные курьеры других иностранных правительств, согласно нормам международного права.

Ст. 13. Италия признает за св. престолом право полной собственности над патриаршими базиликами Сан-Джованни ин Латерано, Санта Мария Маджиоре и Сан Паоло с прилегающими к ним строениями...

Государство передает св. престолу свободное управление и администрирование упомянутой базиликой Сан-Паоло с прилегающим монастырем, выплачивая при этом св. престолу капиталы, соответствующие суммам, отпускаемым ежегодно на упомянутую базилику из бюджета министерства народного просвещения.

Так же точно остается условленным, что св. престол свободно владеет... зданием Сан-Калисто при Санта Мария ин Трастевере...

Ст. 14. Италия признает за св. престолом право полной собственности над папским дворцом Кастель Гандольфо со всеми дотациями, службами и угодьями..., которые уже сейчас находятся во владении упомянутого св. престола, а также обязуется уступить ему равным образом в полную собственность, выполнив это в течение 6 месяцев со дня вступления в силу настоящего договора, виллу Барберини и Кастель Гандольфо со всеми дотациями, службами и угодьями.

Для округления собственности над недвижимостями, расположенными к северу от Яникульского холма, принадлежащими священной конгрегации Пропagанды веры и другим церковным институтам и выходящими на сторону ватиканских дворцов, государство обязуется передать в этой зоне св. престолу или органам, которые будут им указаны, принадлежащие государству или третьим лицам недвижимости. Недвижимости, принадлежащие упомянутой конгрегации и другим институтам, и те, которые должны быть переданы, указаны в (приложенном к договору) плане...

Италия, наконец, уступает св. престолу в полную и свободную собственность бывшие монастырские здания в Риме, прилегающие к базилике Сантi XII Апостолi и к церквам Сант-Андреа делла Валле и Сан-Карлю ди Катинари со всеми пристройками и угодьями..., свободными от занимающих их лиц, причем они

подлежат передаче в годичный срок со дня вступления в силу настоящего договора.

Ст. 15. Недвижимости, указанные в ст. 13 и в разделах 1 и 2 ст. 14, а также дворцы Датариа, Канчеллариа, Пропаганда Фиде на Пиацца ди Спанья, дворец Сант-Официо с прилегающими строениями, дворец Конвертенди (ныне конгрегация Восточной церкви) на площади Скоссакавалли, дворец Викариата... и прочие здания, в которых св. престол в будущем пожелает разместить остальные департаменты, хотя и составляют часть территории Итальянского государства, все же будут пользоваться преимуществами, признаваемыми международным правом за резиденциями дипломатических агентов иностранных государств.

Те же преимущества применяются также в отношении к другим церквям, расположенным вне Рима, во время совершения в них церемоний без доступа публики, с участием верховного первосвященника.

Ст. 16. На недвижимости, указанные в трех предыдущих статьях, а также на (недвижимости), приспособленные под нижеследующие папские институты: Григорианский университет, институты Библейский, Восточный, Археологический, Русская семинария, Ломбардская коллегия, оба дворца Сант-Аполинаре и Дом духовных упражнений клира Сан Джаованни де Паоло..., никогда не будет наложено никаких обременений, и они не будут отчуждены для общественно-полезных целей без предварительного согласия со св. престолом; они будут освобождены от налогов, как обыкновенных, так и чрезвычайных, как в пользу государства, так и в пользу каких-либо других органов.

Св. престол имеет право привести по своему усмотрению в порядок все вышеупомянутые недвижимости, указанные в настоящей статье, не нуждаясь в разрешении или согласии со стороны итальянских правительственных, провинциальных или коммунальных властей, которые могут в этом отношении вполне положиться на благородные художественные традиции, которыми гордится католическая церковь.

Ст. 17. Всякого рода выплаты, следуемые со св. престола, с других центральных органов католической церкви и органов, управляемых непосредственно св. престолом также и вне Рима, сановникам, чиновникам и оплачиваемым служащим, также и не постоянным, будут освобождены на итальянской территории, начиная с 1 января 1929 г., от каких бы то ни было налогов как в отношении государства, так и в отношении всех прочих органов.

Ст. 18. Сокровища искусства и науки, находящиеся в городе Ватикане и в Латеранском дворце, останутся доступными обозрению специалистов и посетителей, причем за св. престолом сохраняется полная свобода регулировать доступ к ним публики.

Ст. 19. Дипломаты и посланники св. престола, дипломаты и посланники иностранных представительств при св. престоле и сановники церкви, которые прибывают из-за границы и направляются в город Ватикан и которые снабжены паспортами государства, из которого они происходят, визированными папскими представителями за границей, могут без всяких формальностей следовать туда (в город Ватикан) через итальянскую территорию.

То же относится к вышеупомянутым лицам, которые, будучи снабжены надлежащими паспортами, отправляются из города Ватикана за границу.

Ст. 20. Товары, прибывающие из-за границы и направляемые в город Ватикан или же за пределы последнего, институтам или учреждениям св. престола, будут всегда пропускаться из любого пункта итальянской границы и в любой порт королевства транзитом по итальянской территории, с полным освобождением от таможенных и акцизных пошлин.

Ст. 21. Все кардиналы пользуются в Италии почестями, присвоенными принцам крови; кардиналы, пребывающие в Риме, также и за пределами города Ватикана, во всех случаях считаются гражданами последнего.

Во время вакантности папского престола Италия принимает особые меры к тому, чтобы кардиналы не встречали препятствий к свободному проезду через итальянскую территорию и к въезду в Ватикан и чтобы им не чинились препятствия или ограничения их личной свободы.

Кроме того Италия будет наблюдать за тем, чтобы на ее территории вокруг города Ватикана не совершались действия, могущие каким-либо образом нарушать собрания Конклава.

Упомянутые правила остаются в силе также по отношению к Конклавам, которые могли бы иметь место вне города Ватикана, а также к соборам под председательством верховного первосвященника или его легатов, и по отношению к епископам, призванным участвовать в них.

Ст. 22. По требованию св. престола и по поручению, которое может быть им же дано, либо в отдельных случаях, либо постоянным образом, Италия будет принимать на своей территории меры к наказанию за преступления, которые были бы совершены в городе Ватикане, за исключением случаев, когда совер-

шивший преступление скроется на итальянскую территорию, в каком случае дело против него будет вестись по нормам итальянских законов.

Св. престол будет выдавать итальянскому государству скрывающихся в городе Ватикане лиц, которым вменяются такие действия, совершенные на итальянской территории, которые считаются преступными по законам обоих государств.

Аналогично будут приниматься нужные меры по отношению к лицам, которым вменяются преступления и которые будут скрываться в недвижимостях, объявленных неприкосновенными по ст. 15, если только надзирающие за упомянутыми недвижимостями лица не предпочтут пригласить итальянских агентов войти, чтобы арестовать этих лиц.

Ст. 23. Для исполнения в королевстве приговоров, выносимых судами города Ватикана, будут применяться нормы международного права.

Приобретут, напротив, без других формальностей юридическую силу в Италии со всеми гражданскими последствиями, приговоры и распоряжения, выносимые церковными властями и сообщенные официально гражданским властям, касающиеся церковных или религиозных лиц и относящиеся к духовным и дисциплинарным предметам.

Ст. 24. Св. престол, в связи с присущим ему также и в международной области суверенитетом, заявляет, что он желает оставаться и останется посторонним светскому соперничеству между другими государствами и созываемым на этот счет международным конгрессам, если только спорящие стороны не обратятся с одновременным воззванием к его мирной миссии. При этом, однако, он (св. престол) оставляет во всяком случае за собою право заставить уважать свою моральную и духовную власть.

Вследствие этого город Ватикан всегда и во всех случаях будет рассматриваться как территория нейтральная и неприкосновенная.

Ст. 25. В особой конвенции, подписанной одновременно с настоящим договором и составляющий приложение к последнему и образующей его составную часть, предусматривается порядок ликвидации кредиторских требований св. престола по отношению к Италии.

Ст. 26. Св. престол считает, что соглашениями, которые подписываются сегодня, за ним обеспечиваются надлежащие средства для того, чтобы он мог с должной свободой и независимостью осуществлять папское управление римской епархией и

католической церковью в Италии и во (всем) мире; он объявляет окончательно и бесповоротно улаженным, а следовательно и исчерпанным «римский вопрос» и признает королевство Италию под династией Савойского дома, с Римом в качестве столицы итальянского государства.

В свою очередь Италия признает государство город Ватикан, под суверенитетом верховного первосвященника.

Закон 13 мая 1871 г. № 214 и всякие другие постановления, противоречащие настоящему договору, отменяются.

Ст. 27. Настоящий договор будет не позднее чем через четыре месяца представлен для ратификации верховному первосвященнику и королю Италии и войдет в силу с самого момента обмена ратификациями.

№ 5.

Письмо папы к кардиналу Помпили.

Нашему преподобному брату кардиналу Базилии Помпили, епископу Веллетрии и нашему генеральному викарию Рима!

Пий папа XI.

Господин кардинал, мы глубоко потрясены ужасными и святотатственными злодеяниями против бога и души, которые повторяясь усиливаются изо дня в день среди бесчисленного населения России, дорогого нашему сердцу, одинаково относящемуся ко всем страдающим, населения, к которому принадлежат столько преданных и верных сынов и служителей нашей святой римско-католической церкви, преданных и верных до героизма и мученичества.

С самого начала нашего первосвященства, по примеру нашего предшественника святой памяти Бенедикта XV, мы умножали усилия, чтобы приостановить ужасные гонения и удалить от этого народа тяжкие невзгоды. Мы приложили старания, требуя от правительств, представленных на генуэзской конференции, притти к общему соглашению по вопросу о декларации, которая облегчила бы многочисленные невзгоды в России и во всем мире, которая объявила бы предварительным условием признания Советского правительства почитание убеждений (религиозных), свободу культов и неприкосновенность церковного имущества.

К сожалению, эти три пункта, особенно полезные духовной иерархии, к несчастью отделенной от католического единства, были оставлены во славу интересов светских, которые, с другой стороны, были бы лучше защищены, если бы правительства

прежде всего уважали права бога, его царство и его правосудие; к сожалению, было также отвергнуто наше непосредственное вмешательство в дело спасения и сохранения от разрушений обычных традиционных религиозных священных сосудов и икон, являвшихся сокровищами веры и искусства, дорогих сердцам всех русских. Однако мы имели утешение спасти от уголовного преследования и оказали действительную помощь главе этой иерархии, к сожалению отделенной от единства, патриарху Тихону. В то же время великодушные пожертвования католического мира спасали от голода и от ужасной смерти более чем 150 тыс. детей, кормившихся ежедневно благодаря заботам наших представителей, пока те не были вынуждены оставить свое благочестивое дело, так как власти предпочитали приговорить к смерти тысячи невинных, чем видеть их накормленными христианской милостыней.

Это нечестивое святотатственное натравливание было направлено не только против духовенства и взрослых верующих, между которыми, вместе с другими жертвами верности божественному культу бога, мы особенно приветствуем наших сердечно любимых детей, священнослужителей и верующих католиков, заключаемых в тюрьмы, ссылаемых, приговариваемых к принудительным работам, и с их двумя епископами, нашими преподобными братьями Болеславом Слоскан и Александром Фрисон и с нашим представителем перед славянским обрядом католическим экзархом Леонидом Федоровым; но организаторы атеистической кампании и «антирелигиозного фронта» желают больше всего развратить юношество, злоупотребить его наивностью и неведением и вместо преподавания ему изучения науки и культуры (которые впрочем, так же как честь, справедливость и благосостояние, сами не могут процветать и благоденствовать без религии) организуют в Союз воинствующих безбожников, таящий в себе упадок моральный, культурный, а также экономический, с агитацией столь же бесплодной, сколько и бесчеловечной, при которой дети подстрекаются доносить на родителей, разрушать и осквернять религиозные здания и эмблемы и, прежде всего, осквернять души свои всеми пороками и наиболее постыдными материалистическими заблуждениями, чем зачинщики стремятся поразить религию и самого бога, добиться гибели разумного и самой человеческой природы.

Об этих безобразиях мы неоднократно отмечали с прискорбием в наших консисторских речах и нашей недавней энциклике о воспитании юношества; мы не прекращали ежедневных молитв об этих миллионах душ, искупленных кровью Иисуса Христа,

побуждаемых и почти принуждаемых осквернить свое крещение и традиционное почитание семьями св. девы и даже последние следы чести и должного почитания домашнего очага. Наконец, чтобы найти опору и поддержку в наших усилиях противодействовать этому злу, мы образовали специальную комиссию для России, поручив руководство ею нашему дорогому сыну, кардиналу Луиджи Синчиро. А также с первых же недель нашего первосвященства одобрили мы и пополнили индульгенцию краткой молитвой: «Искупитель мира, спаси Россию» и создали в течение последних месяцев две формулы молитвы, в которых русский народ поручается покровительству сладчайшего чудотворца из Лизье, св. Терезе и младенцу Иисусу. Постановили утвердить взятую в нашем Институте изучения Востока инициативу в истекшем ноябре провести конференцию точно документальную и научную для широкого освещения перед обществом некоторых из святотатственных покушений, которые Союз воинствующих безбожников организовал на обширной советской территории, ставших даже в противоречие с текстом революционной конституции, и без того достаточно антирелигиозной. Мы констатируем с удовлетворением, что этому примеру, исходящему из Рима, последовали другие страны, образовав месяцем позже подобные конференции и собрания в Лондоне, Париже, Женеве, Праге и других городах.

Но требуется воздействие более серьезное, чем официальные публикации об этих богохульствах и злодеяниях.

Во время последнего празднования святого рождества не только государством закрываются несколько сот церквей, сжигаются многочисленные иконы, приказывается работать всем рабочим и воспитанникам школ, отменяются воскресные дни, но служащие учреждений мужицЫ и женщины принуждались подписывать формальные заявления об отступничестве от религии с хулой на бога, под угрозой лишения их карточек на хлеб, одежду, жилище, без которых каждый житель этой несчастной страны обрекается умереть с голода, от бедности, от холода. Сверх того во всех городах и многих деревнях были организованы бесчестные карнавалы, представления, подобные тем, которые иностранные дипломаты могли наблюдать собственными глазами в Москве: в центре города в продолжение рождественских дней они видели повозки, на которых в большом количестве ехали мальчишки, одетые в священные облачения, предававшие глумлению и оплевыванию святой крест; на других грузовиках были водружены рождественские деревья, на которых были развешены многочисленные куклы, изображавшие еписко-

пов католических и православных; в центре города другие мальчишки совершали многообразные святотатства против креста.

Чтобы бороться всеми возможными способами против этих святотатственных посягательств, а также в целях привлечения к избавлению верующих всего мира, назначаем, г-н кардинал, в день праздника св. Иосифа 19 марта текущего года в нашей базилике св. Петра и на могиле старшего из апостолов мессу об искуплении и исправлении такого серьезного и такого ужасного выступления против «чудесного сердца». Молиться будем не только о спасении многих душ—дело, требующее продолжительных и трудных усилий, но и об облегчении положения нашего горячо любимого русского народа, чтобы прекратить окончательно эти великие мучения, чтобы люди этого народа могли возможно скорее явиться в единую овчарню единого спасителя и искупителя господа нашего Иисуса Христа. После того будем просить у святого сердца прощения и милости для жертв и для самих палачей. Мы будем умолять святую беспорочную деву Марию, божью мать, ее целомудреннейшего жениха св. Иосифа, патрона всемирной церкви, и специальных покровителей России, св. Анжелику, св. Иоанна Крестителя, св. Николая, св. Василия и св. Кирилла и Мефодия со всеми прочими святыми и особенным образом св. Терезу и младенца Иисуса, которым мы особенно препоручаем будущее этих душ.

Пока, г-н кардинал, просил вас дать необходимые распоряжения об этом торжественном молении. Мы выражаем твердую уверенность, что не только народ и клир нашего Рима, но раньше всех наши достопочтенные братья в католических епископиях и весь христианский мир присоединятся к нашему молению в этот день или в другой праздничный день, для этого назначенный.

Уверенный, что чудесное провидение в момент, для этого назначенный, приготовит и даст необходимые средства для исправления разрушений моральных и материальных этого громадного государства, занимающего одну шестую часть земного шара, мы усиленно займемся приготовлением души, в этом молении будем просить об устройении и умилощении и выражаем уверенность, что божественное милосердие сойдет на русский народ.

И с этой уверенностью от всего сердца посылаем вам, г-н кардинал, и всем, кто соединится с нами в этом духовном походе молитв,—апостольское благословение—залог небесной милости.

Дано в Риме, 2 февраля, в день праздника сретения деви Марии, год 1930, восьмой нашего первоосвященства.

Д. И. ГЕРИ Пий papa XI

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Католическая церковь в эпоху империализма	5
Глава II. Политика папства во Франции	34
Глава III. Политика папства в Англии	65
Глава IV. Политика папства в Германии	76
Глава V. Католическая церковь в Италии	93
Глава VI. Католическая церковь во второстепенных государствах Европы	120
Глава VII. Католическая церковь в Польше и лимитрофах	131
Глава VIII. Католическая церковь в Америке	143
Глава IX. Католическая церковь в Азии, в Африке, в колониях и полуколониях	155
Глава X. Папство и СССР	173
Приложения	188

Е. А. АДАМОВ

ДИПЛОМАТИЯ ВАТИКАНА
В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

Соцэкгиз.

9 печ. листов.

Печатается.

СОДЕРЖАНИЕ:

Ватикан и возникновение фран-
ко-русского союза.

Ватикан и Англия в эпоху
англо-бурской войны.

Документы российского мини-
стерства иностранных дел, отно-
сящиеся к миссии А. П. Изволь-
ского при Ватикане (1887—1897 гг.)
и др.

ЗА И ПРОТИВ СССР

(К крестовому походу против СССР)

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Составили:

И. ВАРЬЯШ и О. ВАЛЬКОВСКАЯ

Под редакцией Ю. В. ГОЛЬДШТЕЙНА

ИКА. 1930.

Стр. 116.

Ц. 65 к.

К. РАДЕК

МИРОВОЙ МЕНЬШЕВИЗМ И ИНТЕРВЕНЦИЯ ПРОТИВ СССР

Соцэкгиз. 1931.

Стр. 97.

Ц. 55 к.

МЕНЬШЕВИКИ-ИНТЕРВЕНТЫ

(СБОРНИК СТАТЕЙ)

Соцэкгиз. 1931.

Стр. 137.

Ц. 70 к.

1 руб. 30 коп.

